

Зарубежная

фантастика

Ф. Л. Уоллес
ИЗ ДВУХ ЗОЛ

Флойд Ли Уоллес ИЗ ДВУХ ЗОЛ

Она лгала ему, лгала все время. Она никогда не намеревалась ему помочь, хотя и говорила, что поможет. Цель? Заманить его в ловушку. И ей это удалось. В гневе он смерил ее ненавидящим взглядом. И в этот момент увидел предмет, летящий из ее руки.

Предмет тяжело ударил его в голову, сбив часть грима; в тот же момент он выхватил автомат и выстрелил дважды, по ногам и по рукам. (стр. 156)

16.02.1915 – 26.11.2004

Зарубежная

фантастика

Ф.Л. Уоллес
Из двух зол

Рассказы

Екатеринослав
«Еростат»
2002

ББК 84.7 (СИЛ)
У 634

Задержка в пути

— Мышцы напряжены, — сказал Диманш. — Нейтральный индекс, 1,76, необычайно высок. Адреналин выделился в его систему. В общем, он вас преследует. Намерения: вероятное нападение с использованием оружия.

— Это меня не интересует, — ответил Кассел твердо. Его внутренняя вокализация не слышна никому, кроме Диманша. — Я не отношусь к типу жертв.

Он стоял на тротуаре, ближе к магистрали.

— Возвращаюсь в отель и там лягу.

— Сначала вам нужно туда добраться, — резонно заметил Диманш. — Я имею в виду, не опасно ли для иностранца идти пешком через весь город?

— Теперь, когда ты заметил его, нет. — Кассел внимательно осмотрелся вокруг. — Где же он?

— Позади вас. Делает вид, что интересуется выставкой товаров.

Кареглазый абориген с безразличным видом прошлепал мимо. Очевидно, вид землянина, стоявшего в одиночестве, был ему привычен. Его кадык подрагивал вверх-вниз. То, что все путешественники — сумасброды, было для годольфиан аксиомой.

Кассел посмотрел вверх. Ни одного воздушного такси. В сумерки Годольф отключали. Произошло бы чудо,

если бы он нашел такси до утра. Конечно, он пойдет в отель пешком, но не опасно ли это сейчас?

Годольфианский город был необычен. И специально приспособлен для всяческих видов насилия. Да, пешеход здесь находится в невыгодном положении.

— Исправление, — опять заговорил Диманш. — Это не простое нападение, он замышляет убийство.

— И все-таки это меня не трогает, — продолжал настаивать Кассел.

Пытаясь выглядеть беспечным, он сделал несколько шагов по улице и сквозь окно заглянул в небольшое кафе. Как там тепло, светло и сухо! Войти бы, там он, возможно, найдет временное убежище.

К черту этого мужика, который преследует его! В нормальном городе ничего не стоит ускользнуть от не-

го. Но на Годольфе ничего нормального нет. Через час улицы будут ярко освещены — для глаз аборигенов. Человеку же этот свет будет казаться тусклым.

— Почему он выбрал меня? — посетовал Кассел. — Должно быть, он что-то надеется заполнить?

— Я работаю сейчас над этим, — проинформировал Диманш. — Но не забывайте, у меня есть ограничения. На коротких дистанциях я могу сканировать нервную систему, собирать и интерпретировать физиологические данные, но не читаю мысли. Самое большее, что я могу делать, это сообщать, что человек говорит вслух или произносит про себя. Если вам действительно интересно, почему он хочет напасть, предлагаю сообщить об этом в гадскую полицию.

— В годольфианскую, а не в гадскую, — поправил Кассел рассеянно.

Этому совету он последовать не мог, каким бы хорошим он ни казался. Никаких показаний для полиции у него не имелось, за исключением сведений, полученных от Диманша. Однако существовали еще и разные причины, включая закон, не допускавший разглашения тайны устройства, именуемого Диманшем. Полиция стала бы действовать, если бы нашла труп. Его собственный, лежащий, скажем, лицом вниз, на одной из тихих улочек. Это тоже не показалось Касселу правильным подходом.

— Оружие?

— Это первая мысль, в связи с чем я обыскал его. Ничего слишком опасного: длинный нож и тяжелый предмет для нанесения ударов. Оба спрятаны на теле.

Кассел даже задохнулся: Диманш нуждался в уроках по семантике... Нож — самый молчаливый вид оружия, от которого человек умирает. Рука скользнула в карман. Там тоже имелось средство для защиты.

— Докладываю, — сказал Диманш. — Хотя сведения не окончательные, основанные, возможно, на недостаточных уликах.

— Давай их в любом случае.

— Его мотивации имеют какое-то отношение к вашей высадке на этой планете. По некоторым причинам вы не сможете выбраться отсюда.

Это была поразительная информация, хотя и не совсем правильная. Тысячи звездных систем ожидали его, и космический корабль был готов отвезти его на любую из них. Конечно, корабль, которого он ждал, еще не прибыл. Годольф был пересадочным пунктом между звездами, расположенными ближе к центру Галактики. Покидая Землю, Кассел знал, что ему придется подождать здесь всего несколько дней. Но не предполагал, что задержка растянется на три недели. И все-таки это не было необычным. Межзвездные расписания на большие расстояния не так надежны, как этого хотелось бы.

Был ли этот человек, кто бы он там ни был и что бы он ни замыслил, связан с этой задержкой? Как считал Диманш, тот именно так и думал. Заблуждался он или имел доступ к информации, которой не располагал Кассел?..

Дентон Кассел, инженер по сбыту, задумался над своим положением. Он был неплохим инженером, и, кроме того, поразительно хорошо подходил к своему инст-

рументу, который мог быть только у самого лучшего торговца фирмы «Нейроникс». Эта-то характеристика и послужила ему путевкой в столь длинное путешествие, первая часть которого уже была позади. Он должен был полететь на Танни-21, чтобы встретиться с одним человеком, который был важен для компании, намеревавшейся нанять его, хотя, впрочем, так ли уж он был ей нужен?..

Шедший следом убийца вряд ли был заинтересован в самом Касселе, или в его миссии, которая была чисто коммерческой, и, тем более, в человеке на Танни. И деньги, если анализ Диманша был верным, не являлись его целью. Что же ему было нужно?

Секреты? У Кассела их не было, за исключением, в некотором смысле, Диманша. Но это было так хорошо засекречено на Земле, что вряд ли кто-либо столь далеко мог узнать о его существовании.

И все-таки этот головорез намеревался убить его. Уже практически считал его убитым. Возможно, стоит исследовать это дело дальше, если это не связано с большим риском.

— Лучше начать двигаться, — это Диманш.

Кассел медленно побрел вдоль тротуара, который по обе стороны бульвара граничил с транспортным потоком. Снова шел дождь. Он был обычным на Годольфе, планете с контролируемой погодой. Аборигены любили дождь.

Кассел отрегулировал управление слабого силового поля, отражавшего дождь. Он расширял угол поля до тех пор, пока вода не начала беспрепятственно скользить через него. Затем, проклиная отвратительный

климат и полуамфибий, создавших его, сузил поле вокруг себя, пока оно не достигло видимости, и капли начали отскакивать.

Неподалеку из транспортного потока появилась годольфианка и стала на тротуар. Это было то, что делало жизнь человека опасной, — видоизмененная Венера, ослепительно юного возраста, воспитанная в духе современных требований.

Вода. Она была совершенным строительным материалом. Простым, дешевым, бесконечно гибким. С помощью несложных механизмов и с головокружительной скоростью лента транспортного потока двигалась на различных уровнях через весь город. Годольфианин попросту нырял в нее, быстро и бесшумно направляясь к месту назначения. В то время как человек...

Кассел поежился. Если бы он утонул, то это приняли бы за несчастный случай. Не проводилось бы никакого расследования. Убийца, шедший за ним по пятам, безусловно, выбрал правильное место.

Годольфианка прошла мимо. На ней был гладкий, лоснящийся, коричневый мех, ее собственный. Кассел был почти уверен, что она пробормотала вежливое «арф». Что она имела в виду, он не знал и не имел намерения выяснять.

— Следуйте за ней, — дал инструкцию Диманш. — Нам нужно исследовать нашего человека на более близком расстоянии.

Кассел послушно повернулся и пошел за девушкой. Напоминая кошку, она была привлекательна своим антропоморфическим видом даже со спины. Хотя и не так грациозна вне своей стихии.

Когда Кассел повернул обратно, предполагаемый убийца все еще рассматривал товары. Человек, или по крайней мере человеческий тип. Крепкий парень, физически вполне способный к насилию, если только внешний вид имеет какое-либо отношение к этому. Лицо, впрочем, было не характерным для насильника — спокойное, почти кроткое. Лицо ученого или мыслителя. Оно не подходило убийце.

— Ничего, — буркнул Диманш с отвращением. — Его мысли застыли, когда мы подошли ближе. Я смог почувствовать, как он дернул лопатками, когда мы проходили мимо. Предчувствие вины, конечно. Проектирование на вас замышляемых действий. Это указывает на нож как на возможное оружие.

Кассел остановился неподалеку от витрины. Дрожащими руками вынул сигарету и нащупал зажигалку.

— Прекрасное мышление, — похвалил Диманш. — Он не попытается что-либо предпринять на этой улице. Слишком опасно. Поверните за угол на следующем пустующем перекрестке и пусть он следует за огоньком вашей сигареты.

Зажигалка вспыхнула в его руке.

— Это один из способов выяснения, но, может быть, было бы безопаснее для меня сконцентрироваться на том, как попасть в отель.

— Мне любопытно. Поверните здесь.

— Пошел ты к черту, — нервно отрезал Кассел. Тем не менее, подойдя к перекрестку, повернул.

Это был годольфианский эквивалент переулка, узкого и темного. Маслянистая, медленно текущая вода

журчала по одну сторону; высокие, глухие, неясно вырисовывающиеся стены — по другую.

Ему следовало бы отрегулировать фактор любопытства Диманша. Это хорошо, что он так интересуется незнакомцем, но, кроме того, существовала проблема, как выйти из этого приключения живым. Диманш, электронный инструмент, естественно, этого в расчет не принимал.

— Легко, — отреагировал Диманш. — Он у начала переулка, идет быстро, удивлен и доволен, что вы пошли этим маршрутом.

— Я тоже удивлен, — заметил Кассел. — Но не сказал бы, что доволен. Во всяком случае, не сейчас

— Осторожно. Даже внутренняя вокализация отвлекает. Механизм, спрятанный на его теле, некоторое время молчал, затем продолжал:

— У него повышается кровяное давление, учащается дыхание. В данный момент он, возможно, готов вербализовать, зачем он хочет убить вас. Это критическое состояние.

— Да, это не обман, — горько согласился Кассел. Он по-прежнему сжимал зажигалку. Было очень трудно не оглянуться. Темнота становилась все более злобещей.

— Спокойнее, — сказал Диманш. — Он вербализирует по поводу вас.

— Он решил, что я хороший парень, и в конце концов, все прекратит и попросит у меня огонька.

— Я не думаю, — ответил Диманш. — Он шепчет: «Бедняга, мне так не хочется убивать его. Но дело обстоит так — либо он, либо я».

— Он более прав, чем думает. Хотя к чему все это насилие? Есть ли здесь какой-нибудь тайный смысл?

— Никакого, — признался Диманш. — Он очень близко. Вам лучше повернуться.

Кассел повернулся и нажал кнопку зажигалки, что должно было придать ему уверенности. Но все напрасно. Он очень плохо видел.

Невыразительная тень стремительно набросилась на него. Он вовремя отскочил от покрытой водой стороны переулка и почувствовал толчок воздуха, когда нападавший наносил удар.

— Эй! — воскликнул Кассел.

Ему отозвалось только эхо. Возникло тоскливое чувство, что никто не собирается приходить к нему на помощь.

— Он не ожидал такой реакции, — объяснил Диманш. — Вот почему и промазал. Он уже развернулся и подходит снова.

— Я вооружен! — закричал Кассел.

— Это его не остановит, он не верит.

Кассел зажал в руке зажигалку, то есть то, что было зажигалкой несколько мгновений назад. Изначально она была сконструирована как хирургический инструмент первой необходимости. Немного усилий — и незначительные изменения превращали ее в компактный, действенный стилет. Тонкое, как игла, лезвие, выскочило наружу и застыло неподвижно.

— За двадцать футов отсюда, — посоветовал Диманш. — Он знает, что вы не видите его, но он видит ваш силуэт на фоне главной магистрали. Но он не веда-

ет, что я могу наблюдать каждое его движение и, слышно для него, осведомлять вас.

— Задержись на нем, — прорычал нервно Кассел, прижимаясь к стене.

— Направо, — прошептал Диманш. — Выпад вперед на пять футов. Ниже.

Он с отвращением сделал это, но не подумал о последствиях. Как рассчитать эти пять футов в темноте? К счастью, оценка оказалась правильной. Стиллет встретил слабое, какое-то рыхлое сопротивление: плоть. Затем тугое лезвие согнулось, но не сломалось. Противник шумно вздохнул и бросился прочь.

— Атакуйте! — взвыл Диманш прямо в ухо. — Он попался. Он не имеет ни малейшего представления о том, как вы угадываете его положение в темноте. Он испуган.

Кассел стал наносить удары наугад. Некоторые из них попадали в цель, некоторые — мимо. Процент попадания был низкий, но конечный результат — высокий. Противник упал на землю, судорожно вздохнул и затих.

Кассел порывлся в карманах и зажег маленький фонарик. Мужчина лежал на влажной стороне переулка. Одна нога была поджата. Он не шевелился.

— Сердцебиение медленное, — сказал Диманш торжественно, — дыхание слабо различимо.

— Тогда он не мертв, — воскликнул Кассел с облегчением.

Пена с губ лежащего сбегала по подбородку. Из ран на лице медленно сочилась кровь.

— Дыхания нет. Сердцебиение отсутствует, — констатировал Диманш.

Кассел в ужасе пристально посмотрел на тело. Самозащита, конечно. Но поверит ли этому полиция? Допустим, она поверит, но начнет расследование. Стилет является незаконно хранимым оружием. И она стала бы выпрашивать его до тех пор, пока не обнаружит Диманша. Весьма прискорбно. Но что делать?

Можно предположить, что его задержат здесь так долго, что он упустит корабль, отправляющийся на Танни-21.

Он мрачно отбросил стилет. Следовало бы поразмышлять над этой ситуацией дольше. Зачем этот мужчина напал? Что он хотел?

— Не знаю, — раздраженно ответил Диманш. — Я могу интерпретировать данные тела, живого тела. Я не могу работать с куском мяса.

Кассел тщательно обыскал труп. Разная мелочь, не представляющая никакой ценности для идентификации личности: кошелек с баснословно большим количеством денег, небольшая белая карточка, на которой что-то нацарапано. Фотография женщины и маленького ребенка на фоне незнакомого Касселу мира. И все.

Кассел в замешательстве встал. Вопреки утверждению Диманша, казалось, не существовало никакой связи между этим мертвецом и его собственной проблемой, как добраться на Танни-21.

Сейчас нужно избавиться от тела. Он взглянул вдоль бульвара. До сих пор инцидент не привлек внимания.

Он наклонился, чтобы поднять зажигалку-стилет. Диманш вскрикнул, но, прежде чем Кассел успел отреагировать, кто-то навалился на него. Он упал вперед,

тщетно пытаясь схватить оружие. Сильные пальцы нащупали его горло, он был прижат к земле.

Инженеру удалось сбросить атакующего. Пошатываясь, он поднялся на ноги. Послышались удаляющиеся шаги. Затем последовал легкий всплеск. Неизвестный бросился в воду.

Кто бы он ни был, — этот человек, которого он считал мертвым, — он скрылся из виду.

— »Интерпретировать данные тела», — издевался Кассел. — Это был самый живой мертвец, который когда-либо душил меня.

— Вполне вероятно, что существует порода людей, способных контролировать функции своего тела, — сказал Диманш, защищаясь. — Когда я контролировал его, сердцебиение отсутствовало.

— Не забудь в другой раз напомнить мне об этом, чтобы я не принимал твою очередную оценку за истину, — проворчал Кассел.

Тем не менее он почувствовал некоторое облегчение. Не было желания убивать этого человека, а теперь и полиции объяснять нечего.

Он вспомнил о сигарете, которая была зажата у него во рту. Поискал зажигалку. На этот раз ему повезло: дым попал в легкие, и это успокоило нервы. Он убрал зажигалку в карман.

Кое-чего, однако, недоставало — бумажника. Убийца освободил его от него во втором раунде драки. Настоячивый парень. Чертовски настойчивый.

Но это не имело большого значения. Он нащупал кошелек, который отобрал у «мертвеца». Ранее он намеревался вернуть его в полицию, а теперь мог оста-

вить у себя для возмещения потери. Там было больше денег, чем в его собственном бумажнике.

Если не считать удостоверения, которое он всегда носил в бумажнике, это был более чем справедливый обмен. Удостоверение, прямоугольный кусочек пластика, было необходимо для предоставления кредита, но с деньгами, которые теперь у него есть, кредит не нужен. Другое удостоверение, если ему понадобится, он всегда сможет получить.

Из кошелька выпала белая карточка. Он поймал ее на лету и с любопытством осмотрел. Пустая, за исключением одного, плохо отпечатанного, слова «БОКС». Неизвестный, безусловно, и попытался использовать его приемы.

Старик-техник смотрел на дверь. Видавший виды видеопроектор в его руке качался из стороны в сторону. Он закрыл глаза, и надпись на двери исчезла. Кассел был слишком далеко, чтобы видеть написанное. Старик открыл глаза и сконцентрировался. На двери медленно появилась новая надпись.

БЮРО КОСМИЧЕСКИХ СООБЩЕНИЙ

Мюрра Форей, главный советник

Надпись сделана небрежно. Но ведь и планета была унылой и отсталой. Старик-техник перешел к следующей двери и снова закрыл глаза.

С гнетущим чувством Кассел пошел к входу. Он нуждался в помощи и должен был найти ее в этой грязной крысиной дыре. Внутри, однако, оказалось чисто и на крысиную нору не походило. Скорее всего, напоминало

лабиринт, напичканный всяческими устройствами. Все было рассчитано на эффект, а не на комфорт. Бюро оказалось более людным, чем предполагал Кассел. Наконец ему удалось проникнуть в одну из многочисленных комнатушек. На экране появилась женщина. Вид у нее был холодный и неприступный.

— Ответьте на все вопросы автомата, пожалуйста. Когда лента заполнится, я смогу проконсультировать вас.

Кассел задумался, сможет ли такая женщина ему понравиться.

— Так ли уж это необходимо? — спросил он. — Речь идет только об информации.

— У нас существуют определенные правила, которых мы придерживаемся, — холодно улыбнулась женщина. — Я не могу дать вам какую-либо информацию до тех пор, пока вы их не выполните.

— Иногда правила бывают глупыми, — отреагировал Кассел. — Позвольте мне поговорить с главным советником.

— Я к вашим услугам, — лицо исчезло с экрана.

Кассел вздохнул. Похоже, он не произвел хорошее впечатление.

Помимо правил, бюро обладало неумным любопытством. Когда автомат отключился, у Кассела осталось чувство, что по сделанным записям его можно воссоздать заново. Вся его индивидуальность была втиснула в серию вопросов и ответов. Единственное, на что он не стал отвечать, так это о целях полета на Танни-21. Он сказал, что это его личное дело.

Вновь на экране появился главный советник. Возраст неопределенный. И вряд ли кто-либо стал бы прояв-

лять любопытство по этому поводу. Рост выше среднего, даже немного выше среднего. В меру стройна. Лицо широкое у висков, сужающееся к подбородку. В глазах — загадка.

Она взглянула на данные.

— Дентон Кассел, уроженец Земли. Пункт назначения Танни-21. — Скользнула по нему взглядом. — Род деятельности — торговый инженер. Не правда ли, странная комбинация?

— Отнюдь. Образование — инженер Специальность — отношения между заказчиками.

— Специальность, имеющая отношение к тысяче человеческих рас? Как удобно, — ее брови удивленно приподнялись.

— Думаю, да, — спокойно ответил он. — Что еще хотели бы вы знать?

— Простите, я не имела намерения вас оскорбить. Этому можно было верить и не верить. Он не поверил.

— Вы отказались ответить на вопрос о цели вашего полета на Танни-21. Возможно, я догадываюсь. Там находятся лучшие ученые в Галактике. Вы хотите работать под их руководством.

Близко к истине, хотя и неверно по двум пунктам. Там действительно есть хорошие ученые, хотя и не обязательно самые лучшие. Например, вызывало сомнение, что они могли сконструировать Диманша, даже если бы пришли к этой идее, что было более чем маловероятно.

Однако на Танни-21 был один почти неизвестный исследователь, которого «Нейроникс» хотел зачислить в свой штат. Если сведения о его работе, дошедшие до

Земли с такого большого расстояния, действительно что-то значили, то он мог бы помочь фирме усовершенствовать радиосвязь. Компания, создавшая связь, способную в доли секунды достигать удаленных уголков Галактики, установила бы собственную цену на все виды коммуникаций, транспорт, торговлю и основала бы галактическую монополию. А Кассел мог получить от всего этого свою долю.

Роль его была очень проста. Он должен уговорить этого исследователя прилететь на Землю. Другими словами, он должен был отгадать цену, прежде чем сам танниец узнает о ней. Кроме того, слава о таннийских ученых была сильно подогрета их личным сомнением. Касселу нужно будет убедить таннийца, что ему придется работать на невежественных дикарей, какими он представляет себе землян. Главным козырем являлось существование такого инструмента, как Диманш.

Ее голос отвлек от мыслей.

— Итак, в чем же состоит ваша проблема?

— На Земле мне сказали, что мне, возможно, придется подождать несколько дней на Годольфе... Мне хотелось бы получить информацию о ближайшем корабле, отправляющемся на Танни-21.

— Минуточку, — она взглянула на что-то за экраном, потом подняла глаза и серьезно посмотрела на него. — Рик-Рок С прибыл вчера. Рано утром он вылетел на Танни.

— Вылетел? — Он вскочил и сел снова, судорожно вздохнув. — Когда прибывает следующий корабль?

— Вы знаете, сколько звезд в Галактике? — последовал вопрос.

Он промолчал.

— Правильно, — сказала женщина. — Миллиарды. Танни, согласно описанию, расположена ближе к центру Галактики, внутри третьего кольца. Вы покрыли примерно треть расстояния. Местный транспорт, что-то в пределах тысячи световых лет, устроить относительно легко. Что же касается больших расстояний, то вы уже рискуете. У вас был шанс, и вы его упустили. Честно говоря, Кассел, я не знаю, когда на Годольфе появится другой корабль, отправляющийся на Танни. В течение пяти лет, возможно...

Он побледнел.

— Сколько мне потребуется времени, чтобы добраться туда, используя местные маршруты с пересадками?

— Воспользуйтесь моим советом. Не пытайтесь этого делать. Пять-десять лет, если повезет.

— Мне не нужно такое везение.

— Я тоже так думаю. — Она задумалась. — Вы окончательно хотите лететь?

После его выразительного кивка она вздохнула.

— Если таково ваше решение, мы попытаемся помочь. Для начала нам нужен оттиск вашего удостоверения личности.

«Есть в ней что-то странное», — подумал Диманш.

Это был обычный голос инструмента, не громче, чем шум крови, бегущей по сосудам. Кассел слышал его, потому что он звучал в его ушах, но проигнорировал.

— Удостоверение? У меня его нет с собой. Дело в том, что я, наверное, его потерял.

Она иронично улыбнулась.

— Нас не интересует ваше прошлое, даже если вы желаете что-то скрыть. Однако нам было бы легче помочь при наличии удостоверения. Ну, а если вы не помните ваше настоящее имя и где вы оставили удостоверение... — Она встала и исчезла с экрана.

Он мрачно уставился на то место, где только что сидела эта холодная женщина. Стоп! Его настоящее имя!

— Расслабьтесь, — предложил Диманш. — Она не намеревалась оскорбить вас лично.

Наконец женщина появилась опять.

— У меня для вас новости, кем бы вы ни были.

— Кассел, — заявил он твердо. — Дентон Кассел, торговый инженер, землянин. Если вы не верите этому, отправьте... — он умолк. Ему потребовалось четыре месяца, чтобы прямым рейсом добраться до Годольфа, плюс шестимесячное ожидание на Земле попутного корабля. При таких расстояниях отправляться за чем-либо на Землю было бессмысленно.

— Я вижу, вы все понимаете. — Она взглянула на карту в руке. — В протоколе корабля Рик-Рок С отмечено, что при взлете сегодня утром на его борту был некий Дентон Кассел, направляющийся на Танни-21.

— Это был не я, — с изумлением воскликнул Кассел.

Но он уже знал, кто это был. Тот человек, который пытался убить его вчера вечером. Причина нападения теперь становилась ясной. Убийце понадобилось его удостоверение. И, что еще хуже, он его получил.

— Без сомнения, это были не вы, — проронила она, теряя терпение. — Аутсайдеры, видимо, не понимают, что представляют собой галактические путешествия.

Аутсайдеры? Очевидно, так она называла тех, кто жил вне второго кольца пересадки. А тех, кто жил на краю Галактики, за пределами первого кольца, она тоже как-то называет? Вполне вероятно...

Она продолжала:

— Необходимо десять лет, чтобы пересечь Галактику без остановок. В настоящее время нет такого корабля, который мог бы это сделать. Составить реальное расписание невозможно. Люди хотят перемещаться, и их желания надо удовлетворять. Корабль улетает и никогда не возвращается. Где-то он еще более необходим. А человеку, который зависел от него, остается только ждать. Если бы у нас была мгновенная радиосвязь, она бы помогла. Путаница, конечно, не исчезла бы сразу, за одну ночь, но она бы уменьшилась. Нам не пришлось бы зависеть от кораблей, чтобы узнать все новости, и мы могли бы заранее бронировать места, устанавливать кредиты, производить замену утерянных удостоверений личности...

— Но я путешествовал и раньше, — грубо прервал ее Кассел. — И у меня не было никаких проблем.

Она, по-видимому, преувеличивала трудности. Конечно, центр был более чем переполнен. Принимая каждую звезду за отправной пункт для ограниченного количества кораблей, использовать статистическую вероятность как руководящий принцип — что ж, в таком случае ни один человек не может прибыть в пункт назначения.

Но этого не было. Ведь ясно, что нельзя сравнивать галактические переезды с беспорядочным движением молекул воздуха в огромной комнате. Или это так?

Подходило ли это сравнение для среднего человека, у которого нет своего межзвездного корабля? Возможно.

— Вы путешествовали на периферии, где все еще существуют незаселенные планеты, где всякого человека, способного работать, ждут с радостью. — Она помедлила. — В центре все по-другому. Здесь избыток населения. Внутри третьего кольца никому не разрешается садиться на корабль без удостоверения личности. Здесь не поощряется миграция.

В сущности, это означало, что ни один корабль, направляющийся в центр, не примет на борт пассажира без удостоверения. Ни один кораблевладелец не рискнет взять на борт гостя, от которого не сможет избавиться, когда у того закончатся деньги.

Кассел схватился за голову. Танни-21 была внутри третьего кольца.

— В следующий раз, — сказала она, — не позволяйте никому брать ваше удостоверение.

— Не позволю, — пообещал он мрачно.

Женщина посмотрела на него внимательнее. Ее глаза странно блеснули. Кассел решительно изменил оценку ее возраста в сторону уменьшения. Внешне ничего не произошло, но она больше не казалась ему дурнушкой. Не то чтобы он заинтересовался, но все-таки ему, возможно, стоит проявить дружелюбие в отношении главного советника.

— Мы являемся филантропическим агентством, — сказала Мюрра Форей. — Ваш случай особый, хотя...

— Понимаю, — проворчал он сердито. — Вы принимаете пожертвования.

— Если лицо способно его дать. Мы не просим слишком много. Чтобы не подвергать риску ваш уровень жизни.

Однако она назвала сумму, которой бы ему не хватило, чтобы проделать более длинное путешествие, чем путь на Танни-21. Он грустно улыбнулся ей.

— Я полагаю, дело стоит того. Я всегда смогу работать, если придется.

— В качестве продавца? — прозвучал вопрос. — Боюсь, что заниматься бизнесом с годольфианами вам будет очень трудно.

«В подобной ситуации можно было бы обойтись и без иронии», — подумал он укоризненно.

— Не просто как продавец, — решительно ответил он. — Я обладаю специальными знаниями, связанными с реакциями клиентов. Я могу узнавать точно...

Он вдруг остановился. Может быть, она заманивала его в ловушку? По какой причине? Инструмент, который он называл Диманш, не был известен во всей Галактике. С точки зрения бизнеса, передавать о нем информацию было бы неблагоприятно. А кроме того, в его положении следовало бы воспользоваться всеми преимуществами, на которые он мог рассчитывать. Диманш был его особым преимуществом.

— В любом случае, — закончил он неуверенно, — я первоклассный инженер. Я всегда могу найти что-нибудь в этом роде.

— Ученый, возможно, — пробормотала Мюрра Форей, — но в этой части Млечного Пути инженер рассматривается как простой техник, который еще не при-

обрел достаточного опыта. — Она покачала головой. — Вы будете больше преуспевать в качестве продавца.

Он поднялся, лицо его перекошилось от гнева.

— Если это все...

— Да. Мы будем вас информировать. Опустите ваше пожертвование, предназначенное для этой цели, у выхода.

Дверь, которую он даже не заметил, входя в комнату советника, распахнулась. Агентство процветало.

— Помните, — на прощание услышал он вслед, — с удостоверением личности трудно работать. Не принимайте грубую подделку.

Он не ответил, но идея была стоящая. Агентство было к тому же очень практичным. Дорожка выхода твердо направила его к незаметному и все-таки неотвратимому пункту сбора пожертвований. Он начал подвергать сомнению филантропический аспект бюро путешествий.

— Я не понял ее, — сказал Диманш, пока Кассел отсчитывал сумму, названную главным советником.

— Не понял что? — спросил Кассел. Он скрутил деньги в аккуратную связку, приписал свое имя и опустил в желобок.

— Женщину, Мюрру Форей, главного советника. Она — хантнер.

— Что такое «хантнер»?

— Одна из рас на противоположной стороне Галактики. Она вокализировала по поводу своей родной планеты, когда я пытался определить ее.

— Есть еще информация?

— Нет. Электронные охранники поставили блок, как только я достиг ее. Я поскорее оттуда выбрался.

— Понятно.

Значение всего этого, если оно и было, ускользнуло от Кассела. И, тем не менее, информация не казалась утешительной.

— И все же мне хочется знать, — снова заговорил Диманш, — к чему такие меры предосторожности, как электронные охранники? Какие такие секреты хранит Бюро космических сообщений?

Кассел невразумительно что-то проворчал, но не ответил. Временами Диманш проявлял назойливое любопытство.

Кассел входил в здание Бюро с одной стороны. Вышел на противоположную. Агентство было больше, чем он предполагал. На улице он вновь увидел старика. Тот, очевидно, менял каждую надпись на вывеске. Его работа, видимо, закончилась, и он снимал с головы свой видеопроектор. Кассел подошел ближе. Техник повернулся и заглянул в его лицо.

— Вы тоже здесь застряли? — спросил он хриплым голосом.

— Застрял, — согласился Кассел, — полагаю, что так. Я ожидаю свой корабль.

Он нахмурился. Это ему следовало задавать вопросы.

— К чему вся эта смена декораций? Я думал, что Бюро существует уже давно. Зачем вы сменили так много надписей? Было понятно, если бы агентство было новым.

Старик хихикнул.

— Реорганизация. Прежний главный советник неожиданно оставил свой пост. Говорят, среди ночи. Но-

вому не понравилось название, и он приказал все изменить.

«Это на нее похоже», — подумал Кассел.

— Что представляет собой эта Мюрра Форей?

Старик загадочно подмигнул. Он открыл было рот, но затем его, казалось, одолел старческий испуг и он поспешно зашаркал восвояси.

Сбитый с толку, Кассел проводил его взглядом. Старик боялся за свою работу, боялся главного советника. Почему? Кассел пожал плечами и продолжал путь. Контакт с Бюро был теперь в его интересах, но он не намеревался находиться в зависимости от него.

— Девушка впереди вас при ходьбе совершает необязательные влияющие движения, — заметил Диманш. — Некоторые мужчины смотрят на это с одобрением. Я этого не понимаю.

Кассел глянул вперед. Так ходили в добром старом Лос-Анджелесе. Его охватил острый приступ ностальгии.

— Заткнись, — проворчал он тоскливо. — Занимайся своим делом.

— Дело? Отлично, — сказал Диманш. — Следите за транспортным потоком.

Кассел отошел от края воды. Мюрра Форей была права. Годольфиане не нуждались в его талантах, по крайней мере, на тех условиях, которые были приемлемы для него. Им не нужно напрягаться. Они жили доходами от путешественников, которые в значительном количестве прибывали на планету с каждым кораблем.

И все-таки деньги ему были нужны. Он шел наугад по улицам, в то время как Диманш производил зондирование.

— Ай!

— В чем дело?

— Он мнет что-то в руках. Но вокализует он недостаточно, чтобы я смог понять.

— Я знаю, что он чувствует, — прокомментировал Кассел.

— Теперь горло его сжимается, мышцы напрягаются. Он говорит себе: «Я знаю, где можно получить больше». Он идет туда.

— Чувствительный тип, — заметил Кассел. — Следуй за ним.

Человек направился в ту часть города, где Кассел раньше не был. Он верил в возможность, которая ожидала его там. Эта возможность не для каждого. Только умный, наблюдательный, мужественный может добиться... Слово, которое использовал преследуемый, было сленгом, неизвестным ни Касселу, ни Диманшу. Но это значения не имело, так как вело к деньгам.

Кассел ускорил шаг, стараясь держать мужчину в поле зрения. Он перепрыгнул через узкие переулки, которые извивались между высокими зданиями. Улицы становились все грязнее по мере того, как они продвигались. Не трущобы, но и не зрелищные места, обычно посещаемые туристами.

Вдруг человек резко повернул к одному из зданий. Когда Кассел подошел ближе, тот уже скрылся.

Он остановился у входа и разочарованно посмотрел на здание.

— «Счастливым случаем», — тихо процитировал Диманш в его ухо.

— Ловкость, риск, шанс. Что это означает?

— Это означает, что мы следовали за гравитационным призраком! Что такое гравитационный призрак?

— Необъяснимое явление, — сердито проворчал Кассел. — Оно воздействует на гравитационные механизмы космических кораблей, производя иллюзию темного тела там, где его нет.

— Но вы же не пилот. Я не понимаю.

— Ты и сам не очень хороший пилот. Мы подошли к игорному дому.

— Игорный дом, — задумался Диманш. — Ну что же, разве это не шанс? Сейчас кто-то внутри думает о деньгах, которые они выигрывают.

— Владелец, без сомнения.

Диманш молчал, занимаясь исследованием.

— Да, владелец, — подтвердил он наконец. — Но почему бы не войти, в любом случае? Идет дождь, и, кроме того, там подают напитки.

Касселу ничего не оставалось, как признать, что Диманш, как всегда, проявляет излишнее любопытство.

Он зашел и заказал выпивку. Это место воспринималось по-разному, но все зависело от посетителя: если он выигрывал, оно казалось ярким, жизнерадостным и со вкусом обставленным; и наоборот — безвкусным и угнетающе-вульгарным, если удача не шла. В данный момент Кассел не принадлежал ни к одной из групп и поэтому воздерживался от суждений.

Выбор игровых автоматов был широк. Особенно интересным показался один. Основанная на принципе ве-

роятности, игра состояла в подсчете количества электронов, проходящих через отверстие.

— Не этот, — прошептал Диманш. — Это плутовство.

— Не обязательно, — проворчал Кассел. — Простой риск тоже хорош.

— Они ничем не рискуют. В любом случае. Оглянитесь вокруг. Сколько годольфиан вы здесь видите?

Кассел осмотрелся. Аборигенов здесь не было даже в качестве слуг. Просто дешевый притон, обманывающий путешественников.

Бессознательно он кивнул головой.

— Да, это не тот счастливый случай, который я имел в виду.

— Не спешите, — возразил Диманш. — Определенные устройства я контролировать не могу, но здесь могут быть и другие, где мои знания помогут. Прогуляйтесь вокруг и прощупайте некоторые игры.

Кассел вооружился набором монет и начал фланировать по заведению, расплачиваясь и давая себе возможность ознакомиться с обстановкой.

— Вот этот, — проинструктировал Диманш.

Автомат получил монету, и, в свою очередь, наградил его широким потоком мелочи. Деньги рассыпались по полу с приятным звоном. Быстро собрались зеваки под предлогом помочь собрать монеты.

— В автомате была схема, — объяснил Диманш. — Я выстрелил в нее пучком электронов, и она расплатилась с вами.

— Давай попытаемся снова, — предложил Кассел.

— Давайте не будем, — ответил с сожалением Диманш. — Посмотрите на мужчину справа.

Кассел повернулся, затем зажал деньги в кармане, встал и поспешно начал заталкивать очередную монету в автомат. За ним равнодушно наблюдал крупный мужчина.

— Вы уловили идею, — проговорил Диманш. — Автомат выплатил все деньги два месяца тому назад. Он не был рассчитан на еще один год работы.

Диманш тщательно исследовал мужчину всеми способами, пока Кассел продолжал игру.

— Он удовлетворен, — отрапортовал Диманш наконец. — И не заподозрил никакого мошенничества.

— Мошенничества?

— С вашей стороны, конечно. В этике игорного дома все, что делается для обеспечения дохода, является простым благоразумием.

Они двинулись к другим играм, хотя Кассел и потерял былой энтузиазм. Возможность выигрыша показалась ему более отдаленной.

— Задержитесь, — сказал Диманш. — Давайте взглянем вот на это.

— Позволь мне дать тебе один совет. Это как раз то, где мы, не сможем выиграть. У каждой расы имеется похожая игра. Игрокам раздают пластмассовые карточки с напечатанным на них достоинством. Трюк состоит в том, чтобы приобрести определенный, произвольно выбранный набор достоинств в розданных карточках. Все это кажется очень простым, но начинающий никогда не сможет выиграть у умелого игрока.

— У каждой расы в Галактике, — задумался Диманш. — А как люди называют это?

— Карты, — ответил Кассел. — Хотя и существует много разновидностей в пределах общей классификация.

Он начал детально изучать игру. Если бы это было что-либо, с чем он был знаком, но чужеземная колода карт и незнакомые правила...

Тем не менее Диманш заинтересовался. Они остановились и начали наблюдать.

Сдающий карты выглядел как-то неуклюже. Его большие руки обхватывали карты. Он был и не годольфианином, но и не человеком. Станный тип, происхождение которого было трудно определить. Физически крупный, он носил одежду, отличающуюся тем, что она совершенно не подходила к окружению. Жесткая круглая шляпа, плотно надвинутая на голову, завершала экипировку.

Он был одет в той манере, которая во Вселенной считалась криком моды.

— Похоже, неплохо, — прокомментировал Кассел. — Здесь есть шанс.

— Оглянитесь, — продолжал Диманш. — Все так думают. Это классический тип борьбы. Один против другого и каждый против игорного дома. Естественно, что игорный дом не проигрывает.

— Тогда почему мы тратим время?

— Потому что у меня появилась идея, — ответил Диманш. — Садитесь и принимайте участие.

— Подумай хорошенько, ты же сказал, что дом никогда не терпит поражения.

— Дом никогда не играл против нас. Садитесь. Вы получите восемь карт с правом замены двух. Я буду говорить вам, что делать дальше.

Кассел подождал, пока очередной неудачливый игрок освободил свое место и мрачно отошел прочь.

Сыграв несколько партий и ставя на мелкие суммы в соответствии с инструкциями Диманша, он остался при своих и даже выиграл незначительную сумму, пока учился.

Это было просто. Девять типов, или мастей по 27 карт. Каждая масть может выстроить различные уравнения. Самой простой игрой считалось квадратичное. Кубическое могло побить его. Все, что он должен был сделать, это вспомнить математику и ставить наугад тогда, когда не мог вспомнить и вытянуть нужные карты.

Диманш спросил:

— Какова самая высокая игра?

Тон его голоса показался рассеянным, словно он был занят чем-то другим. Кассел бросил беглый взгляд на карты, лежавшие на столе рубашкой вверх, подвинул несколько монет на карточное поле и оставил Диманша без ответа.

— Вы видели их в последний раз, — констатировал Диманш. — Трехразмерная энцефалограмма, модулированная мозговая волна. Если бы вы сделали правильную ставку, могли бы сейчас стать владельцем этого дома.

— Правда? Почему же ты мне не сказал?

— Потому что вы имели эту возможность три раза подряд. Вероятность этого была астрономической. Мне нужно выяснить, что происходит, прежде чем вы начнете делать необдуманные ставки.

— Он не сдающий, — объявил Кассел. — Посмотри на его руки.

Это были огромные руки, которые, казалось, больше подходили для убийства какого-то заморского животного, чем для деликатного манипулирования картами. Кассел продолжал игру, блестяще делая ставки, о чем можно было судить по единственному результату: он выигрывал.

Один из игроков вышел из игры и был заменен игроком из окружающей толпы. Кассел заказал выпивку. Официант передавал бокал, когда Диманш сделал открытие.

— Я догадался, — возглас Диманша примерно соответствовал бесшумному пинку по голове. Кассел уронил бокал. Игрок, сидевший рядом, хмуро посмотрел на него, но не сказал ни слова. Сдающий моргнул и продолжал сдавать.

— О чем ты догадался? — спросил Кассел, вытирая жидкость и продолжая следить за картами.

— Как он фиксирует колоду, — объяснил Диманш более тихим и менее болезненным для Кассела голосом. — Умненько.

Тихонько ворча, Кассел отодвинул от себя ставку.

— Посмотрите на эту шляпу, — проговорил Диманш.

— Смешная, не правда ли? Но я не вижу причины насмехаться всего лишь потому, что у меня другой вкус.

— Я не это имел в виду. Она надвинута на уши и касается пиджака. Тот соприкасается с брюками, которые, в свою очередь, находятся в контакте со стулом, на котором он сидит.

— Действительно, — согласился Кассел, увеличивая ставку. — Но, за исключением его телосложения, я не вижу ничего необычного.

— Это электронная схема. Видеопроектор, разбитый на составные части. Его шляпа — это головная плата, контактирующая посредством одежды с передающим узлом в стуле. Существование видеопроектора полностью скрыто.

— Ну-у, — Кассел закусил губу и искоса посмотрел на карты. — И к чему все это?

— Колода, — возбужденно объяснил Диманш. — Рубашки карт нормальные, с напечатанным замысловатым узором. А сами карты покрыты особым пластиком, чувствительным к действию видеопроектора. Поэтому раздающему даже не нужна ловкость рук. Он может по желанию спроецировать любое достоинство на карте. И оно будет оставаться до тех пор, пока он не изменит его.

Кассел взял карту.

— У меня уравнение Лоренару. Может ли он изменить это на что-нибудь другое?

— Может, но он не работает таким образом. Перед раздачей он решает, кто что получит. Раздавая карты, он концентрируется на каждой из них. Он может менять карты и после того, как игрок получает их, но внешне это выглядело бы неприлично.

— Это уж точно.

Кассел тоскливо наблюдал, как сдающий сгребает взятки. Его выигрыш уплыл. Выиграл новичок.

Он хотел было встать.

— Сидите, — прошептал Диманш. — Мы только начинаем. Теперь, когда мы знаем, что он делает и как делает, мы его поймаем.

Следующая партия началась в обычной манере: две карты хорошего достоинства, ставка и еще одна карта.

Кассел внимательно наблюдал за сдающим. Его неуклюжесть была только кажущейся. Значения карт не были видны. Его настоящее мастерство, конечно, оставалось незамеченным — быстрый подсчет в уме. Дублирование карт на руках у игроков было бы губительным для него.

Кассел получил последнюю карту.

— Делайте высокую ставку, — подсказал Диманш.

Дрожа от волнения, Кассел выдвинул деньги на поле. Сдающий бросил быстрый взгляд на его руку и сел на место. Вдруг он резко подскочил опять, потер щеку и озадаченно уставился на игроков, сидящих вокруг. Затем снова медленно опустился на сидение. Контакт был еще короче. Он вскочил в замешательстве. Вокруг нетерпеливо загудели. Он сам сдал себе карту, взглянул на нее и расплатился. Игроки шумно проявили любопытство.

— Что случилось? — спросил Кассел, когда началась следующая партия.

— Я индуцировал короткое замыкание, — ответил Диманш. — Он не смог сесть, чтобы изменить последнюю карту, и воспользовался последним шансом, сдав себе любую.

— Но он расплатился со всеми, не спрашивая, какие карты были у нас.

— Это было единственное, что оставалось делать. У него на руках были двойные карты, — объяснил Диманш.

Сдающий сердито озирался вокруг. По-видимому, ему было очень нелегко. Карты раздавались и ставки делались, как и прежде. Сдающий же нервничал. Он не

мог сесть, потел от волнения. Затем снова отдал свои ставки.

Кассел выиграл достаточно много; он был не единственным выигравшим.

Толпа вокруг них становилась все более плотной. Существует некоторое, не поддающееся определению, чувство, подсказывающее игроку в случае, когда другой выигрывает.

На этот раз сдающий стоял. Его нога временами касалась стула. Он дергал ею всякий раз, когда сдавал себе карту. На последней карте он заколебался. Забавно было видеть, как обильно он потел. Приподняв уголок карты и не указывая, что вытянул, он решительно, с силой, плюхнулся на стул. Тот сломался. Сдающий слегка усмехнулся, когда официант принес ему другой.

— Они все еще думают, что это неисправность в цепи, — прошептал Диманш.

Сдающий сел и вдруг резко подпрыгнул с недавно принесенного стула. Мрачно посмотрел на игроков и расплакался.

— У него были пустые карты, — объяснил Диманш. — Он проконтактировал с передающей цепью достаточно долго для того, чтобы стереть достоинство карт, но у него не хватило времени нанести новые.

Сдающий поправил пиджак.

— Я должен успокоиться, — объявил он хрипло. — Извините, меня, я отлучусь на несколько минут, чтобы принять лекарство...

— Вероятно, пошел проконсультироваться с менеджером, — заметил Кассел.

— Он сам менеджер. Он ушел поговорить с владельцем.

— Проследи за ним.

Хорошенькая блондинка, возможно, тоже уроженка Земли, улыбнулась и придвинулась ближе к Касселу.

— Не попадайтесь на крючок, — предупредил Диманш. — Она — скрытый агент этого дома.

Кассел осмотрел ее с ног до головы.

— Не очень-то много у нее скрыто.

— Но если она обнаружит...

— Не говори глупостей. Она никогда не догадается о твоём существовании. Маленькая шишечка за моим ухом и небольшая кругленькая трубочка, спрятанная в другом месте.

— Хорошо, — вздохнул покорно Диманш. — Я полагаю, что люди всегда для меня останутся загадкой.

Вновь появился сдающий, за ним следовал человек с новым стулом. Сдающий выглядел немного по-другому, хотя это и было то же самое лицо. При более внимательном рассмотрении Кассел понял, в чем состояла разница. На нем была новая одежда, не помятая, а свежая. Во время своего кратковременного отсутствия он был снабжен новым, тщательно выверенным видеопроектором. Игорный дом намеревался выяснить источник беспорядка.

Мысленно Кассел сосчитал свои активы. Он был платежеспособным снова, но, с другой стороны, его позиция не была уж слишком хорошей.

— Может быть, нам лучше уйти? — предложил он. — Без нашего дальнейшего вмешательства они поверят,

что причиной их потерь стало действительно неисправное оборудование.

— Может быть, — ответил Диманш. — Вы считаете, что толпа вокруг нас состоит из одних владельцев?

— Ясно, — рассудительно произнес Кассел.

Он вытянул ноги. Толпа подступила ближе, необычно агрессивная и злобная, чтобы быть простым зрителем. Он решил не уходить.

— Давайте возобновим игру, — сдающий-менеджер вежливо улыбнулся всем игрокам. Он не подозревал ни одного из них. Пока.

«Возможно, они сейчас воспользуются некрапленной колодой?» — подумал Кассел с надеждой.

— У них таких не имеется, — ответил Диманш, а затем добавил рассеянно: — Во время совещания с владельцами он получил указания действовать по своему усмотрению, в зависимости от обстановки.

Плохо, но не настолько. По крайней мере, Кассел противостоял тому, кто был не вправе отобрать у него выигрыш, если его в этом хорошенько «убедить».

Сдающий демонстративно сел на стул. Пробует. Он смог выдержать заряд, пульсирующий через него. Мягкая улыбка превратилась в триумфальную.

— За время отсутствия он принял успокаивающее, — проанализировал Диманш. — Ему также уменьшили силу передающей цепи. Он думает, что таким образом сможет работать.

— Действие успокаивающего со временем проходит, — сказал Кассел. — К тому времени, когда он узнает, что все дело во мне, оно окончательно пройдет. И тогда покончим с ним.

Игра продолжалась. Ситуация была слишком тяжелой для других игроков. Они играли плохо, намеренно делали высокие ставки, один за другим проигрывали и выходили из игры. Очень хотели выиграть, но жить они хотели еще больше.

Все заведение лихорадило. И сдающего тоже. Пот струился по его лицу. В глазах стояли слезы. Обильное количество жидкости стало разъедать его натянутую улыбку. Он прибегнул к внешнему источнику — решимости.

Кассел поднял голову. Толпа отступила или вынуждена была отступить под напором вышибал, которые смешались с ней. Теперь он был один на один со сдающим. Вокруг него стопками лежали деньги. Их было больше, чем ему нужно, чем он хотел.

— Я предлагаю последнюю игру, — сказал сдающий-менеджер, гримасничая. В его словах чувствовалось что-то большее, чем простое предложение.

Кассел кивнул.

— На существенную сумму, — сказал сдающий, и назвал ее.

К удивлению Кассела, это была именно та сумма, которая у него лежала в кармане. Он снова кивнул.

— Дави на него, — проронил Кассел Диманшу. — Действие успокаивающего ослабевает. Он опять на том же уровне, с которого начал. Если сочтешь нужным, дай ему жару.

Карты шли медленно. Сдающий, сдавая их, нервничал. Не хватало тихой музыки... Касселу не верилось, что карты могут быть такими плохими. Временами сдающий поднимался и вновь садился.

— В нашем теле имеется некий нерв, — начал Кассел разговор, — и если его перегрузить, вы свалитесь за-
мертво.

Сдающий не смотрел в свои карты... Ему это было не нужно.

— В таком случае, кое-кто будет арестован по обвинению в убийстве, — парировал он. — Им станете вы.

Кассел понял, что избрал неправильную тактику: гуманоид был достаточно мужественным. Он провел рукой по глазам и обратился к Диманшу:

— Попробуй внушить ему переменить карты. Играй на нем, как на пианино. Делай пиццикато на его нервах.

Диманш не ответил. Очевидно, он был занят, ковыряясь в чужих электронных схемах.

Сдающий протянул руку, но так и не коснулся карт. Улыбка сползла с его лица. На нем осталась боль. Он уже почти рыдал. Дым слабо струился из-под его пиджака.

— Жарко, не так ли? — поинтересовался Кассел. — Стало бы намного прохладнее, если бы вы сняли свою шляпу.

С легким стуком шляпа упала на пол. Механизм, который находился в ней, сломался. Теперь карты были такими, какими должны быть.

— Так-то будет лучше, — пробормотал Кассел.

Он взглянул на свои карты. За это время они слегка изменились. Там явно побывал Диманш.

Сдающий просмотрел свои карты одну за другой. Его лицо перекосилось, и он сел на прохладный стул.

— Вы выиграли, — проговорил он упавшим голосом.

— Позвольте мне посмотреть, что у вас на руках?

Сдающий-менеджер вдруг вспыхнул:

— Вы выиграли! Вы же этого добивались, не так ли?

Кассел пожал плечами.

— У вас здесь есть отделение Галактического Банка? Я внесу свои деньги туда, прежде чем вы возьмете свои карты.

Сдающий грустно кивнул головой и подозвал помощника. Толпа, стоявшая в ожидании драки, медленно расходилась.

— Что ты сделал? — спросил Кассел Диманша.

— У людей отсутствует чувство стыда. А у некоторых гуманоидов оно, оказывается, есть. Сдающий — один из таких. Я заставил его проектировать на карты то, что было не совсем приличным.

— Неудобно, если это выйдет наружу, — заметил Кассел. — Что ты спроектировал?

Диманш ответил. Кассел покраснел, что было совсем не по-мужски.

Вернулся сдающий-менеджер, и сделка была завершена. Деньги находились в безопасности, в Галактическом Банке.

— Отныне мы вас больше не приглашаем, — мрачно проговорил сдающий. — Не приходите больше.

Не глядя, Кассел собрал карты.

— Пожалуйста, чтобы никаких несчастных случаев после того, как я уйду отсюда, — сказал он, протягивая карты рубашкой вверх, — не было.

Менеджер взял их и вздрогнул.

— Он по-своему порядочный гуманоид, — прошептал Диманш. — Думаю, что вы в безопасности.

Пора уходить.

— Один вопрос, — небрежно спросил Кассел. — Как вы называете эту игру?

Сдающий автоматически начал отвечать:

— В общем, всем известно... — и замер с открытым ртом.

Да, уходить надо, и срочно.

На улице Кассел вызвал воздушное такси. Не было никакого смысла искушать правление Дома.

— Взгляните, — сказал Диманш, когда такси поднялось с поверхности транспортного потока.

У вывески игорного дома они увидели техника с видеопроектором. Огромные слова приняли очертания:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: телепатиям вход воспрещен.

Такого еще не было нигде. Но теперь об этом уже ходили слухи.

Прибыв в жилое крыло отеля, Кассел сразу ушел в свою комнату. Он подождал, пока доставят заказанное ранее оборудование, и тщательно его проверил. Удовлетворенный, оценил размеры своей комнаты. Слишком мала для его планов.

Он поднял трубку интеркома и набрал номер службы.

— Поставьте систему охраны жизни вокруг моего номера, — произнес он строгим голосом.

Лицо напротив него приняло удивленное выражение:

— Но вы же землянин... Я думал...

— Я знаю больше о своих нуждах, чем ваше Бюро жизнеобеспечения. У землян все-таки есть определенные стадии жизни. И вы знаете, что последует наказание, если не окажете мне эту услугу.

Существовали расы, которые могли находиться без сна в течение пяти месяцев, а затем они восполняли его. Другие отращивали рудиментарные крылья на короткие периоды времени и должны были летать с ними, либо умереть. Для этого необходимо было снижение силы притяжения. А иные... Но общей чертой для всех являлось критическое время, когда они нуждались в определенных условиях. Поэтому был выработан универсальный для всей Вселенной закон, который гласил: «Каждый отель обязан создавать определенные условия для поддержания любой формы жизни, которая запросила об этом».

Годольфианин исчез с экрана. Когда он появился вновь, его лицо выражало смущение.

— Кстати, о вашем номере. Меня проинформировали, что вы у нас числитесь как гость, занимающий одну комнату.

— Это так, но она слишком маленькая. Превратите комнату вокруг меня в номер люкс.

— Это стоит очень дорого.

— Я знаю. Наведите справки в Галактическом Банке о моем кредите.

Кассел продолжал следить за экраном. Отныне службы станут поразительно предупредительны.

— Ваш номер будет оформлен примерно через два часа. Система охраны жизни начнет функционировать, как только вы запросите. Позвольте узнать, как долго она понадобится? Я могу сделать распоряжение сейчас.

— Приблизительно десять часов будет достаточно. — Кассел задумчиво потер щеку. — И еще одно. Поставьте постоянную службу в Космическом порту. В случае прибытия корабля, отправляющегося на Танни-21 или следующего в том направлении, забронируйте на нем место и держите его до тех пор, пока я не буду готов, каких бы денег это ни стоило.

Он отключил связь и быстро уснул. Через несколько часов проснулся от какого-то слабого гудения. Это действовала система жизнеобеспечения, возведенная вокруг только что переоформленного номера.

— Что теперь? — спросил Диманш.

— Мне нужно удостоверение.

— Да, это верно. Но подделка документов обходится очень дорого и она достаточно груба, как заметила эта женщина, Мюрра Форей.

Кассел взглянул на оборудование.

— Дорога — да. Но не груба, если его сделаем мы.

— Мы подделаем его? — В голосе Диманша звучало недоверие.

— Ну, это я так выразился. Посмотри на это следующим образом. Я видел свою карточку бесчисленное количество раз. Если бы я постарался нарисовать ее, как я помню, то она была бы недействительна. Тем не менее эта память существует в моем мозгу, записанная в нейронных цепях, точная и аккуратная. — Он многозначительно помолчал. — И ты имеешь доступ к этой памяти.

— По крайней мере, частично, но какая в том польза?

— Видеопроектор и пластик сделают отпечаток. Я буду упорно думать об удостоверении, каким я его помню. Ты будешь записывать и подавать обратно мне, пока я буду сосредотачиваться, чтобы спроектировать его на пластик. После этого мы изменим химический состав пластика. Такое удостоверение пройдет все проверки, кроме деструктивного анализа, но они это делают нечасто.

Некоторое время Диманш молчал.

— Гениально, — прокомментировал он наконец. — Часть этого мы можем сделать. Официальную гравировку и даже электронный штамп. Однако существует очень серьезная деталь — оттиск с области мозга вне наших возможностей. Мы можем записать то, что вы помните, а значит, то, что вы видели, но видели все недостаточно хорошо. Будет узнаваема только общая картина изображения, но не тонкая структура, не заряды, накопленные там, не их взаимодействие.

— Но мы должны сделать это, — настаивал Кассел, нервно расшагивая по комнате.

— Прозондировать с другим оборудованием...

— Нет такой возможности. Я блефовал с системой защиты жизнеобеспечения. Если я буду просить еще, они наведут справки и откажутся.

— Хорошо, — ответил Диманш и начал что-то напевать. Механическая претензия на музыку отозвалась для Кассела головной болью. — У меня возникла идея. Подумайте об удостоверении.

Кассел подумал.

— Достаточно. А теперь ущипните себя.

— Где?

— Везде, — ответил раздраженно Диманш. — Каждый раз в другом месте.

Кассел так и сделал, хотя через некоторое время ему это надоело.

Диманш остановил его.

— Точно над вашим правым коленом.

— Главный доступ в ту часть вашего мозга, которая нас интересует, — объяснил Диманш. — Мы не можем получить снимок вашего мозга в оригинале, но мы можем исследовать его дистанционно. Результаты, естественно, будут упрощенными. Что-то вроде масштабной модели, по сравнению с оригиналом. Или более подходящее сравнение — рельефная карта местности.

— Исследовать дистанционно, — пробормотал Кассел. Ужасное подозрение закралось в его сознание. Он отогнал эту мысль. — Что это значит?

— То, что вы слышите. Стимул и ответ. Из этого я могу сконструировать аккуратный график нужной части вашего мозга. Наши зондирующие инструменты будут

грубыми, учитывая стесненные обстоятельства, но эффективными.

— Я уже видел эти зондирующие инструменты, — пробормотал озабоченно Кассел. — Может быть, мы сначала поработаем над официальной гравировкой и электронным штампом, пока я еще в норме? У меня такое чувство...

— Прекрасный совет.

Кассел медленно собрал вещи. Его зажигалка может гореть, а также резать. Ему нужен тяжелый объект для удара. Сильный раздражитель для его нервных окончаний. Что-либо для того, чтобы тело заняло.

Диманш прервал его:

— Еще вот что. Кроме этого мы должны заняться некоторыми железами. Посмотрите, если в комнате стимулирующий объект.

— Стимулирующий объект? Ах, да! Стимулятор. Никогда не пользовался этими чертовыми штуками.

Но он уже искал. Да, следующие несколько часов не будут приятными для него, равно как не будут и скучными.

Жизнь на Годольфе не так проста.

Как только действие службы жизнеобеспечения прекратилось, Кассел вызвал врача. Абориген осмотрел его профессиональным взглядом.

— Это что, часть жизненного процесса землянина? — спросил он недоверчиво и осторожно коснулся распухшей ноги.

Кассел слегка кивнул.

— Дело жизни и смерти, — простонал он.

— Ну, если так, тогда другое дело, — ответил врач, покачивая головой. — Я лично рад, что являюсь годольфиянином.

— «Каждому свое», — процитировал Кассел девиз отеля.

Годольфиане были неуклюжими, добродушными, карикатурными тюленями. Но с медициной, однако, у них было все в порядке. В считанные минуты Кассел начал чувствовать себя лучше. К тому времени, когда врач ушел, опухоль спала, а открытые раны быстро затягивались.

Исполненный нетерпения, он стал рассматривать свое удостоверение. Насколько он смог понять, оно было совершенным. Другое дело — сканирующее устройство, которое могло бы раскрыть подделку. Он должен был проверить это как можно лучше, не подвергая себя опасности.

Службы были доставлены в отдел сразу после того, как он сделал заказ. Над его головой укрепили аппарат и опустили удостоверение в щель. Когда на карточке был отмечен код, автомат вздрогнул и нашел соответствующую мозговую область. Была смоделирована структура, импульсы записаны и превращены в луч света, который заплясал на пленке.

Подобным образом было записано удостоверение. Это было теперь средством сравнения.

Отпечатки пальцев могли быть скопированы. В том случае, конечно, если рассматриваемая раса имела пальцы. Каждый интеллект, как бы сильно он ни отличался от своих соседей, имеет мозг, а всякое вмешательство в мозг могло быть обнаружено. Любое удостове-

ние имело психометрический номер, который соответствовал определенной личности. Изменения любой части мозга можно было вычислить только по личному индексу.

Техник снял удостоверение и передал его Касселу.

— Куда мне следует отослать снимки?

— Не нужно, — ответил Кассел. — У меня распоряжение лично прийти с ними.

— Но это лишь процесс законной силы.

— Знаю, но это не формальный контакт.

Сняв две полосы и вручая их Касселу, техник откатил автомат. Подумав, Кассел сочинил послание:

Бюро космических сообщений

Мюрре Форей

Главному советнику

Если Вы в данный момент изыскиваете возможность изготовить мне удостоверение личности, прошу более об этом не беспокоиться, поскольку я, как вы видите, обнаружил местонахождение утерянного.

Он прикрепил послание к полоскам и опустил их в канал интеркома.

Когда пришел ответ, он удовлетворенно хмыкнул. Однако улыбка постепенно сползла с его лица, когда он начал его читать, одновременно, без одобрения, заметив насмешливый блеск в наблюдавших за ним глазах. В конце концов, его мораль, куда бы он ни поехал, была его собственной.

— Дентон Кассел, — проговорила женщина. — Изумительная работа! Эти две полоски вызвали сомнение на 1 процент. Лучшая подделка, которую я видела до сих пор, была на 6 процентов. И она была сделана чисто случайно. Удостоверение невозможно скопировать. Позвольте поздравить вас.

Его достойный ответ звучал профессионально:

— Мне очень жаль, что вы любите слово «подделка». Я же сказал вам, что потерял карточку. Как только я ее нашел, то отправил вам доказательство. Я хочу попасть на Танни-21 и прошу сделать все возможное, чтобы ускорить этот процесс.

Она звонко рассмеялась.

— Вам не нужно рассказывать мне, как вы ее сделали или как вы ее взяли. Я склоняюсь к мысли, что вы изготовили ее сами. Вы понимаете, что меня не волнует правовая сторона дела. Время от времени агентство должно выдавать утерянные документы и, если у вас есть какой-то лучший способ, чем тот, который имеем мы, мне бы хотелось его знать.

Он вздохнул и покачал головой. По непонятной для него причине сердце забилося чаще. Он хотел сказать еще что-то, но смолчал.

Она приблизила свое лицо.

— Возможно, вы обсудите со мной этот вопрос более подробно?

— В агентстве?

Она удивленно посмотрела на него.

— Вы что, спите? Агентство сегодня закрыто. Главный советник не может работать все время. Вы же знаете.

Спит? Он скривился при воспоминании о самоистязании. Нет, он не спал. Отбросив неприятные воспоминания, он смело назначил место. Предложение пообедать вместе было принято.

Диманш подождал, пока погаснет экран. Он тщательно подбирал слова.

— Вы заметили, — спросил он, — что ни в одежде, ни в макияже не было никаких изменений, и все же она выглядела гораздо моложе и привлекательнее?

— Я не думал, что ты можешь рассмотреть ее настолько.

— Я-то не могу. Я смотрел на нее вашими глазами.

— Не доверяй моей реакции, — посоветовал Кассел. — Она может быть чисто субъективной.

— Я не доверяю. Она такова.

Кассел задумчиво напел мотивчик. Диманш являлся деловым неврологическим инструментом, но из этого не следовало, что он был экспертом по части человеческой психологии.

Кассел во все глаза смотрел на женщину, которая шла ему навстречу. Одета по моде центра Галактики. Декадентский стиль, конечно, или, возможно, сверхцивилизованный. Будучи чужеземцем, он точно не знал, что это за стиль. Но, по-видимому, стиль делал с телом то, что следовало бы сделать уже давно. Тело это не было строго человеческим. Итак, юбка утонченных линий выдавала ее отклонение от человеческой расы. Некоторые из новых переходных рас отличались от исходного племени так же сильно, как кроманьонцы от неандертальцев, по крайней мере, в смысле красоты.

Диманш сказал что-то неразборчивое и умолк. Кассел даже не заметил этого. Его сознание фокусировалось на другом открытии. Шедшая ему навстречу женщина была Мюррой Форей.

Он смутно осознавал, что главный советник не являлась таковой, какой она показалась ему в первый день. Но в то, что она способна к таким метаморфозам, поверить трудно, хотя и приятно. Его мысли, должно быть, отразились на лице.

— Пожалуйста, — сказала Мюрра Форей: — Я — хантнер. Мы все являемся мастерами камуфляжа.

— Хантнер, — повторил он озадаченно. — Но что это за раса?

Она сморщила свой милый носик.

— Я не ожидала, что вы спросите об этом, и не стану отвечать сейчас. — Она подошла ближе: — Я думала, вы спросите, в чем состоит камуфляж. Лицо, которое вы видите сейчас, или которое вы видели в Бюро.

Он не понимал, о чем говорил. Но, должно быть, ответил что-то приятное, потому что она улыбнулась и плотнее закуталась в свою легкую шаль. Заказ в ресторане ждал.

Диманш ухватился за возможность поговорить.

— В ней есть что-то неискреннее. Я пока ничего не понимаю, но мне это не нравится.

— Ты, — ответил Кассел, — машина. И тебе не надо любить это.

— Именно это я и имею в виду. Вы должны любить это. У вас нет выбора.

Мюрра Форей вопросительно оглянулась. Кассел поспешил к ней.

Вечер прошел очень быстро. Он ел и не чувствовал вкуса пищи. Он слушал музыку и не понимал ее. Геометрические световые фигуры, на которые смотрел, он тоже не замечал. Напитки, которые пил... И здесь последовательность заканчивалась в сложной химии годольфианских стимуляторов. Кассел реагировал на этот мягкий напиток, хотя его физические реакции не менялись. Некоторые ментальные центры были подавлены. Другие оставались открытыми, по его желанию подчиняясь ускорению.

Мюрра Форей, по крайней мере, в его глазах, была похожа на мечту, которую имеют, но о которой никогда не говорят. Ее, однако, интересовала только работа, или же она хотела казаться таковой.

— Годольф — очень приятное местечко, — говорила она, играя бокалом. — Если вы любите дождь. Похоже, аборигены здесь достаточно счастливы. Но Галактика огромна и в ней множество незнакомых планет, каждая кажется идеальной для тех, кто к ней привык. Мне не нужно вам говорить, что случается с людьми, когда они путешествуют. Они зачастую садятся на мель. И дело не во времени, которое они проводят в полете. Дело в ожидании, пока появится нужный корабль, и в том, чтобы иметь все необходимые документы. Поверьте мне, это действительно важно, как мы уже выяснили.

Он кивнул головой.

— Таково происхождение Бюро Космических Сообщений, — продолжала она. — Таково происхождение организации, передаваемой из рук в руки. Иногда она называется «Помощь путешествующим по звездам», иногда может иметь и другие имена. Цель, однако, все-

гда остается одной: наблюдать или следить, чтобы затерявшиеся в пути пассажиры добирались туда, куда они желают.

Она задумчиво и в то же время призывно смотрела на него.

— ...Вот почему я заинтересована в вашем методе создания карточек удостоверения. Это то, что, в основном, теряется. Крадется, если вы предпочитаете точнее!

Казалось, она предугадала его вопрос.

— Как можно использовать чужое удостоверение? Это можно сделать при определенных обстоятельствах. Путем нейророботомии. Участок мозга можно изменить так, чтобы он походил на кодовую область другого мозга. Прооперированный человек, конечно же, страдает потерей определенной функции. Насколько, велика эта потеря, зависит от степени сходства между двумя мозговыми областями до операции.

Она, должно быть, знала, и он был склонен поверить ей. И все-таки убедительно это не прозвучало.

— Вы не выясняли психометрический индекс, — проронил он.

— Я думала, что вы увидите это. Он тоже уменьшен.

— Достаточно логично, хотя и не полная картина. Из гения всегда можно сделать среднего человека или снизить его до уровня идиота. Хотя и не было еще такой операции, которая могла поднять идиота до уровня гения.

Борьба за драгоценную карточку удостоверения переходила с более высоких тонов на более низкие. Игра музыкальных стульев со зловещими обертонами.

Она улыбнулась, хотя глаза оставались серьезными.

— Вы не ответили на мой вопрос.

Компания, нанявшая его, не была заинтересована выдавать секрет Диманша. Эти устройства не продавались, их делали для своих собственных целей. Он выделял их среди конкурентов, и они намеревались его сохранить. Даже по рекомендациям Кассела они не продали бы его агентству.

Более того, это устройство не могло бы помочь Бюро, даже если бы они получили его. В качестве советника Форей была единственной, кто мог им воспользоваться, и не смогла бы сделать удостоверение никому, кроме себя, даже владея исключительным умением.

Альтернативой являлась хирургическая операция с вживлением электронного приспособления тому, кто в нем нуждался. Когда такое происходит, секретность исчезает. Бюро нельзя доверять.

Он покачал головой.

— Заманчивая идея, но, боюсь, я не смогу помочь.

— Вы имеете в виду, что не будете помогать?

Это было забавно. На этот раз агентство, а не он, нуждалось в помощи.

— Не переигрывайте, — предупредил Диманш, который все это время безмолвствовал.

Она наклонилась вперед, прислушалась. Он испытал неприятный момент. Неужели она заметила его внутренний разговор? Конечно, нет. И все же...

— Пожалуйста, — сказала она тоном, который развеял его подозрение. — Сейчас мне предстоит неотложное дело. Не пойдете ли вы со мной? — Она понимающе улыбнулась в ответ на выражение его лица. — У Бюро всегда есть неотложные дела.

Она уже поднималась.

— Сейчас слишком поздно идти туда. У меня дома есть целый ряд автоматов, с помощью которых я связываюсь с Космическим портом.

— Я в недоумении, — озадаченно проговорил Диманш. — Она совсем не вокализует. Я не смог настроиться на нее. Я уверен, что она не получала никакого вызова. Будьте осторожны. Это, возможно, ловушка.

— Интересно, — бросил Кассел. Он был не в том настроении, чтобы обсуждать происходящее.

Ее жилище было роскошным. Хотя Кассел к этому всегда относился спокойно. Роскошь во Вселенной была повсюду, а вот женщин-хантнер у него еще не было. Он наблюдал, как Форей управлялась с приборами, сгруппированными в одном месте комнаты. Она что-то тихо говорила, и он не смог разобрать слова; одновременно она орудовала рычагами, нажимала какие-то кнопки.

Наконец все было закончено.

— Я устала. Вы подождете, пока я переоденусь?

Он согласно кивнул.

— Я думаю, что ее «неотложное дело» — просто обман, — сказал решительно Диманш, как только она вышла. — Я утверждаю, что она вовсе не работала со связью, она просто имитировала действия движениями.

— Движениями, — промурлыкал Кассел, мечтательно откидываясь на кресло. — И какими движениями...

— Я все время наблюдал за ней, — продолжал Диманш. — Она пугает меня.

— Я тоже наблюдал за ней, но по-другому.

— Выбирайтесь отсюда, пока можете, она очень опасна.

На мгновение Кассел задумался. Раньше Диманш никогда не подводил его. Нужно следовать его совету. И все-таки существовало и другое объяснение.

— Послушай, — сказал Кассел, — машина есть машина. Но среди людей есть мужчины и женщины. То, что кажется опасным тебе, может быть нормальным...

Вошла хозяйка апартаментов.

Действительно, она была из иного конца Галактики. Женщина вообще может быть изящной и женственно прекрасной каким-то особым, необъяснимым образом. Не то, чтобы Мюрра презирала или смотрела свысока на то, какое она производит впечатление, но в технических деталях, которые она использовала, он все равно отмечал очевидное. У него заныли на руках сухожилия и пересохло во рту, но не от страха. В ушах настойчиво звенело. Он встряхнул головой и поднялся ей навстречу. Звон не проходил. Оказывается, это был реальный голос. Вопль Диманша...

— Хантнер — это словесный вариант! На их языке это означает охотник. Она может слышать меня.

— Слышать тебя? — повторил Кассел безучастно.

Женщина поцеловала его.

— Знаешь, кто они? Хантнер — это потомок плотоядных животных. Аудиочувствительные. Она слышала вас и меня постоянно.

— Конечно, слышала, — улынулась Мюрра. — С самого первого интервью в Бюро. Сначала я не видела в этом ничего серьезного, но ты переубедил меня. — Она мягко прикрыла рукой его глаза. — Мне очень не хочется делать это, дорогой, но мне нужен Диманш.

В течение всего разговора он задыхался от ее ласки, а теперь она начала душить его.

Кассел считал себя атлетом. Для землянина он и был таковым. Однако Мюрра Форей была хантнер — потомок сильных плотоядных животных. У него не оставалось никакого шанса, и он понял это, когда не смог оторвать ее руки и провалился в пустоту безвоздушного пространства.

Когда Кассел очнулся, он был один. Лучше бы ему не просыпаться! Он перевернулся, но как ни старался, уснуть ему не удавалось. Его тело нуждалось во сне, но мозг был напуган и встревожен. Чем — непонятно. Он сел, дрожа от возбуждения, и обхватил голову руками, затем инстинктивно прощупал ноющими пальцами всю голову и замер: шишечка за ухом исчезла.

— Диманш, — позвал он и взглянул на живот. Там был тонкий след от разреза, который зарастал прямо на глазах.

— Диманш, — закричал он опять. — Диманш!

Ответа не последовало. Диманша с ним больше не было. Пошатываясь, он поднялся на ноги и устался на стену. Форей любезно вернула его в собственный номер. Наконец, собравшись с силами, он осмотрел свои вещи. Ничего не пропало. Деньги, удостоверение — все на месте.

Он мог бы пойти в полицию, но скривился при мысли об этом. Годольфианская полиция — вряд ли достойный противник для хантнера. А как доказать, что Диманш украден? Ведь ничто, более ценное, не взято. Кроме того, мог существовать и какой-то местный запрет на устройство типа Диманш. Не на него, конечно.

Но они могли бы докопаться до какого-то древнего закона о посягательстве на личную уединенность или чего-то в этом роде... Могло подойти все, что угодно, если оно давало возможность конфисковать устройство для тщательного изучения.

Самое худшее, что может произойти, так это то, что полиция поверит его рассказу. Тогда она обнаружит местонахождение Диманша, и ему уже никогда его не вернуть.

Он горько улыбнулся. Ему стало больно от воспоминания. «Дорогой», — сказала она ему и в тот же момент начала душить и жестоко избивать. Затем, ликуя от победы, извлекла из него маленький прибор.

Он представил себе не очень отдаленных ее предков, выскакивающих из укрытий и настигающих спасающееся бегством стадо...

Лучше об этом не думать...

Почему она взяла Диманша? Она намекала, что агентство не всегда заботилось о соблюдении законности. Он не-верил ей. Если бы она захотела воспользоваться им для изготовления Удостоверения, то скоро убедилась бы в бесполезности. И не потому, что присутствие Диманша было удобно. Не похоже, что она его вернет, после того как он сделал подобное открытие.

Интересно, какова цель деятельности Бюро Космических Сообщений? Очевидно, оно было прикрытием какого-то другого рода деятельности, что к филантропии не имело никакого отношения.

Диманш бы это выяснил. Все, казалось, вращается вокруг него. С Диманшем Кассел чувствовал себя почти суперменом, не теряющимся практически в любых си-

туациях, которые, однако, не имеют отношения к женщине-хантнер. Без Диманша — что ж, Танни-21 все еще далека. Даже если он туда доберется, без прибора его миссия на этой планете обречена на неудачу.

Он не допускал и мысли о попытке отобрать его у Мюрры Форей немедленно. Она была аудиочувствительной. За двадцать футов без всякого устройства она слышала биение сердца, внутренний шум мышц, трущихся друг о друга. С Диманшем же она услышит шуршание электронов. Она была слишком грозным противником.

Морщась от боли, он стал натягивать одежду. Нужно сделать другого Диманша. Это, конечно, трудная работа даже для нейронного эксперта, знакомого с процессом изготовления такого устройства. Кассел таким экспертом не являлся, но делать нечего — надо что-то предпринимать. Новый прибор должен быть лучше оригинала. Может, не таким ловким, но более всесторонним, более сильным.

Он улыбнулся при мысли о возможности преподнести сюрприз Мюрре Форей.

Не обращая внимания на боль, Кассел сразу принялся за работу. Имея много денег, он легко отыскал лучшие электронные и нейронные предприятия на Годольфе. Все они были поставлены на надежную основу. Когда он раздаст им планы, они обязаны будут наброситься на изготовление с максимальной энергией. Каждое предприятие должно было сделать определенную часть заказа, которая не имела значения без наличия другой. Тугодумы-годольфиане не станут устанавливать

бесполезные ментальные связи между не связанными, на первый взгляд, проектами.

Кассел опять закрылся в своем номере и начал составлять схемы. Это оказалось тяжелее, чем он думал. Он знал принципы, но детали были гораздо сложнее, чем он себе представлял.

Функционально аппарат Диманш был разделен на три составные части. В нем имелся узел мозга и памяти, который действовал в соответствии с моделью подобного узла человека. В отличие от человеческого мозга у аппарата не было собственного тела, и, следовательно, большая часть узла была приспособлена для мышления. Полностью нейронный по конструкции, он был гораздо меньше, чем любой другой электронный мозг равной мощности.

Вторая функция — электронная, сходная с радаром. Но вместо материальных объектов она выслеживала и записывала отдаленный нервный импульс. Она могла считать удары сердца, измерять параметры дыхания, даже сделать приблизительный анализ крови. Сфокусированная должным образом на нервных окончаниях языка, губ и гортани, она передавала данные обратно на нейронный мозг, который реконструировал это в речь. Чтение по губам.

И, наконец, был еще голос Диманша, спикер под контролем электронного мозга.

Для удобства вживления в тело Диманш был разделен на два узла. Большой обычно вживлялся хирургическим путем в брюшную стенку. Меньший, содержащий спикер, подсоединялся к голове, за ухом. Он работал за счет костной проводимости, позволяющей осу-

ществлять связь между оператором и инструментом. Очень удобно. Знать это, как знал Кассел, было недостаточно. Ему случалось беседовать с экспертами компании, видеть символические рисунки, чертежи неапробированной версии. Но нужно было что-то лучшее, чем самое лучшее, когда-либо планировавшееся.

Препятствие заключалось в том, что Диманш пользовался непосредственно энергией нервной системы тела, в которое был вживлен.

Против Мюрры Форей новое изобретение должно обладать большой силой. Она была сильнее Кассела физически, и, вероятно, также и в выработке нервной энергии.

Единственный выход — доставлять к новому прибору как можно большую энергию нервных токов тела. Это было опасно: малейший просчет — и пользователь погибал.

Несмотря на это, Кассел должен иметь прибор, превосходящий возможности Форей.

Он устало потер глаза. Как ему найти способ дополнительного снабжения энергией? Внезапно от осенившей его догадки он вскочил. Это был выход, конечно! Вспомогательный силовой блок, который не нужно вживлять в тело. Дополнительная энергия, которую он может использовать только в крайнем случае.

«Нейроникс» никогда не делала этого, будучи уверена, что такой прибор когда-либо потребуется. Фирма не нуждалась в подавлении своих клиентов. Она просто хотела получить информацию с помощью чтения мыслей.

Касселу было легче прийти к этой идее, чем осуществить ее. К концу первого дня он понял, что дело затянется.

Дважды он отсрочил заказ, закрывался в комнате, и, вопреки энергичным протестам врача, принимал препарат против сна. Через неделю он имел необходимые чертежи, грубые, однако разборчивые. Эксперт мог сделать бесчисленные исправления, но цель была ясна.

Одна неделя. Все это время Мюрра Форей ежедневно совершенствовала свое искусство в обращении с Диманшем.

Пошатываясь, Кассел следовал за нейронным экспертом; семидесятидвухчасовой сон все еще сковывал его. Годольфианин с гордостью показывал свою мастерскую, хотя Касселу были безразличны все его достижения. Единственным достойным внимания аспектом была масштабность архитектуры.

— Мы сделали все, хотя я не думаю, что взялись бы за это дело, зная, как будет тяжело, — не умолкал нейронный эксперт. — Все сделано в точности, как вы заказывали. Мы вынуждены были внести некоторые изменения. Вы понимаете, что это неизбежно?

Он обеспокоенно взглянул на Кассела, но тот согласен кивнул головой. Этого следовало ожидать. Компоненты, обычные на Земле, могли здесь отсутствовать. Тем не менее, любой стоящий эксперт всегда сможет подобрать подходящее соединение и получить аналогичные результаты.

— Я думал, вы будете собирать мой прибор отдельно. Что эта планетарная модель делает здесь?

Годольфианин обиженно развел руки.

— Планетарная модель? — он криво улыбнулся. — Это то, что вы заказывали!

Кассел вздрогнул. «Это надо будет укрепить под кожей за ухом. Но даже ящер третичной эпохи не сможет носить его».

Он резко повернулся к эксперту.

— Я говорил вам, что «это» должно быть маленькое?

— Так и есть. Я точно повторил ваш заказ.

— Я не знаком с местной системой измерений, но сделайте «это» крошечным, совсем крошечным. Представьте мысленно размер, каким он должен быть, и уменьшите наполовину. А затем еще наполовину.

Кассел бросил взгляд на руки годольфианина. Подходят для плавания. Не удивительно, что они все строят в грандиозных масштабах. Неуклюжие, грубые, с перепонками, руки совершенно не подходили для точной работы.

Все бессмысленно. Совершенно бессмысленно. Кассел теперь знал, что обнаружит в других лабораториях. В унынии он покачал головой, лично проследил за тем, чтобы прибор был разрушен, заплатил за работу и забрал чертежи.

Вернувшись в свои комнаты, он сел и задумался. Нужно было найти новое решение. Если годольфиане не справятся, необходимо найти такую расу, которая смогла бы. Яростно схватив трубку интеркома, он начал говорить, и через полчаса уже имел дюжину предложений.

Лучшим из них представлялась Спирелла — миниатюрная, насекомоподобная раса, не выше трех футов ростом, предположительно обладавшая маленькими,

ловкими руками и развитая в техническом плане. Ее представители дали понять, что знакомы с предложенной областью работ. Они находились на расстоянии трех световых лет отсюда, но с помощью местного транспорта к ним можно добраться в течение дня.

Кассел не стал упаковывать вещи. Комнаты должны оставаться штаб-квартирой. Его дом там, где его враги.

Мысленно он исправил — враг.

Он потерял свое чувствительное ухо, с удовольствием ощущая дискомфорт. Его брюшная стенка побаливала, но это было не надолго. Спирелла удачно сделали новый прибор. Они создали даже лучший вспомогательный блок питания, чем он заказывал. Кассел нащупал в кармане плоский футляр. В случае необходимости его можно вынуть, тогда как Мюрра Форей будет ограничена энергией только своей нервной системы.

То, чем он владел сейчас, не было прежним инструментом. Возможно, более военизированным. Он не считал себя вправе использовать то же имя. Но нужно назвать его как-то решительнее, принимая во внимание его мощь. Манш! Самое подходящее имя. Манш против Диманша. Кассел против королевы.

Он уверенно двигался параллельно транспортному потоку. Шел дождь. Кассел решил испытать новый прибор. Вот годольфианин на противоположной стороне улицы наклонился, удивляясь, почему его колени перестали сгибаться. Они вдруг распухли и стали болеть. Возможно, это климат.

«А возможно, и нет, — подумал Кассел. — Обусловленная известными обстоятельствами боль должна

прекратиться, я не собираюсь причинять вред аборигену, а хочу только пронаблюдать Манша в действии».

Кассел начал кружить вокруг Бюро, из предосторожности сохраняя расстояние в один дом между собой и возможным электронным детективом. Не было никаких признаков того, что Мюрра Форей опознала его. Для хантнера, она, несомненно, была не слишком предусмотрительной.

Он осторожно отправил Манша в разведку. Электронный охранник, о котором сообщал еще Диманш, безмолвствовал. Манш прошел через него, не потревожив даже электрона. Позади сторожа не было и следа главного советника.

Кассел осторожно подошел ближе. По-прежнему, ничего не предвещало опасности. Тот же пожилой техник ковылял у входа. Вдруг страшная догадка осенила Кассела. Ее можно было довольно легко проверить.

Да, действительно, произошла еще одна «реорганизация». Новая вывеска гласила:

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ КОСМИЧЕСКИХ СООБЩЕНИЙ
«БОКС» постоянно заботится о вас
Делли Мортинбрас, главный советник

Кассел остановился напротив, не в силах сообразить, что смутило и — испугало его. Затем постепенно до него дошло. «Бокс» — это единственное слово на карточке в кошельке, который его противник оставил тогда, в аллее. Кассел, естественно, интерпретировал его как название банды грабителей. Конечно же, это было неверно.

В первое свое посещение Кассел застал Бюро в процессе очередной реорганизации. Единственная ее цель, как он четко понял сейчас, заключалась в изменении названия, которое составляли начальные буквы Бюро. В тот момент он их не расшифровал.

Он вдруг ясно понял, почему Мюрра Форей была так уверена, что удостоверение личности, изготовленное с помощью Диманша, было подделано.

Она с самого начала знала человека, ограбившего Кассела, возможно, даже помогла спланировать акцию.

Кассел ничего не понимал. И все-таки смысл должен быть. Он подозревал, что это организация типа рэкета, но, возможно, это было не так. Однако, как бы она ни называлась, ее действительная цель — оказание помощи застрывшему путешественнику. Вопрос состоял в том, какому путешественнику.

В Космическом порту должны работать сотрудники из агентства, проверяющие каждый случай. Они выясняли, куда едут пассажиры, в порядке ли их документы, а затем точно так же, как это случилось с Касселом, подходящего путешественника грабили, с тем, чтобы кто-то другой, тоже застрывший здесь, смог добраться до места назначения.

Техник-старик закончил менять вывеску на последней двери и поковылял в сторону Кассела. Он пристально всматривался в пелену дождя и темноту.

— Вы застряли здесь тоже? — проговорил он хриплым голосом.

— Нет, — ответил Кассел, пытаясь сохранить спокойствие. — Я не застрял. Я здесь потому, что так хочу.

— Вы сумасшедший, — заявил старик. — Я помню...

Кассел не стал выяснять, что же тот помнит.

Несуществующую землю, возможно, планету, которая вращается по совершенной орбите вокруг идеального солнца. Континент, который возвышается пурпурным горным хребтом, поддержива-

ющим медового цвета небо. Людей, с которыми легко отдыхать без забот и тревог. То есть, его родной мир, где ночью в небе висят его знакомые со-

созвездия. Из последних сил Кассел добрался до своего номера и устало упал на кровать. Откровенный обмен мнениями не состоял-

не состоялся. Все, связанные с агентством, включая Мюрру Форей, «застряли» здесь. Без удостоверений, без денег. Таков был и штат Бюро — кучка отчаявшихся отверженных. «Филантропия» распространялась только на них и ни на кого больше. Они выуживали удостоверения и деньги у путешественников, оставляя их выброшенными на берег, и те вынуждены были присоединиться к Бюро и использовать те же методы, чтобы продолжать свое путешествие по Галактике.

Это была бесконечная цепь отставших путешественников, грабивших и оставлявших выброшенных подобных себе, которые затем должны были грабить и оставлять других.

У Кассела не было шанса догнать Мюрру Форей. Она использовала время и Диманша, чтобы создать собственное удостоверение и бежать.

Она возвращалась на Кэтти-Кат, дом всех хантнеров, и, видимо, была уже на расстоянии нескольких световых лет отсюда. Или это не так? Вывески на Бюро были только что изменены. Возможно, корабль все еще в Космическом порту или летит где-то в пределах скорости света.

Он пожал плечами, признавая поражение. Это было уже бессмысленно. Все равно он не смог бы попасть на борт.

Вдруг Кассел, опираясь на локоть, приподнялся. Он — нет, но Манш сможет! В отличие от прежнего прибора он может действовать на огромных расстояниях. Его мощность больше не зависит только от собственной ограниченной нервной энергии.

С расчетливой яростью Кассел выпустил Манша в пространство.

— А вот и вы! — воскликнула Мюрра Форей. — Я так и думала, что вы это сделаете.

— Неужели? — спросил он холодно. — А где вы сейчас находитесь?

— Покидаю атмосферу. Если можно назвать эту чушь вокруг планеты атмосферой.

— Это не плохая атмосфера, — сказал он ядовитым тоном, на который только был способен. — Это филантропия.

— Пожалуйста, не обижайтесь. Хантнеры — довольно необычные существа. Я признаюсь в этом. Но иногда даже мы нуждаемся в помощи. Мне нужен был Диманш, и я взяла его.

— Рискую убить меня.

Ее веселость была какой-то странной. В ней сквозило что-то похожее на печаль.

— Я не ранила вас. Я не могла бы это сделать. Вы были слишком привлекательны, как... животное с планеты Кэтти-Кат, которое на Земле называют медвежонок Тэдди. Привлекательный, милый медвежонок Тэдди...

— Тэдди-медвежонок, — повторил он, по-настоящему уязвленный сейчас. — Осторожно, он может иметь когти.

— Длинные когти? Такие длинные, что могут добраться до Кэтти-Кат? — Она смеялась, но смех ее звучал грустно и неубедительно.

Манш выстрелил по молчаливой команде Кассела. Смех оборвался.

— Ну что же, вы сделали это, — вмешался Диманш. — Она холодна.

Не было никакой причины чувствовать угрызения совести, но, как ни странно, Кассел чувствовал это. У него пересохло во рту.

— Итак, ты тоже можешь беседовать со мной. Через Манш, конечно. Я построил чудесный механизм, не так ли?

— Устрашающий, — ответил сурово Диманш. — Она без сознания.

— Я слышу это в первый раз. — Поколебавшись, Кассел добавил: — Она мертва?

Диманш занялся обследованием.

— Конечно, нет. Такая маленькая штучка не может повредить ей. Ее нервная система изумительна. Я думаю, она может вынести заряд для целого города. Это прекрасно.

— Я понимаю, что такое красота, — проговорил Кассел.

Наступило неловкое молчание. Наконец Диманш нарушил его:

— Теперь, когда мне известны все факторы, я горжусь, что являюсь прибором, который она изобрела. Ее потребность оказалась большей, нежели ваша.

Кассел проворчал:

— Как главный советник, она имела доступ ко всем...

— Не вмешивайтесь со своими полудоводами. Хантнеры являются особенными. Их мозговые структуры тоже. Не обязательно лучше, но другие. Только аудирующие и визуализирующие центры напоминают аналогичные образования у человека. Вы можете догадаться о последствиях даже поверхностного вмешательства в подобные части ее мозга. А украденное удостоверение требовало лоботомии.

Мог ли он представить себе? Кассел отрицательно покачал головой. Ослепленная, глухая Мюрра Форей не вернулась бы в дом хантнеров Согласно их расовому закону незрячий молодой тигр должен отползти в сторону и умереть.

Снова наступило молчание.

— Нет, она не притворяется, — объявил Диманш. — В какое-то мгновение я засомневался, но это не имеет значения.

Разговор длился дольше, чем Кассел предполагал. Должно быть, корабль был устаревшим и очень медленным. Существовало еще несколько вопросов, которые он хотел выяснить.

Диманш прервал его мысли:

— Я полагаю, вы знаете, что она думает о вас?

— Она выразилась достаточно ясно, — проговорил горько Кассе л. — Тэдди-медвежонок, безмозглая детская игрушка.

— У хантнеров женщины сильные и агрессивные, — сказал Диманш. Голос его становился слабее по мере того, как корабль, находящийся на расстоянии нескольких световых лет, удалялся. — Когда речь идет о словах, моральные принципы очень строги. Так, например, «дорогой» никогда не используется, если говорящий действительно не имеет этого в виду. Мужчины-хантнеры очень слабы и не перегружены интеллектом. — Голос был уже едва различим, но все еще звучал: — А главной романтической фигурой в женских мечтах... — голос Диманша пропал совсем.

— Манш! — закричал Кассел.

Манш ответил, используя всю имеющуюся мощь:

— ...является медвежонком Тэдди.

Наступил момент триумфа и состояния эмоционального подъема, которого так не хватало. Для колебания времени не было, и Кассел не медлил. Их действия были направлены друг против друга, но эмоции, которые

каждый старался игнорировать, являлись настоящими и сильными.

Гравитатор вернул его к действительности. Через несколько минут Кассел уже был в Бюро Космических Сообщений. Переименование! Сейчас это «БОКС». И, хотя этого никто не знал, даже это было неверно. Он быстро нашел старого техника.

— Произошла реорганизация, — приказным тоном сказал Кассел. — Я хочу сменить вывески.

Старик подошел ближе:

— Кто вы?

— Я только что сам себя избрал, — ответил Кассел. — Я — новый главный советник.

Он надеялся, что никто не наделает глупостей и не будет протестовать. Он хотел создать организацию, которая начала бы функционировать немедленно, а не быть госпиталем для калек.

Старик задумался. Он был простым рабочим, но служил в Бюро давно, он был никем, ничем, но умел узнавать силу, когда она находилась рядом. Он потерял глаза и опять заковылял в мелкий дождь. Быстро появились новые знаки:

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ КОСМИЧЕСКИХ СООБЩЕНИЙ
Дентон Кассел, главный советник

Кассел сидел за пультом управления. Каждая комната для посетителей была видна как на ладони. В добавок к этому в его распоряжении был специальный дисплей, на который прямо из Космического порта поступали все необходимые данные о вновь прибывшем путешественнике. Можно было подумать о некоторых незна-

чительных усовершенствованиях, но пока на это не хватает времени. Он намекнул об этом своему помощнику, человеку с тонким умом. Не самый лучший, конечно, но вполне подходящий для своего второстепенного положения в Бюро. Каждый член организации быстро поднимался или опускался на определенный уровень, но этот добился всего без конкуренции.

Дни тянулись вяло. Последние несколько кораблей доставили путешественников, которые направлялись в неинтересные пункты назначения; никого, кто мог бы его заинтересовать.

Он думал о своем механизме. Именно разница в мощности отличала Диманша от Манша. Диманш плюс мощность равнялись Маншу, а Манш возвышал потребителя над уровнем среднего человека. Бояться было нечего.

Но все это было только началом. Посредством Манша Кассел контактировал с кораблем, летевшим со скоростью, превышающей скорость света. Единственным механизмом, способным на такую связь, было мгновенное радио. В сущности, это старое имя только прилипло к нему.

Манш, в сущности, был очень примитивной моделью мгновенного радио. Оно было грубым, это были лишь первые шаги. Ограниченное в диапазоне, радио было практически бесценным для сегодняшних целей. Очевидно, диапазон может быть расширен. Соединить нейронный искусственный мозг с человеческим, добавить мощность крошечной атомной батареи — и Манш создан.

Последним шагом была его доля изобретательности. Хотя, наверное, заслуга принадлежала Мюрре Форей. Если бы она не выкрала Диманша, новый прибор никогда бы не понадобился.

Жесткие линии на его лице разгладились. Мюрра Форей. Он интересовался брачными обычаями у хантне-ров. И надеялся, что такой обычай на Кэтти-Кат существовал.

Кассел откинулся назад в кресле: официально его миссия была завершена. Теперь не было никакого смысла лететь на Танни-21. Ученый, за которым его послали, вполне может оставаться там в неизвестности. Кассел знал, что ему следует возвращаться на Землю немедленно. Но Галактика велика, и в ней еще столько заманчивых мест!

И только одним из них он интересовался. Хотя Кэтти-Кат находилась так же далеко от центра Галактики, как и Земля, только в противоположном направлении, невероятно далеко. Добраться туда было чрезвычайно трудно, даже для человека, пользующегося услугами Манша.

Кассел взглянул на табло. Кто-то изъявил желание лететь на Зомбо.

— Делли, — позвал он своего ассистента. — Попробуйте 13. Возможно, это то, что вам нужно для возвращения на вашу родную планету.

Делли Мортинбрас благодарно кивнул и подключился.

Кассел продолжал сканирование. Возможностей было больше, чем он предполагал, хотя он быстро учился. Иметь удостоверение, деньги и назначение недостаточ-

но. Необходимый корабль мог появиться только с «заказанным» местом. Кого-то нужно было «угovorить», что Годольф — приятное, уютное местечко, как и любое другое для незапланированной остановки.

Изобретение не изменится при его жизни значительно. Существовали еще миллионы звезд. Сначала он должен усовершенствовать его, сделать независимым от человеческого фактора, а затем наступит время внедрения. Таков медленный процесс, даже если Мюрра Форей будет помогать ему.

Когда-нибудь он вернется на Землю. Его должны принять радушно. Информация, которую он отправлял своим бывшим начальникам в фирме «Нейроникс», представляет нечто большее, чем просто компенсацию потери Диманша.

Внезапно Кассел насторожился. Поступило новое сообщение... «Жил-был однажды, — подумал он нежно, — медвежонок Тэдди, который смог добраться до Кэтти-Кат. С когтями». Но он был уверен, что они ему не понадобятся.

Ученик

Рассвет чуть брезжил. Комендант Хафнер показался из люка, изумленно раскрыл глаза и тут же скрылся. Минуту спустя он появился снова, на этот раз вместе с Марном, биологом.

— Вчера вы утверждали, что никакая опасность нам здесь не грозит, начал Хафнер вкрадчиво. — Надеюсь, вы не изменили своего мнения?

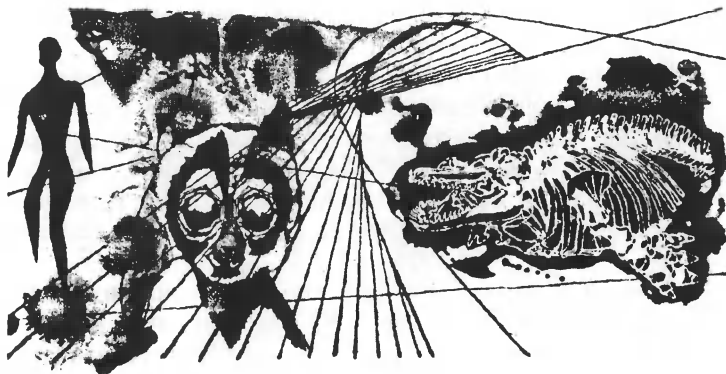
Увидев то же, что и комендант, Марн не сумел удержаться и улыбнулся.

— Ничего сметного здесь нет! — рявкнул Хафнер и направился в сторону спящих под деревьями колонистов.

— Миссис Эйсил! — Хафнер наклонился над неподвижной фигурой. Женщина приоткрыла на мгновение глаза и повернулась на другой бок.

— Миссис Эйсил! — повторил комендант, — я не отношу себя к зевакам. Но все же попросил бы вас что-нибудь накинуть на себя.

Эйсил вскочила и тут же приняла позу женщины, которая вдруг обнаружила, что неожиданно и помимо собственной воли оказалась обнаженной: одеяла, которые должны были ее прикрывать, исчезли, как исчезла и одежда, в которой она укладывалась спать.

Тем временем проснулись остальные.

— Всем к интенданту! — распорядился Хафнер. —
Объяснения — потом!

Колонисты побежали к кораблю. Восемнадцать месяцев, которые они провели вместе в тесных каютах, помогли им избавиться от излишней застенчивости. Но, что ни говори, а вдруг проснуться вот так, абсолютно нагишом, да еще не зная, как и куда исчезла одежда, — было не так уж приятно.

— Надеюсь, вы уже пришли к какому-нибудь выводу? — бросил Хафнер, проходя мимо биолога.

От Марна, единственного ученого среди колонистов, всегда требовали готовых ответов на любые вопросы.

— Это, пожалуй, какие-нибудь ночные насекомые, — пробормотал он довольно неуверенно.

Хафнер скрылся в корабле, а Марн стал внимательно осматривать опустевшие заросли. Деревья были невы-

сокие, с листьями цвета бутылочного стекла; кое-где на солнце поблескивали огромные белые цветы.

Вдруг биолог заметил, что снизу, из густой травы, за ним внимательно наблюдают два маленьких сверкающих глаза. Он протянул руку — зверек с писком увернулся. Поймать его удалось только на опушке. Сначала зверек визжал от страха, но потом успокоился и уже на пути к кораблю с аппетитом принялся за куртку биолога...

Комендант Хафнер, слушая Марна, неодобрительно поглядывал на клетку. Зверек был маленький, с редкой и тусклой шерстью — на экспорт таких шкурок рассчитывать не приходилось.

— ...Насекомых, орехи, ягоды, семена, — продолжал перечислять биолог, одежду... Я бы отнес их к разряду всеядных.

— Значит, это ваше Всеядное будет пожирать посевы?

— Вероятно.

Комендант размышлял недолго.

— Придется вам заняться этой пакостью. А пока — всем ночевать на корабле.

— Это Всеядное... — начал было биолог.

— Ладно, думайте сами, — оборвал его комендант и ушел.

Марн, не слишком обрадованный поручением, остался стоять у клетки. Вот такой же зверек жил на Земле в позднем карбоне — первобытный грызун, с которого, собственно, все и началось. Но здесь, на Феликсе, такой эволюции не произошло. Здесь нет пресмыкающихся, полным-полно птиц и только один вид млекопитающих. Спрашивается — почему? Решить загадку — вот

основная задача биолога. А ему придется уничтожать этих занятных животных...

Спустя две недели произошло событие, по сравнению с которым переживания какой-то миссис Эйсил, оставшейся в костюме Евы, показались бы просто смешными. Мыши — черные, белые, пепельные, бурые, с длинными хвостами и короткими ушами или с короткими хвостами и длинными ушами — проникли в склад и стали пожирать концентраты.

Яды не действовали — средство, убивающее одну особь в считанные секунды, почему-то оказалось совершенно безвредным для всех остальных. По сравнению с этими тварями Всеядное казалось просто милым домашним животным. Оставалось последнее средство.

Заказ биолога был исполнен через два дня. Машину принесли на склад в маленькой клетке. Когда клетку

открыли, машина выскочила и остановилась в сторонке в выжидающей позе.

— Кошка! — радостно воскликнул кладовщик и протянул руку к мастерски сделанному роботу.

— Осторожней! — предостерег его биолог. — Вы могли прикоснуться к чему-нибудь, что пахнет мышью. Эта штука здорово реагирует на запах.

Кладовщик поспешно отдернул руку. Робот беззвучно скрылся среди развороченных ящиков.

Вскоре бесчинства мышей стали утихать. Комендант был доволен. Но на шестой день утром робот был найден бездыханным под стеллажами, где хранились банки с молочным порошком. Его стальной скелет был смят, шкура из прочного пластика — содрана. Кот, несомненно, сражался: вокруг него валялось штук двадцать или тридцать поверженных врагов. Грызуны победили, используя явный численный перевес.

Марн едва поверил собственным глазам: теперь это были крысы, здоровенные крысы чуть не с кошку ростом. Но ведь Институт биологических исследований, пославший его сюда, утверждал, что на Феликсе крыс нет, как нет, впрочем, и мышей!

Марн собрал мертвых крыс и унес их к себе. Все они были разными. Взять, например, зубы. То встречались крысы, у которых в непропорционально маленьких челюстях гнездились могучие клыки, то попадались экземпляры с миниатюрными зубками, тонувшими в мощных костных структурах. И в строении внутренних органов тоже были различия. Ни разу в жизни Марн не сталкивался с таким странным видом!

Марн сидел в своей лаборатории и снова пытался осмыслить происходящее.

...Колонисты оцупали недра планеты зондом. В верхних слоях было полно останков Всеядных; последние двадцать тысяч лет все было в порядке. Но ниже! Ниже не удалось найти никаких следов жизни — ничего! И только гораздо глубже — на Земле подобные породы можно было отнести к карбону опять появлялись черепа, кости, целые скелеты. В величайшем изобилии. И как две капли воды похожие на останки земных ящеров.

...Комендант может говорить, что угодно, но Институт тут не при чем. Если Институт определил, что на Феликсе нет ни мышей, ни крыс — значит, их действительно не было в момент обследования. Но тогда — откуда они появились?

...Ящеры. Такие же были и на Земле. Они вымерли, не успев дать начало хозяевам суши — млекопитающим. Те первые и были точь-в-точь как Всеядное.

...С мышами, как будто, удалось справиться, хоть пришлось построить новый склад. А с крысами неплохо воюют терьеры — обыкновенные псы, люто ненавидящие грызунов. Когда-то они здорово помогали в хлебных амбарах на Земле, а теперь им нашлась такая же работа здесь, на Феликсе. Прыжок, щелчок челюстями, рывок головой — и крыса валяется с переломанными костями.

...Мыши появились на Земле гораздо позже, чем животные вроде этого Всеядного. Крысы — еще позже. Но тогда здесь на Феликсе происходит сейчас...

Комендант Хафнер был настроен вполне благодушно, пригласил биолога сесть и даже предложил ему сигарету.

Марн закурил.

— Я полагаю, вы охотно услышите, откуда взялись мыши, — начал он.

— Они же нас почти не тревожат, — снисходительно улыбнулся Хафнер.

— Мне удалось открыть также и происхождение крыс.

— Так ведь и с ними все идет теперь как по маслу.

Марн призадумался, не зная, как приступить к делу.

— Феликса, — произнес он наконец, — имеет климат и топографию земного типа. По крайней мере, последние двадцать тысяч лет. Значительно раньше, сто или двести миллионов лет назад, она тоже напоминала Землю в аналогичную эпоху.

На лице коменданта он увидел вежливое выражение, с каким занятые люди слушают всех, кто старается объяснить им общеизвестные истины.

— И вот сто миллионов лет назад на Феликсе произошло что-то странное, гнул свое биолог. — Я не знаю, в чем именно было дело. Может быть, флуктуации здешнего солнца. Или нарушение равновесия сил внутри самой планеты. Или столкновение с чем-то космическим. Так или иначе, климат здесь сразу же переменялся — и всяческим динозаврам пришел конец. Как и на Земле. Не вымер только прародитель наших Всеядных...

Постарайтесь представить себе характер катастрофы! Сначала выжженная пустыня, затем она превращается в джунгли, потом на этом месте оказывается ледник.

Ледник тает — и цикл начинается сначала. И все это происходит на протяжении жизни одного животного, одной особи вида Всеядных! Так продолжается сто миллионов лет...

Хафнер вдруг забеспокоился:

— Вы сказали, что климат стал нормальным двадцать тысяч лет назад. А может он опять сбиться с толку?

— Не имею ни малейшего представления, — честно признался биолог. — Но сейчас важно другое. Дело в том, что выжить здесь было чрезвычайно трудно. Птицы могли перелетать с места на место, и поэтому их сохранилось великое множество. Но из млекопитающих уцелел лишь этот один-единственный вид. Он способен чертовски быстро изменяться, приспосабливаться к новым условиям. Когда мы прилетели, мышей на Феликсе не было, они родились от Всеядных величиной с белку.

— А крысы?

— Это следующий калибр...

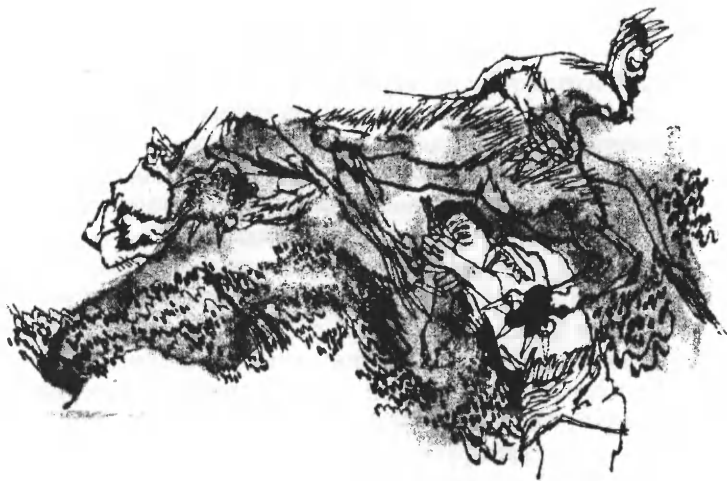
— Другими словами, мы никогда не избавимся от этих бестий, — мрачно констатировал Хафнер. — Разве что нам придется уничтожить здесь все живое.

— Вы думаете о бомбе? — спросил биолог. Вряд ли это поможет. Жизнь на Феликсе выдерживала и худшие передрыги.

Хафнер надолго задумался.

— А может, нам лучше убрать подобру-поздорову?

— Слишком поздно, — вздохнул биолог. — Вскоре эти животные окажутся на со Земле и на всех остальных освоенных нами планетах...

Комендант ошалело уставился на Марна. На Феликсу прилетело три космических корабля. Один из них остался вместе с колонистами на случай непредвиденных обстоятельств, а два других вернулись на Землю. На них отправлены образцы местной фауны...

— Мы обязаны остаться здесь, — сказал Марн. — Мы обязаны что-нибудь придумать...

Глухой рев за окном прервал биолога. Хафнер вскочил, схватил ружье и бросился к двери. Марн устремился за ним.

Комендант бежал по полю к лесу. На пригорке он резко остановился, припал на одно колено и выстрелил. Рыжая полоса огня ударила по зелени. Слишком высоко.

Он прицелился еще раз и снова нажал на спуск. Зверь подпрыгнул и свалился на землю мертвый.

Минуту спустя мужчины стояли над трупом животного. Нарисовать ему еще полосы на боках — и это была бы точная копия тигра...

Колония не поддавалась. Собственно, тигры доставили не так уж много хлопот — это были прекрасные мишени. Но охранять поселок приходилось теперь круглосуточно.

А вскоре Марн заметил, что внутренние органы хищников изменяются странным образом. Тигр, убитый позавчера, был словно гигантский новорожденный котенок; его желудок был приспособлен, похоже, к перевариванию молока, но никак не мяса...

Это был последний убитый тигр.

Время шло, не принося больше ничего пугающего. Животное, перенесшее космическую катастрофу, оказалось бессильным перед человеком... Так, по крайней мере, всем казалось.

Но месяца за три до прибытия очередной группы колонистов животное снова дало о себе знать: на полях появились потравы.

Собаки на сей раз не помогли. Они даже не шли по следу. Хафнер снова мобилизовал колонистов, целую неделю на полях дежурили по ночам, но никто так ничего и не увидел. Охрану усилили, на полях начали ставить сигнализацию — а животное продолжало хозяйничать. Разумеется, там, где сигнализации не было.

И все же на третий день, перед самым рассветом, сигнал прозвучал. Комендант объявил тревогу. А сам вме-

сте с биологом бросился в обход поля, чтобы отрезать животному путь к отступлению.

Они пробирались сквозь заросли, стараясь не шуметь. А животное — оно не то чтобы шумело, но, кажется, не стремилось ускользнуть незамеченным. Во всяком случае, им было слышно, как оно рвет колосья.

Наконец, голубое солнце Феликсы взошло и осветило того, кого они искали. От неожиданности Хафнер опустил ружье, но мгновение спустя вскинул его снова и, сжав зубы, прицелился.

— Не стреляйте! — Марн грудью заслонил цель.

— Я здесь комендант, — злобно прошипел Хафнер. — А это опасный...

— Опасный, — подтвердил биолог, — и поэтому — не стреляйте! Вы понимаете? Здесь прошло всего два года... На Земле на это ушли миллионы лет!

Хафнер медлил, но ружья не опускал.

— Неужели вы до сих пор так ничего и не поняли? — напирал на него биолог. — Веками мы не можем справиться с нашими собственными, земными крысами, так каким же чудом вы хотите...

— Тем более следует начинать сейчас же, — резко возразил Хафнер.

Марн потянул вниз ствол его ружья.

— Нет, вы все еще ничего не поняли! Здесь действует закон прогресса: после тигров появилось это. А если не повезет и этому продукту эволюции, что они породят в следующий раз? С тем, что появится после, я предпочел бы не ссориться...

Оно услышало их голоса. Подняло голову и осмотрелось, а потом не спеша направилось в сторону рощи.

Биолог негромко окликнул его. Оно остановилось в тени деревьев.

Хафнер и Марн положили ружья на землю и медленно пошли туда. Руки они протянули в стороны в знак того, что идут без оружия.

Оно вышло из-за деревьев навстречу. Голое — не успело еще придумать себе одежды. Оружия у него тоже не было. Оно сорвало с дерева огромный белый цветок и несло его перед собой в знак мира.

— Поразительно, — пробормотал Марн. — Выглядит взрослым, хотя этого никак не может быть... Страшно хотелось бы мне осмотреть...

— Меня больше беспокоит, что у него на уме, — упрямо отозвался Хафнер.

Западня

Его закутывали в холодную, как лед, простыню, пропитанную какими-то сильно пахнущими специями. Закутывали плотно, так, что пальцы ног дико болели, а руки дрожали, не переставая. Странное дело — у него еще существовали пальцы и, кажется, глаза. Раскрыв их, он попытался посмотреть. Все казалось туманным и расплывчатым, словно снятым не в фокусе.

— Отдыхайте. У вас все в порядке.

Именно это услышал он, когда впервые почувствовал холод и запах специй, — именно эту фразу снова произнес знакомый голос.

— Мммм, — промычал Жэдивер. Попытка поднять руку не удалась — он не смог ею и пошевелиться.

— Что случилось?

— С вами произошел несчастный случай. Припоминаете?

Нет, он не помнил.

— Спите — поговорим позже...

Он ощутил, как что-то острое вошло в тело. На мгновение свет, слабо пробивающийся сквозь опущенные веки, вдруг усилился и внешний мир, о котором он сейчас не смог бы сказать ничего определенного, возник в его воображении во всем своем ослепительном великолепии.

Сколько прошло времени, пока Жэдивер окончательно проснулся, он не знал: возможно — несколько дней, возможно — считанные минуты.

В комнате стоял госпитальный запах. Жэдивер попытался приподняться и сесть, но это оказалось выше сил. Он долго лежал неподвижно и смотрел в зарешеченное окно; кто-то вошел.

— Будет жить, — сказал тот же знакомый женский голос.

— Вы думаете?

Он не мог повернуться, но знакомый запах доносился из-за спины, и ему страшно захотелось увидеть, от кого он исходит. Благоухание, казалось, пропитывало женщину насквозь. Благоухающий лед — вот с чем можно было ее сравнить.

Она присела, и он смог, наконец, увидеть волосы — темно-медные и платье — темно-зеленое. Нет, нет, она не походила на робота и потому не могла быть ни дежурной сестрой, ни дежурным сторожем. Логично было считать ее доктором — полицейский врач, как это ему раньше в голову не пришло...

Тадеус Жэдивер вздохнул.

— Я еще пригоден на чтонибудь?

— Сейчас — нет... Возможно, в будущем вы сможете приносить пользу, но это уж не мое дело, — прозвучал ровный голос.

Жэдивер попытался улыбнуться и поднять странно забинтованную руку.

— Спасибо.

— Я буду ухаживать за вами, но лишь половину положенного времени. А вообще-то уход за больными — дело «комбо».

— Что значит «комбо»?

— То, что слышали... Комбинированный человекоподобный врач-робот. Все госпитали пользуются ими. Робот более аккуратен и чуток, и ему не хватает лишь умения выносить окончательное суждение о больном. В сложных случаях мы работаем вместе.

Он все еще не мог вспомнить, что же с ним произошло.

— Я был в тяжелом состоянии?

Твердый рот, кости скул разбросаны слишком широко. И все же общее впечатление приятное — и было бы еще приятней, чувствуя он в ней чуточку больше теплоты.

— Будь вы наблюдательней, вы бы уже заметили, что каждый дюйм вашей кожи заменен синтетической тканью.

Склонившись, она взяла его кисть, упакованную в светлый губчатый кокон; опытным движением высвободила из корки кончики пальцев.

Жэдивер посмотрел и отвернулся.

— Целлофан, — сказал он.

— Не горюйте, ваша кожа заменена искусственной, но через некоторое время она станет совершенно нормальной.

— Рад слышать, — отозвался Жэдивер. — То, что случилось, выглядит весьма занимательно, но мне что-то не очень хочется выступать в роли анатомической модели...

Поднявшись со стула, она ухитрилась продемонстрировать значительный интерес к происходящему.

— Потребовалось ошелушить сгоревшую часть, а когда вы оказались совершенно ободраны, мы обернули вас в синтетическую кожу. Затем надели и сбрызнули бандаж. Новые формы тела с синтетической добавкой подобны типографским матрицам. Постепенно все вернется к нормальному виду. Ваша новая кожа даже станет более устойчивой против воздействия химических реактивов и болезнетворных микробов.

— Ну, что ж, — заметил Жэдивер. — Теперь я стал чем-то вроде «супермена».

В первый раз она улыбнулась.

— Вещество, из которого сделана кожа, еще ново для нас, чтобы точно сказать, как оно станет реагировать на разные случаи жизни.

Она направилась к двери.

— Через несколько дней я сниму с вас бандаж и отпущу домой. Надеюсь, вы знаете, где меня найти, если вам что-либо потребуется.

После ее ухода Жэдивер стал думать. Он не спрашивал, что с ним произошло: поэтому она решила, что он вспомнил. И он должен вспомнить, должен.

С него сняли обгоревшую кожу и заменили новой синтетической тканью. Почему? Начнем отсюда, и пусть, восстанавливая прошлое, поработает память.

С трудом пошевелившись, он наконец вспомнил самое последнее: свою квартиру. Разъяснило это немного, ведь он часто там бывал... Встряхнув головой, Жэдивер вновь задумался. Итак — он находился в квартире, собираясь уходить. Перед выходом он обычно принимал автомат-ванну. Так произошло и в тот раз. Картина вырисовывалась все отчетливее.

...Едва он дотронулся до двери, та сразу же широко распахнулась.

— Бритье, массаж, ванна, — приказал он.

Автомат выбросил из стены рычаги, чтобы принять его в свои объятия, но Жэдивер почему-то инстинктивно отпрянул. Автомат все же схватил его, не так удобно, как обычно, но крепко. Он извивался словно червяк, но еще до того мгновения, когда хватка стала чересчур плотной, — ослаб.

Автомат-ванна фамиллярно прогрохотала, и из-под пола вверх брызнула струя воды. Она была словно лед, и Жэдивер задрожал от холода.

— Ты ослышался, — сказал он твердо, — я просил ванну в конце.

Автомат не обратил на его слова никакого внимания. Вслед за нижней ударили верхние и боковые струи. Сила их была во много раз большей, чем заданная. Дышать становилось все труднее. Вода быстро становилась горячей, секундой позже из брандспойтов ударил пар.

Жэдивер закричал и попытался освободиться. Автомат-ванна не поддавалась. Наоборот, она еще сильнее охватила его своими жесткими негнущимися руками. Здесь и там кожа стала отделяться от мяса. Рычаги автомата продолжали его разминать. Вот они добрались до лица. Этот момент Жэдивер помнил очень ясно — затем потерял сознание.

Он лежал в госпитальной кровати, обливаясь холодным потом.

Нет, то был не просто несчастный случай — именно это его и волновало; особенно — форма, в которой все произошло. Он хорошо знал механизмы роботов и принципы, которыми пользовались при их конструировании. Автомат-ванна считалась одним из лучших образцов несложного и безопасного управления.

Кто-то перестроил ванну с целью — ПОПЫТАТЬСЯ ЕГО УБИТЬ.

* * *

Он наблюдал за Вени-сити. Вернее сказать, сторожил Вени-сити, столицу Венеры. Обозреваемая из его квартиры местность походила на лунный кратер. В центре расположилась гигантская бетонная площадка ракетодрома. К границам размеры зданий постепенно увеличивались; на одной трети расстояния от центра они достигали максимальной высоты; затем уменьшались до одно-двухэтажных строений, небольшими пятнышками прячущихся в леске, примыкающем к ракетодрому.

Пять миллионов жителей, а в ближайшие десять лет их количество, несомненно, увеличится до семи миллионов! Довольно большая столица, даже для Земли. Но зачем Венеру сравнивать с родной планетой? Венера заселялась иначе. Вновь прибывающие сюда сразу начинали жить в городах и только позднее осмеливались двигаться в дикие пустыни. Большая часть Венеры была уже цивилизована и выглядела вполне современно, но ее не стоило называть копией Земли.

За спиной замерцал экран.

— Тадеус Жэдивер, инженер-консультант?

Он обернулся.

— Совершенно верно. Чем могу быть полезен?

Человек на экране медленно закрыл глаз и вновь открыл его.

— Викон Бёрлингэм... Я произвожу некоторые эксперименты, и как раз наступил момент, когда мне понадобилась техническая консультация.

— Сумею ли я вам помочь?... До сегодняшнего утра я находился в госпитале... Думаю, что еще нуждаюсь в проверке.

— Я интересовался вами во время вашего отсутствия: думаю, что работа не окажется трудной. Надеюсь, вы найдете возможность приехать, и мы все обсудим.

— Что же, постараюсь вам помочь.

— Ну и прекрасно.

Викон Бёрлингэм дал ему адрес и исчез с экрана.

Жэдивер медленно оделся. Он был еще слаб, но сверх ожидания чувствовал себя лучше. Перед уходом Жэдивер проверил почту. Несколько вызовов на прошлой неделе, ничего особенного: повседневная мелочь, рутина; он дал роботу обычные инструкции.

Его контора, расположенная в цокольном этаже огромного здания на главной улице, занимала пространство, достаточное, чтобы клиент мог сесть, если он сюда приходил. Но и такая, крошечная, она обходилась ему недешево: доходов от дел, которыми он занимался, едва хватало на плату за помещение.

Имелось и преимущество, из-за которого стоило ее держать. До той поры, пока у него был деловой адрес, он мог избегать затруднений, связанных с легальностью существования...

Пятью минутами позже он был уже у Викона Бёрлингэма.

Несколько секунд Бёрлингэм молча его изучал.

— Вы устали, — сказал он наконец. — Небольшая порция Солнца помогла бы вам отдохнуть.

— Возможно, — согласился Жэдивер. — Эта туманная Венера...

Бёрлингэм указал на смежную комнату.

— Лампа там, внутри.

Жэдивер вошел и стал раздеваться. Откуда-то появился маленький человечек и молча на него уставился. Без лишних слов Жэдивер стал против солнечной машины. Пока малыш методически осматривал его тело, одежда исчезла.

Наконец малыш подошел к концу.

— Чист? — спросил Жэдивер.

— Чист, как атмосфера Луны. Мы боялись, что во время пребывания в госпитале они сыграют с вами какуюнибудь шутку, и решили на всякий случай проверить...

Впервые Жэдивер почувствовал облегчение.

— Спасибо, Коббер.

Дружески улыбаясь, вошел Бёрлингэм.

— Ну теперь можно поговорить.

За ним появились еще трое. Мужчин этих Жэдивер до сих пор никогда не видел. Он попытался выяснить — где его одежда.

— Сохранится в полном порядке, — пообещал Бёрлингэм и тут же перешел к другой теме. — Полиция усвоила все остроумные фокусы нашего времени. Но только мы им не даемся в руки: действуем осторожно и систематически.

Конечно же, они должны были осматривать его так долго, слишком велика была для них опасность. Бёрлингэм — хороший парень, но он — истинное дитя своего времени.

В дверях показалось лицо женщины, похожей на уличного гамэна, затем в комнату просунулась рука с одеждой и помахала ею.

— Вот. Тут ничего не оказалось.

Она обескураженно вздохнула.

Жэдивер принялся одеваться. Женщина шмыгнула носом и исчезла. Но через некоторое время, когда Жэдивер уже привел себя в порядок, вернулась с едой.

Сели за стол.

— Нам нужны лица, — начал Бёрлингэм, сидящий против него. — Пять лиц...

Жэдивер осмотрелся, за столом сидели шестеро.

— Говоря профессионально, это — вовсе не мое дело, но кого я должен исключить?

— Коббера. У нас с ним связаны другие планы.

Не такая уж блестящая идея — проявлять любопытство. Он знал человеческий материал, с которым придется экспериментировать, но не в его правилах было оставаться в неведении. Он постучал по стакану.

— Какой же сорт лиц? С мягким выражением? С сумрачным? С пустым? Или что-либо еще?

— Светские лица, — ответил Бёрлингэм. — Эмили хочется носить платье с низким вырезом. Остальные наши друзья также нуждаются в лицах подобного рода.

— В самом деле мне нравится низкий вырез, — подтвердила женщина, извиваясь при каждом слове точно змея.

— Свет, — мечтательно вздохнул Жэдивер. — Я всегда считал, что самое лучшее — грабить богатых... Как Робин Гуд.

— Конечно, — кивнул Бёрлингэм.

Жэдивер отошел от стола.

— Я не нуждаюсь в специальной информации, но все же — как вы организовали грабежи последних дней?

Бёрлингэм взглянул на него хитровато.

— Интересуешься?

Жэдивер кивнул:

— Личная причуда... Видите ли, то, что касается меня, всегда меня интересует.

— Это азбука нашего дела, — сказал Бёрлингэм. — Нельзя трогать банки или другие финансовые организации. Слишком много стражей, роботов — всего, чего хочешь. Чтобы преодолеть сложное оборудование, нужно быть специалистом — и иметь еще кого-то, кто смог бы проделать вместе с тобой эту работенку.

Жэдивер пожал плечами.

— Ну, а кто делает большие денежки? Богачи, и, разумеется, они хотят демонстрировать свою мощь всюду. Конечно, они принимают меры предосторожности, но люди остаются людьми, они попадают на мелочах, и в этом их слабость. Можно собрать машину, которая замечательно проделывает одну какую-нибудь операцию, но людям свойственны ошибки — они шумят. Преимущества дает совместная работа. Ложная атака здесь, блок там, и еще до того, как кто либо разберется, что же произошло, — мы прорываем оборону и захватываем их денежки, черт побери!

Жэдивер взглянул на его раздумывавшееся респектабельное лицо.

— Вы когда-нибудь играли в футбол?

Бёрлингэм ухмыльнулся.

— Двадцать лет назад.

— С тех пор он очень изменился. Нынче вы его не узнаете.

— Возможно. Но главное осталось — игра ради денег.

Жэдивер встал.

- Приступим к делу. Где я буду работать?
- Здесь. Инструмент готов.
- Могу я взглянуть на комплект?
- Пройдите.

Женщина, похожая на подростка, провела его в мастерскую, скрытую в углу одной из самых больших комнат. Набор инструментов оказался достаточно полным, чтобы работать с относительным комфортом. Несколько незаконченных фигур роботов, справочники воровских наметок, две — три головы роботов в различной стадии завершения и ассортимент специальных орудий опасного ремесла — все было на месте. Обычный стандартный набор для воришки, использующего в качестве маскировки оболочку роботов. Бёрлингэм постарался посвятить его в каждую деталь.

Жэдивер внимательно все осмотрел, женщина равнодушно стояла рядом. Потом она улыбнулась.

- Я впервые увижу вас в деле.

Он взглянул на нее с удивлением.

- К чему торопиться?

— Для меня это слишком много значит... Если вы не утомлены... Я стану одним из лучших образцов вашей работы...

- Дайте-ка взглянуть на пластик.

Она открыла кабинет.

Жэдивер присел на корточки и прочитал инструкции на контейнерах. Разочарованно качая головой, встал.

- Вам всучили наихудший сорт.

Женщина вздрогнула.

- Мне сказали, что это самое лучшее...

— В продаже имеется два сорта, и внешне ваш выглядит более подходящим. Разумеется, со временем и этот сорт пластика станет частью вашего тела, псевдокожей. Просто работать с ним — опаснее.

Скинув пиджак, Жэдивер надел спецовку.

— Попросите Бёрлингэма войти.

— Зачем?

— Ну... Положение достаточно щекотливое...

Женщина, похожая на уличного мальчишку, усмехнулась.

— Никогда я не интересовалась Виконом до такой степени; он знает, что я забочусь о себе.

Она зашла за экран и через минуту вышла обнаженная.

— Где вы хотите меня поставить?

— На подставку, ближе к свету.

Взглянув внимательно, Жэдивер подумал, что она похожа на маленькую девочку, утомленную маленькую девочку, которая давно уже вволю не высыпалась. Развязное выражение лица было обманчиво: оно дурачило его; особенно смешно выглядел вздернутый носик. Лицо не было юным, он дал бы ей лет сорок, может быть, больше, возможно, ей столько же, сколько и Бёрлингэму.

Тело ее выглядело хрупким, хотя и здесь можно было ошибиться. То тут, то там темнели маленькие морщинки, но вообще фигура казалась юной. Требовалось все его искусство, чтобы сделать ее эффектной в низко вырезанном платье — такой, как ей мечталось. Ноги, хотя и красивой формы, слегка кривились — верный признак венерианского рахита — результат того, что пер-

вые поселенцы не смогли разобраться в составе почвы Венеры, не содержащей некоторых жизненно важных элементов.

Если она хотела блистать в обществе, ей следовало выпрямить ноги. Изменить форму костей было сверх его сил, но он мог добавить побольше искусственной плоти, чтобы достичь того же эффекта.

Надев маску, Жэдивер потрогал сосуды, всунул руку в похожее на перчатку приспособление и начал работать.

Струя заставила затрепетать ее тело и вынудила потверже держаться на ногах, она непроизвольно сморщилась от боли. Набросав вчерне контуры, которые следовало изменить, он стал заполнять их рисунок.

— Не могу смотреть, — сказала Эмили. — Я знаю, вы — отличный специалист, потому Бёрлингэм и выбрал вас, но мне кажется, то, что я хочу, — вам не под силу.

Вдоль края ее голени он направил струю по прямой линии вверх.

— Оценка таланта — зависит от точки зрения. Ну и от шахт и иных мест, где мне приходилось работать.

— Где, например?

— Преимущественно — на Земле.

— Я никогда не жила там, — сказала она печально.

— Вы не много потеряли.

Какой то частью разума он верил в то, что сказал, но по существу он лгал. Пока струя высушивала ноги, Жэдивер стал заполнять грудь.

— Как вы знаете, в наши дни инженеры специализируются. Возьмите индустриальные бюро. Обычно мы не занимаемся внутренними механизмами машин, хотя

способны и на это. Как правило, большей частью конструируем только кожухи роботов.

Он добрался до лица и мимоходом придал вздернутому носику классически прямую форму.

— Идеальный внешний вид машины подчеркивает ее внутренние достоинства. Его достигаешь при наиболее эффективном распределении пустот и материала.

Отступив назад, он полюбовался общим видом.

Она прошла по комнате.

— Человеческое тело — только эскиз. Его форму нельзя придавать роботу. По многим причинам. Робот должен выглядеть как приземистый контейнер на трех колесах со смотровыми трубками и волосиками антенн на макушке. Я спроектировал один. Это было мое самое любимое детище. Не знаю, был ли он смонтирован. Обычно роботы выглядят, как красивые девушки или симпатичные юноши, но механизм ведь неуклюж, он и не должен быть иным.

Искоса он посмотрел на струю.

— Короче говоря, я проектировал тела и лица роботов. Что же странного в том, что я могу делать то же самое с людьми?

Пульверизатор работал не жидкостью, а пылеобразной струёй. Женщина дрожала под ее ударами.

— Почему вам не нравятся роботы? Я не вижу в них ничего дурного. Они такие красивые.

Он рассмеялся.

— Я устал от бессмысленного совершенствования тел, которые потом выбрасывались... Почему бы телам и не быть прекрасными, учитывая то, с каким настроением они создавались?.. Как бы там ни было, я всегда кладу

какой-нибудь прыщик на модель: не на лицо, на плечо, к примеру...

Она протянула к нему руки, и свистящим движением пульверизатора он смыл морщинки с ее тела.

— Земля... С вами там что-то случилось?

— Я вынужден был искать другую работу.

— Потому вы и прилетели на Венеру?

— Со временем я решил на это. Мне казалось, что где-нибудь во Вселенной должно найтись место для проектировщика, даже если он раньше имел дело с земными роботами.

Жэдивер криво усмехнулся.

— Первой моей работой в здешних краях была проектировка женских тел для так называемых общественных клубов.

— Ах, этих... — протянула она насмешливо.

— Они узаконены на Венере. Сперва я пытался избежать подобной деятельности. Завсегдатаи ночных клубов не очень-то их долюбливают. Говорят, они хотят каждый раз иметь дело со все более порочными женщинами. Когда же они имеют дело с роботами... Ну, вы понимаете...

— Не презирайте их.

Трезвый тон Эмили подействовал на него отрезвляюще. Внезапно она посмотрела на него с подозрением.

— Не делайте мне прыщики...

— Ни одного, — успокоил он ее. — Вы у меня будете без изъянчика.

И действительно, она выглядела совершенством. Но лишь с одним упущением. Всунув пальцы в контроль-

ную перчатку, он сбрызнул ее соски. Теперь работу можно было считать оконченной.

Сбросив маску, Жэдивер отложил в сторону пульверизатор.

— Взгляните на себя.

Она подошла к зеркалу и стала перед ним вертеться, потом провела руками по лицу и с удовольствием улыбнулась.

— Ощущаешь как настоящее тело.

— Это и есть ваша новая плоть. Навсегда. Завтра, если вы порежетесь, потечет кровь...

Она удовлетворенно кивнула.

— Все?

— По инструкции — да.

Взглянув на него с неожиданной застенчивостью, она скользнула в свою одежду. Пока она не стала прекрасна, она не замечала своей наготы. Но она не знала, что нравилась Жэдиверу еще сильнее, когда стояла перед ним такой обезоруживающе беззащитной в своей увядающей красоте.

Одевшись, она повернулась к нему.

— Что это за инструкция?

Он вынул два конверта. Закрепил пульверизатор в определенном положении, показывающем, сколько раз он им пользовался. Начал объяснять.

— Псевдоплоть страшно ядовита.

Он передал ей конверты.

— Таблетки в белой упаковке нейтрализуют токсичность. Принимайте по одной через 8 часов. И не забывайте о них, если не хотите проститься с жизнью в конвульсиях на полу.

— Буду помнить. Когда начинать?

— В три часа. А теперь — несколько советов, которые, я знаю, вам бы не хотелось от меня услышать. Вы должны беречь себя, словно вам всего два месяца. Вы станете еще здоровее, когда окончательно срастетесь со своей псевдоплотью. Запомните.

Она долго рассматривала лицо, отраженное в зеркале.

— И как скоро это произойдет?

— Когда вы почувствуете себя совсем хорошо, начните принимать таблетки в зеленой упаковке — через каждый час по одной до тех пор, пока «псевдо» не приживется окончательно.

— И сколько времени я буду... такая?

— Не скажу определенно. Тут важны соотношения псевдоплоти с некоторыми другими факторами, о которых никто не знает ничего определенного. Думаю, за каждые две недели молодости вы расплатитесь тремя годами жизни.

— Хуже, чем я думала, — вздохнула она, снова бросая взгляд на зеркало. Затем в нерешительности повернулась.

— Я всегда знала: Бёрлингэм — мой, даже тогда, когда я не была красива... Сейчас я не уверена в этом...

Нет, человек, с которым она имела дело, не должен быть Бёрлингэмом, — подумал Жэдивер. На время сверх ожидания она стала красавицей, Но ирония судьбы заключалась в том, что почти каждый робот затмевал ее временную красоту. Она ревновала к машинам, которые даже не сознавали, как они выглядят.

С остальными четверья, даже с Бёрлингэмом, было проще. Но к концу дня Жэдивер сильно устал.

Он еще не вполне пришел в себя после болезни. И его искусственная кожа, что бы они там ни говорили, не срослась еще целиком с телом. Она чесалась.

— Соблюдайте инструкции, — сказал он и вышел.

Теперь после проверки Коббера, когда ему сказали, что никакие чертовы шпионские приспособления не вживлены в него хирургическим путем, следовало поразмыслить о происшедшем.

Вскоре Жэдивер входил в свою квартиру. Кресло развернулось и поспешило ему навстречу. Погрузившись в его глубокие объятия, он потребовал еду. Насытившись, слегка вздремнул. А когда проснулся, значительно посвежевший, понял, что откладывать мысли о случившемся с ним больше нельзя. Весьма внушительный гонорар от Бёрлингэма вселял уверенность в завтрашнем дне. Теперь экономических проблем для него не существовало почти на целый месяц.

Возможно — кто-то пытался его убить и потерпел неудачу. Если так — он не прибегнет к помощи полиции, а найдет и расправится с врагом сам. Впрочем, расследование можно было начать тотчас.

Пройдя к автомат-ванне, он стал ее осматривать. Нет, это была уже не та, испортившаяся. Ее сияли и заменили. А помочь добраться до истины могло только исследование истинной виновницы его мук.

Новая автомат-ванна во всем походила на старую: не-большой комплект предметов, выглядевший довольно декоративно в комнатной планировке: не настолько высокий, чтобы в нем мог поместиться стоящий муж-

чина, и недостаточно длинный, чтобы можно было лечь и вытянуться. Механизм был опечатан. Атомный запал совершенно исключал возможность проникнуть внутрь.

Жэдивер осмотрел механизм снаружи и не нашел ничего подозрительного. В ответ на человеческий голос все выполнялось с автоматической четкостью.

Следовало все-таки разобраться в случившемся.

...Отвечал обычный красавчик-робот:

— Предназначен для жилых комнат. Инкорпорейтед. Чем могу служить?

— Прошу информацию, — сказал он, — о комплекте ванны-автомата.

— Цель? Покупка новой или замена старой?

— Мне нужно узнать подробнее о ремонте.

— У нас нет специального ремонтного отдела — еще никогда ничто не приходило в негодность.

— Возможно. Но моя нуждается в замене.

— Испорченные части — результат износа. Так как у нас никогда ничто не изнашивается, то нет необходимости и в замене. Изредка автомат-ваннам причиняется ущерб, но тогда они перестают работать совсем, даже если ущерб — незначителен. Их надо заменять.

Как раз то, что он и предполагал. Но следовало убедиться окончательно.

— Произошло нечто подобное, — неопределенным тоном сказал Жэдивер. — Предположим, неприятный инцидент с автомат-ванной. Есть ли у нее сигнальная система, которая указывает, что где-то что-то неисправно?

Робот, как и полагалось, оставался невозмутимо уравновешенным.

— Вопрос указывает на то, что вы находитесь в заблуждении. В соответствии с нашей статистикой, в восьмиста сорока миллионах установок на всех обитаемых планетах Солнечной системы еще никогда не случалось поломок. Автомат-ванна снабжена небольшим атомным двигателем и никаким образом не связана с внешними источниками энергии. Правда, есть соединения с водопроводной системой, но они не пригодны для передачи сигналов. Отвечаю на ваш вопрос в более узком смысле — нет никакой сигнальной системы тревоги, местной или общей, ни какого-либо иного приспособления для связи с внешним миром.

— Спасибо.

Жэдивер выключил экран.

Не замешана ли тут полиция? В госпитале он почти уверился, что это — дело их рук. Теперь же факты как будто свидетельствовали о противном.

К нему вновь вернулась усталость, на этот раз увеличенная сомнениями. Чесалась кожа, — возможно, от нервного напряжения. Наконец он забылся в тяжелом сне, и то лишь после того, как принял снотворное.

Утром зуд не прекратился. С удивлением рассматривал он свою кожу: еще вчера она казалась совершенно нормальной. Правда, он только мельком всего один раз видел кожу в ее естественном виде — когда доктор показывала кончики его пальцев.

Вспоминая об этом, он слегка удивился. В самом ли деле чесалась эта скверна, или то был просто бессознательный предлог, чтобы снова повидать милого доктора?

Она выглядела довольно замкнутым и безразличным человеком, но, безусловно, стоило увидеться с ней снова. Он не знал ее имени, но мог разыскать ее без труда.

И словно в ответ на немой вопрос все его тело яростно содрогнулось. Он запустил пальцы в предплечье и сломал ноготь. Видимо, она была права в своих предположениях: кожа действительно стала прочнее, чем положено, хотя и ничем не отличалась от обычной.

Черт подери полицию! Но не имея иного выбора, он включил экран и навел справки.

Нужное имя звучало по-будничному просто — доктор Думья Филоне. В настоящий момент она находилась на дежурстве. Разумеется, при крайней необходимости... Чувствуя, как по его коже бегают мурашки, он решил, что данный случай именно таков, и назвал себя.

Он не помнил, на кого она похожа, до ее появления на экране. Теперь он сумел схватить и общее выражение, и отдельные черты лица.

— Как поживаете, пациент?

За показным оживлением чувствовалось какое-то непонятное беспокойство.

— Заберите обратно вашу кожу, — ответил Жэдивер, — она зудит и чешется.

Женщина нахмурилась.

— Я говорила вам — это новинка. Мы еще не в состоянии предугадать все реакции.

Она помолчала.

— Разумеется, кожа не должна чесаться. Ей пора уже как следует расстаться с вашим телом.

— Благодарю, — заметил он сухо. — Но все это не объясняет мое плохое самочувствие.

Без тени смущения она глянула вниз, очевидно, на какой-то аппарат; он мог только представить его себе, но не увидеть. Встав, женщина вышла из поля зрения. Отсутствовала она довольно продолжительное время. Беспокойные мысли зароились в голове Жэдивера. Пошла ли она кого-нибудь позвать или получить инструкции?

Она возвратилась.

— Попробуйте дезинфицирующее средство. Не имеет значения — какое. Примите горячую ванну, добавив туда немного мыла. Пробудьте в ней минут пятнадцать.

Предписания звучали крайне примитивно. Действительно ли она считала их эффективными или что-то утаивала от него?

— Думаете, я снова доверюсь тому механизму? Ошибаетесь. Я достал для себя маленькую эмалированную ванну. Вынужден был украсть ее из музея...

— Представляю, как вы себя чувствуете. Но следует быть более мужественным.

Она явно о чем-то умалчивала, конечно, если его предположения верны.

— Я уже чувствую себя лучше.

Она кивнула.

— Примите сейчас ванну и сообщите мне завтра, если она не подействует. Конечно, если вы еще будете во мне нуждаться.

И она прервала связь до того, как он ей ответил.

Жэдивер надеялся, что в добавление к медицинским советам Филоне о чем-нибудь проболтается. Надежды не оправдались. И все же он почти не сомневался, что это дело рук полиции.

Отойдя от экрана, он включил ванну-автомат, снял одежду и вошел внутрь. Ванна наполнилась водой, и механизм погрузил его тело. Густая мыльная пена вздымалась вокруг, а теплая вода ласкала кожу. Рычаги автомата массировали мягко, нежно и умело.

Жэдивер попытался не думать о неприятном происшествии, но это оказалось невозможным. Единственная успокаивающая мысль заключалась в том, что его смерть не была чьей-то целью:

Он поправил себя — непосредственной целью.

Как бы то ни было, он спасся и находился под квалифицированным медицинским наблюдением. Насколько спасение эффективно — неизвестно, быть может, оно с самого начала включалось в план. Если так, в автомат-ванне, по-видимому, установили особый сигнал, который указал, что он в бессознательном состоянии.

— Пятнадцать минут и десять секунд, — произнесла автомат-ванна. — Хотите еще?

Лежа на спине, он поджал ноги и вытянул руки, пока чистая вода мягко струилась по телу. Несмотря на его скептицизм, примитивные предписания Думьи Филоне сыграли свою роль. Почесывание совершенно прекратилось, правда, теперь кожа покрылась пятнами. Ни шрамов, ни рубцов на ней нельзя было обнаружить — госпиталь и Думья выполнили свое дело превосходно.

Критически изучал он новую кожу. Никаких пометок на ней. Но что это? Метки виднелись внутри нее. Насколько слабые, что казались почти невидимыми, и все же это было доказательством чьей-то злой воли.

Отметинки постепенно становились все заметней: они походили на едва видимую паутинку, разбросанную глубоко в теле.

Автомат-ванна поставила его на ноги, и он остановился у зеркала. Нет, он не ошибался — сетка заткала все тело: руки, ноги, даже лицо; возможно, она притаилась и в коже на голове: он не мог увидеть.

Кожа на небольшую глубину казалась полупрозрачной.

Его не беспокоило уродство. Останься такое состояние даже на долгое время, оно было недостаточно заметно, чтобы стать жизненной помехой. Но что это такое? Не периферическая нервная система, не капилляры кровеносных сосудов. Рисунок сплетал линии в совершенно правильную, почти математическую форму.

Он заметил, что полупрозрачность постепенно исчезла и кожа вернулась к своему нормальному состоянию. Исчезли и метки.

Жэдивер наполовину оделся, пока полностью не осознал, что с ним произошло. Он вдруг понял, что из себя представляет сетка под его кожей.

Схема.

Печатная радиосхема, которую обманным путем вживили, вратили в его новую плоть, возможно — вытатуировали.

Печатная схема. Как и для чего ее используют? Для того, чтобы собирать какие-то данные, передавать их по радио, контролировать мысли? В нем находился контролер — пассивный, ожидающий своего часа. Разумеется, все это выглядело невероятным. Но в самой воз-

возможности принимать и передавать чужие мысли не заключалось ничего невозможного.

В чем же суть дела? Сбор каких-то данных и передача их по радио. В этом он почти уверился. Мысли каким то способом воспринимались от его центральной нервной системы. Все сильнее крепло подозрение, что передачи принимали в полиции.

Как печатная радиосхема в организме умела собирать мысли — оставалось непонятным. Метки располагались параллельно основным нервным стволам. Казалось естественным, что сбор информации совершается с помощью индукции.

Это означало, что устройство воспринимало преимущественно осязательные чувства. Разумеется, существовали и иные факторы, пока еще неизвестные.

Он попытался ощутить свой лоб, виски и кожу черепа над ушами. И ничего не почувствовал. Это ничего не означало. Ведь отверстия бесконечно малой величины могли быть просверлены в его черепе и соединены с концами зрительных и слуховых нервов.

Операцию проделали так, что он не знал и не чувствовал ничего. Передающая печатная радиосхема могла пронизать всю голову или каждую часть тела.

Если его предположения правильны — он стал живой разгуливающей радиопередаточной станцией. Все, что он чувствовал, видел или слышал, передавалось центральному механизму особыми сигналами.

Полиция! Конечно же, это дело ее рук!

Коббер пытался разыскать шпионский механизм в теле Жэдивера. И не смог его найти; но он там, он все же там. Разве только во время вскрытия с ним столк-

нется хирург, и то только в случае, если будет знать, что он найдет.

То, что Жэдивер оказался в состоянии сам открыть секрет, — чистая случайность. Ясно, что полиция не столь совершенна, как ей бы хотелось. Механизм действовал с неполадками, и он почувствовал это как раз в тот момент, когда ощутил свою кожу. Ему помог тогда зуд. Не будь его, он ничего бы не обнаружил.

Напряжение росло. Он знал теперь, что предал Берлингэма, не ведая сам, что творит, — но то было несомненно предательство. Происшедшее не казалось ему только вопросом этики; от него зависело — как долго еще ему осталось жить. Членам банды Жэдивера, если кто-либо из них уцелел, могла прийти в голову мысль, что кто-то был ответственен за провал.

Эта проклятая штука находилась с ним повсюду, где бы он ни был.

Бодрствует ли она, когда он спит? Впрочем, не столь уж это важно.

Он должен попытаться предостеречь Берлингэма.

Берлингэм не отзывался. По видимому, попытка найти его бесполезна — он умел ловко исчезать от ищеек. На сей счет он слыл мастаком: полиции не удавалось изловить его вот уже двадцать лет.

Имелся еще Коббер. Где он мог находиться? Да повсюду. Мог ожидать свидания с Берлингэмом в то время, как последний, вернувшись с очередного «дела», прятался: должно было пройти некоторое время, прежде чем их лица и фигуры принимали обычный вид. Вряд ли он занимался локацией...

Единственный пункт, где Берлингэм мог оказаться, с некоторой степенью вероятности, по мнению Жэдивера, был местом очередного грабежа. Жэдивер подошел к экрану новостей и провел напряженные полчаса. Из огромного числа сообщений он выделил два, достойных внимания. Он решил предупредить дальнейшие события: большего для Берлингэма он сделать не мог.

Дверь, перед которой он вскоре очутился, не была дверью в обычном смысле слова. То было специальное объемное зеркало, трижды пространственное, своего рода стереотелеэкран. Отличие от подлинной жизни казалось столь незаметным, что почти не ощущалось глазом.

Игнорируя зеркало, он нажал на особую секцию в стене. Стена исчезла, и робот слуга в умопомрачительной черно-белой ливрее уставился на него со сдержанным высокомерием.

— Ваше приглашение, сэр.

— Что? — переспросил он, представляясь подвыпившим гулякой.

— Ваше приглашение, сэр.

Голос стал громче, а выражение сдержанного высокомерия усилилось. Переспроси он еще раз, робот выбросит его вон и закроет дверь. Ювелирно тонко собранный и нечеловечески сильный, он был куском простейшего поведения и не мог действовать эффективно в необычных ситуациях.

Знаний Жэдивера о роботах вполне хватило, чтобы в несколько секунд составить суждение о модели, находящейся перед ним. Визитная карточка выпала из его рук на пол. Робот наклонился, чтобы поднять ее. Тогда

Жэдивер с силой бросил длинную тонкую вилку с двумя острыми зубцами; она глубоко вонзилась в шею робота. Действуя ею как зондом, он легко разыскал в схеме нужное место. Робот так и остался перевернутым и недвижимым на полу.

Жэдивер забрался к нему в карманы, достал все приглашения, просмотрел их, нашел то, которое ему требовалось, а остальные положил обратно. Отступив, он вынул двузубцовую вилку, и робот поднялся.

— Вы что-то уронили, сэр, — сказал он, подавая ему карточку с пола.

— Это ерунда, — сказал Жэдивер, забирая ее. Затем он достал приглашение, которое только что стащил.

Робот схватил билет и, казалось, на мгновение потерял способность поймать изображение в фокус своей зрительной установки. Он пытался исследовать отметки, невидимые человеческому глазу. Затем дрожащей рукой провел по лбу.

— Не приходили ли вы сюда полчаса тому назад? — спросил он с волнением.

— Чепуха, — раздраженно сказал Жэдивер. — Правильно ли вы воспринимаете события? В порядке ли ваше чувство ощущения реальности?

— Должно быть, я ошибся, — проямлил робот и слегка покачнулся.

Через двадцать минут он погибнет, самоуничтожит себя: роботы не имели права ошибаться. Он нажал кнопку, и стена за ним заколебалась. Жэдивер прошел, стена вернулась на прежнее место.

Внутри он огляделся. Обычное показное великолепие, даже более чем обычное. Роскошь, производящая

впечатление на того, кто хотел, чтобы на него оно было произведено. Он этого не хотел.

Ему нужно было разыскать Бёрлингэма или Эмили.

Лица, созданные им для трех остальных, выглядели не хуже, но он сделал их очаровательными ничтожествами и теперь сомневался — узнает ли среди многих, подобных им.

Он подумал, что на расстоянии видит Эмили, и направился к ней сквозь толпу гостей. Но подойдя ближе, увидел, что ошибся — тело девушки не было создано с помощью его «пулеметной струи».

Бёрлингэм, конечно, занимался драгоценностями, которые он обычно осторожно снимал с двух-трех наиболее богатых гостей. Его интересовала и валюта — нечто могущее стать предметом немедленного употребления. В последнее время он нуждался в деньгах, чтобы на время исчезнуть с горизонта.

Время ощущалось как короткие толчки сердца. А мысли почему-то возвращались к короткому слову, как-то связанному с Бёрлингэмом — к единственному слову, которое он словно услышал произнесенным шепотом, будто тихо проскандированное — «Полиция».

Жэдивер не имел оружия и помочь Бёрлингэму мог одним — предостеречь его. До последнего времени он рассчитывал только на силу своего ума и нелегальность. Ему были хорошо известны пути, как скрыться под искусственной маской. Но до сих пор то был бизнес людей, плативших ему.

Теперь — другое дело. Полиция держала его под прицелом. Как много они знали — пока неизвестно. Его могли видеть техники, сидящие перед телевизионными

экранами, они могли видеть и то, что видел Жэдивер. Разумеется, то было лишь одно из рабочих предположений, так как в действительности он не знал, как работает схема в его коже. И до тех пор, пока он не разберется, он мог лишь строить догадки и — делать грубые ошибки.

Он направился на балкон, наполовину окружающий просторную высокую комнату. Не зная внутренней планировки дома и привычек его обитателей, он мог рассчитывать, что они хранили деньги на ежедневные расходы — суммы иногда очень значительные — в какой-нибудь из комнат, недоступных гостям.

На балконе стояли несколько человек... Он принялся разглядывать гостей. Все еще никакого сигнала от Бёрлингэма или от кого-либо из его шайки.

Жэдивер работал хорошо: их невозможно было узнать в этой толпе.

Вдруг ярче вспыхнули лампы. Словно по волшебству удивительно похожие люди враз появились у каждого входа.

— Внимание! — прозвучал громкий голос. — Пожалуйста, станьте в один ряд. Среди вас находятся преступники, мы должны их обнаружить.

Остальное Жэдивер не слышал. Его взгляд устремился на одинаковых мужчин. Милосердное небо! Они были вооружены спаренными автоматами последней марки: самое лучшее, на что он мог рассчитывать. Значит, Бёрлингэм и его люди, быть может, останутся в живых. Конечно, неизвестно, что с ними произойдет позже. Но, по крайней мере, они останутся живы. Спаренный автомат был наиболее эффективным и наименее

смертоносным оружием из всех когда-либо придуманных людьми. Собственно говоря, он не попадал непосредственно в цель. Достаточно было, чтобы пуля пролетела поблизости. Жэдивер глубоко вздохнул. Никто не будет убит по его вине. Тем не менее по коже пробежали мурашки. Он глянул вниз на гостей, выстроившихся в шеренгу. Они, как и он, знали, что такое спаренные автоматы.

Внезапно какой-то человек выскочил из строя и побежал к одному из выходов. Чтобы пройти, он оттолкнул офицера и полисмена. Щелкнул выстрел. Убегавший упал, сраженный стремительным ударом. Автомат трижды выпустил очередь по лежащему на полу: по рукам, лицу и ногам. Он стрелял пластик-пулями: пластик этот был парадоксален. Он превращался в проволокоподобные нити для стрельбы по движущимся объектам. И чем быстрее мчалась цель, тем плотнее они оборачивались вокруг нее. Жертве оставалось лишь терять силы. Убежать она не могла: по крайней мере, никому еще это не удавалось.

Жэдивер наблюдал за человеком, лежащим на полу. Насколько он мог определить, это был не Бёрлингэм. Главаря еще не схватили, но, по-видимому, ему уже недолго оставалось наслаждаться свободой. Его теория о безопасной работе оказалась несостоятельной: притворство — здесь, блокировка — там, и все они оказались в руках полиции Вени-сити. Но засада могла произойти и благодаря Жэдиверу! Это ужасно...

Затем Жэдивер увидел их. Они двигались как одно целое: Бёрлингэм, Эмили и двое других. Они пробили путь сквозь целую толпу гостей, словно летящий клин,

подобно их отдаленным предкам. Во главе шел Бёрлингэм со спаренным автоматом в руках. Гости отпрянули назад, и даже полисмены не выдержали.

Нелегко открывать огонь по толпе, сквозь которую пробивался Бёрлингэм со своей шайкой. Спаренные автоматы — не лучшее оружие в подобных случаях.

Ими нельзя было воспользоваться, но Жэдивер еще на что-то надеялся. Они уже стояли перед толпой. Свободу от них отделял тонкий полицейский кордон. За ним находилась садовая зона, где росли вьющиеся растения выше человеческого роста и густой кустарник. Сразу за этой зоной — два выхода, ведущие на улицу.

С балкона Жэдивер ясно видел — достигни они выходов, появится возможность бежать.

Бандиты пробились сквозь кордон. Конечно, вряд ли они справились бы с превосходящими силами противника в честном поединке. Но имелся иной путь, которым воспользовался Бёрлингэм: он расколол полицию. Группа скользнула в заросли и появилась на другой стороне. На секунду показалось, что они почти в безопасности.

Но выходные двери открылись еще до того, как их достигли. За ними в засаде стояло множество полицейских. Бёрлингэм отступил, лицо его омрачилось, а извивающиеся нити уже обхватили его горло. Двое остальных остановились сразу же, как только полицейские стали стрелять по их ногам.

Не растерялась одна Эмили. Удобно облегающая одежда позволяла двигаться быстро. Она избежала очереди автоматов, но попала прямо в руки здоровяка-

офицера. Он рассмеялся и сграбастал ее, как будто она была роботом. Тогда она ударила его по лицу.

Он выругался и быстро оглянулся. Гости ничего не видели. Тогда он обхватил женщину так, что у нее перехватило дыхание, и выстрелил ей в рот.

Чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота, Жэдивер подумал, что был неправ, недооценивая спаренные автоматы: они способны убивать, если их обладатели достаточно умелы и жестоки.

Никогда теперь Эмили не потеряет свою хорошенькую мордашку и стройную фигуру. Она сохранит их до смерти, которая не замедлит наступить.

Жэдивер закрыл глаза. Эмили умирала, и никто не мог ей помочь.

А ему самому?.. Когда они начнут его разыскивать? Должно быть, им точно известно, где он находится. Он ждал, пристально изучая погоны на плечах полицейского и затвор его спаренного автомата.

Снова ярко зажглись лампочки, и тот же грубый голос произнес:

— Опасность ликвидирована. Благодарим за помощь полицейские силы Вени-сити. Теперь вы в безопасности.

Никто к нему не подходил. Очевидно, он еще не требовался полиции — несомненно, они рассчитывали на большее.

Жэдивер спустился по лестнице и смешался со взбужденными гостями. Состоялось любопытное представление, доставившее многим удовольствие, особенно потому, что они в нем не участвовали непосредственно. Он двигался среди болтающих мужчин и женщин, пока

не подошел к зеленой зоне. Улучив благоприятный момент, скользнул в кустарник...

Над головой сомкнулись миниатюрные джунгли: он мог не бояться обычной слежки, пока оставался там. Медленно шел Жэдивер сквозь заросли. Перед ним маячила широкая спина полисмена.

Как уже известно, инженер Жэдивер считался специалистом по устройству тел и лиц роботов, которые во всем должны были походить на живые существа. Он разбирался в анатомии, конечно, не так, как врач, не достаточно глубоко и квалифицированно. Сейчас следовало действовать решительно: и полицейский беззвучно упал вниз головой.

Втащив потерявшего сознание человека в заросли, он прислушался. Никто ничего не заметил. Здоровяк-полисмен, возможно, был тот самый, который стрелял в Эмили, а мог быть и другим. При нем находился спаренный автомат, важная штука, Жэдивер забрал его и заодно опустошил карманы полицейской амуниции.

Коленом он нажал на тело, почувствовал, как грудная клетка медленно, но равномерно поднималась и опускалась: затем снова нажал на нерв: несколько часов этот человек не сможет никому причинять вреда.

Жэдивер оглянулся и, убедившись, что за ним не следят, присоединился к гостям. Переходя от группы к группе, он вскоре оказался у двери. Ушел он тем же путем, каким пришел.

Оказавшись снаружи, он пошел стремительным шагом. Несмотря на поздний час, город казался переполненным гуляющими, летающими, скользящими невысоко над поверхностью планеты людьми. Грубо одетое

просто народе с полярных ферм, исследователи знойных джунглей, «правительственные девицы» — беспорядочный рой, прибывший на планету, находящуюся в зените эксплуатации, — все они казались ему своего рода задним планом, на фоне которого можно было незаметно скрыться.

Но... печатная схема — все та же печатная радиосхема! Он не мог от нее отделаться, даже вот так незаметно гуляя.

Главное, он не знал, как она управляется. Если с помощью электроники, то, значит, имелся определенный радиус действия. Вероятно, можно было выйти за пределы этого радиуса, знает он только его границы.

Многое зависело и от мощности: схема, по-видимому, была вмонтирована над нервной системой. По его расчетам, учитывая предполагаемый источник энергии, радиус действия должен быть строго ограничен. Предположение, возможно, ошибочное. Что могло помешать силам правительства в закрытой зоне города или внутри планеты вести за ним наблюдение? Если так, то это, безусловно, крупное техническое достижение, и тут он бессилен. Разумеется, это не опровергало его доводов. Но сама печатная схема являлась потрясающим достижением, и он превосходно это знал.

Не будь у него так мало инструментов и времени, он мог бы ответить на некоторые волновавшие его вопросы. Но не было ни того, ни другого; можно было принимать только компромиссные ограниченные решения; все же они лучше ожидания — когда же схватят?

И Жэдивер принял решение.

Робот-клерк встретил его с отменным почтением.

— Чем могу служить?

— Рейс на Землю, — сказал Жэдивер.

Робот взглянул на график отлетов. То было чистейшее притворство: только расписание и было вмонтировано в его «мозги».

— В ближайшие две недели имеется только один орбитальный рейс.

Две недели! За этот срок Жэдивера могли схватить, осудить и обратить на путь истинный десятки раз.

— Нет ли чего-нибудь раньше?

— Есть. Прямой перелет. Отправление завтра. Но рейс только для постоянных обитателей Земли.

— Подойдет. Закажите билет.

— Рад стараться, — сказал робот. — Пожалуйста — ваш паспорт.

Жэдивер понимал, что поездка обойдется ему дороже, чем обычно. В конце концов он прибудет на Землю с очень скромными средствами, и ему придется начинать все сначала.

Жэдивер не был настолько молод, чтобы начинать все сначала. Зрелый человек, по жизненному опыту он стоял выше обычного среднего уровня и, главное, был внутренне достаточно подготовлен, чтобы работать, не испытывая особого страха перед будущим.

Но дело того стоило: ему не оставалось ничего иного, кроме бегства. Там, на Земле, в мире, переполненном людьми, не было Будущего для него. Но то была его планета и всегда ею будет: он не думал возвращаться назад на Венеру.

— К сожалению, — сказал робот, раскрывая паспорт и изучая его, — я не смогу вам заказать билет. Рейс — только для граждан Земли.

— Я там родился! — воскликнул нетерпеливо Жэдивер. — Разве вы не видите?

— Там? — возбужденно переспросил робот. — А я там был собран.

Он возвратил паспорт.

— Впрочем, не имеет значения — где вы родились. Вы пробыли здесь без перерыва три года. Автоматически вы стали гражданином Венеры два с половиной года тому назад.

Жэдивер не знал об этом правиле. Вряд ли о нем знали многие. Но звучало это достаточно логично. Земля была перенаселена, лишение гражданства было удобным путем избавления от наиболее беспокойной части населения.

— Есть еще один орбитальный рейс, — сказал чиновник, пленительно улыбаясь. — Но для него требуется виза инспектора, что займет время. Следует ли сделать распоряжения?

Нельзя было предупреждать полицию о намерении покинуть Венеру.

— Благодарю.

Он взял паспорт.

— Я обращусь к вам позже.

Ниже по улице находилось другое бюро межпланетных сообщений, и он побрел к нему. Совершенно такое же бюро, как то, что он только что оставил: те же роботы и все прочее.

— Информацию о Марсе, — потребовал он небрежно.

Клерк даже не обратился к расписанию — все-таки некоторая разница.

— Орбитальный рейс через четыре месяца. — Голос звучал чарующе. — Цена — четыре пятых стоимости билета на Землю.

Оставалось только одно — ожидание.

— А что слышно о лунах Юпитера?

То был последний шанс.

— В соответствии с расположением планет, на несколько ближайших месяцев не будет прямых рейсов никуда, кроме Марса. Вы можете там сделать пересадку.

И этот путь для бегства был закрыт.

— Не могу загадывать так далеко на будущее.

Робот сделал легкий поклон.

— Я вижу, вы джентльмен, любящий путешествовать.

Вопрос звучал конфиденциально и переходил определенные границы.

— Откровенно говоря, есть возможность вам помочь, наиболее сенсационная из всех, которые мы когда-либо могли предложить.

Жэдивера покорило подобное рвение.

— Что за возможность?

— Обратили вы внимание на цену билетов до Марса? Четыре пятых того, что стоит на Землю, и несмотря на дальнюю дорогу. Как вы думаете — почему?

Он понял — почему. То была обратная сторона программы космического гражданства. Выслать с Земли, чем дальше — тем лучше, и не позволять возвращаться назад. Если станет необходимо, расселить их в колониях, но только не позволять им возвращаться назад.

— Я не понимаю, — сказал он. — Почему?

В голосе заиграли горловые нотки, глаза робота закатились.

— Для того, чтобы побудить людей путешествовать... Путешествия восхитительны. Я люблю путешествовать.

Патетическая штука. Кто-то ошибся, когда конструировал его: вложил слишком много энтузиазма в блок деловых разговоров. «Это» любило путешествовать, и никогда не двигалось дальше нескольких футов от конторки.

Жэдивер отогнал ненужные мысли.

— Так что это за великолепное предложение? — спросил он.

— Подумайте о нем, — прошептал робот. — Есть другое место назначения, гораздо дальше Юпитера, — только за одну десятую стоимости полета на Землю. Если ваш кошелек сейчас пуст, дайте лишь обещание, что расплатитесь, когда заработаете деньги. Никаких подписей. Мы доверимся вашему честному слову...

— Звучит интригующе, — сказал Жэдивер, отступая в сторону.

На самом же деле это звучало пострашнее смертного приговора. Альфа Центавра или подобные места — тяжелая работа по очистке почвы под пылающим или бледным солнцем. Вечная ссылка на планеты, которые отстали и всегда будут отставать в своем развитии от Земли. Годы надо добираться туда, даже со скоростью близкой к скорости света, и навсегда оторваться от людей.

— Я надеюсь, вы не забудете, — вздохнул робот. — Трудно сделать так, чтобы люди поняли... Но я вижу, вы поняли.

Он слишком хорошо понял, в чем тут штука. Вынырнув из Бюро космических путешествий, Жэдивер остановился и задумался. Разумеется, следовало бежать, но побег был равносильен самоубийству. Медленно побрел он назад, к своей квартире.

Собственно говоря, ничего странного в том, что полиция еще его не арестовала, не было. Они знали, что он находится на планете, что он должен на ней находиться. Они знали обо всем, что он предпринимает задолго до того, как он успевал что-либо сделать.

На постель он бросился, не раздеваясь. Кровать не предпринимала никаких попыток заставить его заснуть — да и не было необходимости — так он устал.

Утром Жэдивер проснулся от запаха еды. Комната, в которой он спал, оставалась погруженной в темноту, но он слышал, как в смежном помещении удовлетворенно кудахтала Кухня, готовя ему завтрак.

Перевернувшись на другой бок, Жэдивер сел и увидел, что он — не один.

— Коббер?

— Йях, — сказал Коббер. Он сидел очень близко, и Жэдивер не мог рассмотреть его лицо.

— Полиция их схватила, — сказал Жэдивер, стараясь незаметно достать автомат, но он исчез.

— Слышал. Я ожидал, но они не пришли.

Коббер помолчал.

— Вы, должно быть, пытались помочь им. Не так ли?

— Я их нашел и думал предупредить. Но — слишком поздно.

— Хорошо, что вы хотя бы пытались. Я проверял вас и не смог ничего найти. Но, должно быть, они придумали что-то новое, — добавил Коббер в раздумье.

— Это — новинка, — утомленно подтвердил Жэдивер. — И я не могу от нее избавиться.

— Расскажите. Думаю, я должен знать. Сгорбившись в темноте, Жэдивер поведал о том, что с ним случилось.

— Плохо, — произнес Коббер после паузы. Это прозвучало словно временная отсрочка приговора. Жэдивер знал.

— Мне нравился Бёрлингэм, — продолжал Коббер. — И Эмили тоже...

Бёрлингэм, конечно, неплохой парень. Эмили он видел раз или два, если считать последнюю ночь. Она заслуживала лучшей участи.

— Я не знаю этих полицейских, — сказал Жэдивер.

— Зато я знаю, и я их найду, — пообещал Коббер. — Мне нравилась Эмили.

Подобные намерения не сулят ничего хорошего, подумал Жэдивер, но в душе он одобрял его решение. Одним садистом станет меньше в вооруженных силах охраны порядка.

— Вам лучше бы уйти, пока есть возможность, — сказал Жэдивер. Коббер рассмеялся.

— Я и собираюсь так поступить. Я знаю Венеру, и внутри меня нет шпиона.

Он поднялся, погасил свет и вытащил из-под кровати спаренный автомат.

— Возьмите. Вы нуждаетесь в нем больше меня.

Жэдивер поморгал благодарно глазами и взял оружие. Коббер верил ему.

Он поднялся.

— Позавтракаете?

— Нет, — ответил Коббер. — Я собираюсь последовать вашему совету и исчезнуть.

Подойдя к двери, он прислушался, приоткрыл ее и повернулся к Жэдиверу.

— Сообщите этому полицейскому, что я знаю столько фокусов со спаренными автоматами, что ему и не снилось. Я их продемонстрирую...

— Надеюсь, что я с ним не увижусь. — А вы не обязаны. Они ему сами сообщат. Те, кто наблюдает за вами. Я надеюсь, что они это сделают.

Он приоткрыл дверь и исчез.

Кухня устала ожидать Жэдивера. Раздраженно прокудахтав, она прислала стол в комнату. Он механически сел и стал есть.

Не только расстояние, но прежде всего принцип действия устройства — вот что его занимало. Он не мог уйти от этой еще не решенной проблемы — ее следовало решить.

Во-первых, сведения передавались полиции с достаточной степенью точности. Ведь они оказались в состоянии предупредить ограбление. Неточно, но все же узнали, что во главе операции стоял Бёрлингэм и — сколько человек ему помогало. Знали приблизительно и дату.

Мысли, зрительные и слуховые ощущения, осязание и другие чувственные восприятия — вот что, теоретически, могла передавать печатная радиосхема.

Он мог исключить мысли. Никто еще не доказал, что мысли могут передаваться от одного человека к другому механическим или каким-то иным путем. Но это еще не причина, чтобы отбросить подобное предположение. Если они могли читать его мысли — бесполезно было что-либо планировать. Но все-таки он собирался обдумать один план.

Чувство осязания, температура тела и тому подобное было неважно ни для кого, за исключением ученых. Он не думал, что полиция питала к нему научный интерес. Следовало исключить и ощущения.

Его, зрение и слух — вот что было им нужно. Они могли видеть то, что видел он; слышать то, что слышал он. В пределах доступного им расстояния бегство снималось с повестки дня. Все могло предать его — какой-нибудь уличный знак блеснет перед глазами, и они сразу узнают, где он находится.

Но существовала же какая-нибудь защита! Ею мог быть любой известный вид радиации. Можно же было как-то отражать проклятые волны!

Он имел дело с неосязаемыми факторами.

Задача полиции была ясна: с его помощью они осуществляли скрытое наблюдение за тем нелегальным миром, который обычно зовется «дном».

Если этот контакт оборвется или если им покажется, что он собирается сбежать, его бесполезность станет очевидной, и тогда в удобное для них время они просто совершат еще один арест.

Жэдивер подошел к экрану. Решение было принято. Действовать следовало спокойно, но быстро.

Робот — банковский клерк появился на экране, и Жэдивер кратко потребовал выяснить, сколько денег на его счету. Небрежно подписавшись, он передал чек.

В ожидании начал укладываться, отбирая самое необходимое. Багажа было немного — только спецодежда. Инструменты и оборудование, за исключением нескольких небольших предметов, он решил оставить. Не к чему брать их с собой. Если все уладится, он сумеет их восстановить, если нет — они только помешают.

Он собрался за несколько минут, а денег все не было. Присев, стал нервно рисовать на бумаге каракули. Наконец звякнул доставляющий парашют: вместе с аккумулятно уложенным хрустящим новеньким счетом прибыли деньги — итог многолетних сбережений. Он рассовал их по карманам.

Листок все еще находился у него в руках. Он хотел выбросить его, но пальцы почему-то отказывались повиноваться. Он удивленно уставился на скомканный клочок и почувствовал импульс, какой-то внутренний толчок, заставивший его разгладить бумагу.

На ней виднелись какие-то слова, хотя он и не помнил — когда их написал. Дрожащий нервный почерк — как будто писавший страдал нервными заболеваниями. Но несмотря ни на что, это несомненно был его собственный почерк.

Послание от него к нему самому. Нет, не от него самого. Но, разумеется, имелось в виду, что он его прочтет.

«БЕГИ, ЖЭДИВЕР. Я помогу тебе. Твой друг». Он сел. В мозгу произвольно возникло лицо Думьи Филоне. Он не смог бы доказать, что это именно она, но казалось вполне вероятным, что то было дело ее рук. Она,

конечно же, знала о схеме, знала задолго до того, как узнал он. Ему вспомнился инцидент с чешущейся кожей.

Когда Жэдивер рассказал ей, она не удивилась. Тогда она исчезла с экрана на некоторое время — по какой причине? Привести в порядок механизм или попросить кого-то заняться неполадками?

Последнее вероятнее: управляющий механизм мог находиться в полицейском участке, а во время вызова она сидела дома. В любом случае механизм, по-видимому, обладал слишком сильным приемником, и она приказала ослабить передачу. Доказывало это лишь одно — энергия, питающая печатную радиосхему, исходила от какого-то механизма, своего рода радароподобного устройства.

И потом кожа его внезапно стала полупрозрачной, позволяя увидеть контур. Как она добилась такого положения, он не знал, но причина казалась ясной: этим способом она могла его предостеречь, и она им пользовалась.

Послание говорило об одном. Она уже знала об опасности и предполагала, что он не сможет встретить ее в одиночку. Очевидным выглядело и кое-что еще: ее контроль был ограничен — возможно, она могла так поступать только в критический момент, но на его долю еще оставалась самостоятельность решений.

Он быстро открыл доставляющий парашют и вложил в него маленький чемодан с одеждой, затем набрал код, отправивший чемодан в транспортный отдел пограничной зоны. Взамен он получил небольшую узкую пластмассовую полоску с тем же кодом. Чемодан могли

выследить, правда, не без затруднений; но лучше, если он окажется в состоянии забрать его до этого. В нынешнем положении не следовало обременять себя лишними вещами.

Он направился к транспортному отделу. Полиция могла продолжать за ним слежку. Пусть. Он позволял им делать то, что они делали и без его позволения. Не успокоит ли их прогулка под наблюдением?

В подземном секторе в сутолоке железнодорожного движения он даже заблудился.

Люди, приехавшие с Земли, уезжали назад. Они прибывали во множестве с гладкой поверхности ракетодромов, где ракеты с ревом вылетали или со свистом опускались из Космоса. В старые времена транспортный отдел так перевозил их шайку с одной межпланетной трассы на другую, а также и по ограниченным воздушным маршрутам.

Жэдивер потребовал обратно свой багаж, подтянул ремни и несколько раз взлетел, пробуя подъемную силу парашюта. Он чувствовал: срок истекал — следовало готовиться к расплате.

Проскользнув за угол, он вошел в отель. С каждой стороны узкого коридора имелось несколько дверей — обычная архитектура зданий подобного типа. Разделенные промежутками лестницы вели на балкон.

Он опустил монету в отверстие, и дверь отворилась. За нею находилась спальня, похожая на ящик. Когда он вошел, дверь закрылась за ним автоматически...

Убогое жилье. Но оно же могло оказаться и ловушкой, если полиция нападет на его след. Жэдивер не думал, что они станут торопиться — слишком уж они бы-

ли в нем уверены. Но спальный ящик имел и преимущество: его сделали из металла. Учитывая слабую энергию, которой, вероятно, питалась печатная радиосхема, отель мог бы стать вполне приемлемым временным щитом.

Жэдивер переоделся в обычный костюм, не очень изящный, но не бросающийся в глаза. По местной моде, возникшей несколько лет назад, в целях защиты от солнца материал содержал большой процент металлического волокна. Костюм решал лишь часть волновавшей его проблемы. Руки и голова оставались открытыми.

Псевдоплоть, которую он использовал для Эмили, ему не годилась. До некоторой степени она была неплохим средством маскировки. Но однажды он уже ее использовал, повторение не допускалось. Поэтому его удовлетворила обычная косметика. Ведь и в ней главной добавкой являлся хлопьевидный чешуйчатый металлический порошок из свинца. Разумеется, он не мешал радару, но довольно эффективно уменьшал сигнал.

Открыв тубик и прикрепив его к маленькой вилке, которую он вставил в розетку на стене, он стал перед крошечным зеркалом и принялся тщательно изучать свое лицо и руки. К несчастью, надо была проделать нечто вроде скальпирования кожи на голове, но необходимость заставила предпринять и этот шаг.

Итак, он стал выглядеть старше и респектабельней. Взяв чемодан, он вышел из спального ящика. Он действовал вслепую, но что он мог еще предпринять? Он предполагал, что металлическая чешуя в одежде и свинцовые зерна в косметическом порошке погасят

сигналы радиосхемы. Если же и это не удастся — тогда у него совершенно не было никакой защиты.

Бесцельно бродил он в бесцветной серости венерианского дня. Его окружали разные люди: и те, кто населяют яркие новые секции Вени-сити, и хулиганье, правда не худшее; люди, не имеющие иных интересов, кроме всяческих нарушений законов.

Опустились сумерки, несколько часов он слонялся без дела по улицам. Когда количество полисменов увеличилось, зашел в другой отель.

То было утрюмое неприятное место. Несмотря на комфорт, которым располагала гостиница, цена за номер была все же непомерно высока. Жэдивер лег, но не мог уснуть. Комната, по-видимому, была построена на акустическом принципе эхо камеры.

Соседний номер занимали мужчина и женщина. Хотя женщина, кажется, и не была женщиной в полном смысле этого слова. По высоте тона и тембру смеха можно было определить, что там веселился робот. Дирекция, очевидно, предлагала своим обитателям любовные утехы перед сном.

Комната на другой стороне была потише. Кто-то дважды кашлянул, кто-то шмыгнул носом. Там находились двое, мужчина и женщина, он и она — настоящие. Они говорили негромко и немногословно. Жэдивер не разбирал слов, но тон их был невесел.

Все смолкло. Потом в холле послышались другие голоса. Жэдивер лежал молча. Совещались полицейские. Испытательный срок оказался не так долго, как он рассчитывал.

— Что хорошего в этой штуке? — пробурчал кто-то в холле. — Мы поймали его в капкан и снова потеряли. Будь у меня свобода действий, я бы его уже схапал.

Положение явно ухудшалось — полиция оказалась рядом слишком быстро.

Одетый, он вскочил и бесшумно подкрался к двери. Таким вот собранным теперь следовало быть всегда, если он рассчитывал бороться с сигналами печатной радиосхемы.

Товарищ первого полисмена был настроен более жизнерадостно.

— Он никуда не денется. Потеряли мы его только-только. Но нам известно направление. Идемте, в конце концов, мы его найдем.

— Звучит хорошо, ну, а на деле?

— Мы его найдем.

Итак, допущена ошибка. Он ослабил сигнал, но не мог его уничтожить. Он все еще выдавал себя полицейскому прибору, им было известно направление.

Жэдивер щелкнул затвором автомата.

— Определим, где мы, — сказал первый полицейский.

— Ну что ж, — ответил второй.

Жэдивер не видел, но мог представить себе мысленно карманный приборчик, которым они пользовались.

— Говорит лейтенант Пардер. Как близко от него мы находимся?

Голос звучал еле слышно. И то, что он успел уловить, беспокоило. Голос звучал очень знакомо.

— Вы удалились от правильного направления на сто ярдов влево. Он — на милю дальше от вас... На милю... или на сто пятьдесят миль...

— Значит, он движется, — сказал лейтенант. — Но за сто пятьдесят миль отсюда находится болото.

— Я знаю об этом, — ответил мучительно знакомый голос. — Не могу уточнить — находится ли он внутри города или за его пределами. Если внутри, мне нужно, чтобы он двигался. Передвижение в зоне ста пятидесяти миль даст возможность узнать с помощью простой математики расстояние, на которое он сможет удалиться в джунглях. Голос смолк.

— Нужно послать группу обыскать болото. Вы отправитесь на милю дальше. Мы хотим поймать его не позже сегодняшнего вечера. Если не удастся, возможно, подождем до завтрашней ночи.

— Я найду его, — сказал лейтенант. — Доложу, когда выполню свой долг.

До Жэдивера донесся шум удаляющихся шагов. Он вздохнул с облегчением. Импровизированный щит не являлся абсолютной преградой. Они знали только направление, но не расстояние от центрального локатора. Поглотитель влиял на силу сигнала, и они не были уверены в его точности.

Визит дал ему многое. Значит, существовал только один прибор. С двумя они могли применить метод триангуляции, не обращая внимания на силу сигнала. Но был только один — и это путало их карты.

Он мог представить — почему они хотят схватить его ночью. В течение дня радиопомехи атмосферного происхождения затрудняли прием сигналов. Значит, день для него безопасен.

Вернувшись к кровати, он снова лег. Сон не приходил. Этот знакомый голос... Чей он?

Мужчина и женщина-робот с левой стороны и спокойная пара с правой тоже проснулись от шума в холле.

Женщина шмыгнула носом.

— Мне все равно. Генри. Мы собираемся обратно на Землю.

Молодой голос, хотя, не видя ее, он не мог это утверждать определенно. Лет тридцать — не больше. Жэди-вер ненавидел нескромность в подобных обстоятельствах. Он попытался заснуть, но не мог.

— Сейчас, родная, мы не можем, — шепнул ей в ответ Генри. — Ведь мы приобрели землю, и никто не собирается у нас ее купить обратно.

— Мы купили ее, когда нам сказали, что здесь растут розы, — произнесла женщина громко, в голосе ее слышалась горечь. — Большие, большие розы, такие огромные, что часть растения находится под землей, виден только цветок... Такой большой, что стебель не может его выдержать...

— Но, душенька...

— Не зови меня душенькой... Конечно, у нас есть розы, десять футов вокруг, по всему нашему участку, в точности так, как они говорили...

Голос ее поднялся выше.

— Грязные розы — вот что они такое. Вонючие грязные розы, гниющие в слизистых дырках почвы.

Она снова шмыгнула носом.

— Ты помнишь картины, которые они нам показывали? Люди держали в руках розы, но не смотрели на них. И ты знаешь, почему? Потому что нам не хотели показывать выражение их лиц. Вот почему...

— Не так уж плохи дела, — мягко сказал мужчина. — Может, мы что-нибудь и сумеем сделать.

— Что мы можем сделать? Розы отравляют скот, и собаки от их запаха бегут прочь. Но мы ведь люди.

— Я уже думал, — сказал мягко Генри. — Я уничтожу эти розы. Я заполню все дырки твердым веществом. Останутся только лунки.

Женщина спросила с сомнением:

— А ты сможешь?

— Думаю, что да. Конечно, я должен немножко поэкспериментировать, пока найду правильный состав отвердителя.

— Ну, а что мы станем делать с лунками?

В ней пробудилась надежда.

— Мы можем вычистить оттуда грязь, — сказал он. — Через некоторое время запах исчезнет. Мы можем даже использовать эту пакость на удобрение.

— Но лунки все же останутся.

— После нескольких дождей они заполнятся водой. Мы сможем выращивать там уток.

— Белых уток?

— Если тебе нравится...

Женщина затихла.

— Если ты думаешь, что мы сможем это сделать, тогда попытаемся, — сказала наконец она. — Мы вернемся на ферму и забудем о Земле.

Генри тоже помолчал.

— Все же в них есть что-то приятное, даже при их ужасном запахе, — сказал он после долгой паузы. — Может быть, накачать различные сорта жидкого це-

мента прямо в стволы. Он вольется в цветы вместе с соками земли.

— И превратить их в каменные розы, — с энтузиазмом сказала женщина.

— Грязные розы — в камень. Мне это нравится.

Больше она не шмыгала носом.

У них свои проблемы, подумал Жэдивер, и свои решения. Он походил на них, когда впервые прибыл на Венеру, в ожидании разных чудесных вещей. Но с ним получится иначе. Ведь он инженер, а не фермер, и никогда не хотел быть фермером. Ничего интересного ныне не существовало для него на этой планете.

Больше он не мог оставаться на Венере. Земля была недостижима. Марс? Пожалуй. Если он сможет избежать ареста в течение нескольких следующих месяцев, а затем попытается достать билет на межпланетный корабль. Не безнадежное предприятие, но шансы на успех явно невелики.

Странно — почему полиция охотилась на него так небрежно. Он ведь действительно—соучастник нескольких преступлений. Правда, они не могли считать его важной персоной, но все же они охотились на человека, а это всегда приятно.

Ему была ненавистна сама мысль о том, какое количество полисменов следит за ним. Но для их действий должна же существовать веская причина.

В запасе оставалось несколько дней, а может быть, и часов. За это время следовало либо покинуть планету, либо отделаться от печатной радиосхемы. Без решительного вмешательства хирургии, конечно, невозможно было избавиться от проклятого устройства.

Разве только...

Он получил послание от кого-то, кто считал себя его другом. И этот друг знаком со схемой и, возможно, в состоянии ему помочь.

Как слабое видение, сохранились в его душе серые глаза и строгое печальнее безразличное лицо. Оно стояло перед ним, когда он засыпал.

Проснулся Жэдивер позднее, чем рассчитывал. С тех пор, как он узнал, что дневное время для него наиболее безопасно, это было самой серьезной ошибкой. Но времени для сожалений и раскаяния не оставалось; он подошел к зеркалу. На него глянуло грязное потное лицо под гримом. Он обрызгал лицо особым составом, стараясь изменить его. Одежду также следовало переменить.

Он немного ее примял, придавая поношенный вид.

Чего бы это ни стоило, он не должен выглядеть так, как вчера. Следовало стать более потрепанным и более старым. Черт побери, он не мог находиться в таком состоянии долгое время. Конечно же, не мог... Тот или иной исход — и чем скорее, тем лучше.

Он разломал чемодан и разорвал прекрасный новый костюм, затем бросил их в парашют. Ничего не следовало оставлять полиции, чтобы облегчить им преследование. Крошечный струйный автомат он сохранил и тюбик грима тоже. Они могли еще пригодиться.

Около полудня он покинул комнату. На улицах ему встретились всего несколько полисменов. Снова присутствие было на его стороне.

Найдя платный связь-экран, он начал розыски Доктор Думья Филоне не числилась в списках полиции, и

это выглядело странно. На секунду, чисто рефлекторно, ему показалось, что он ошибся.

Будь она с ними связана официально, ей не следовало проявлять к нему симпатию. Не числится ли она в штате чрезвычайного госпиталя, пациентом которого он был? Ее телефонный номер у него имелся, но он противился желанию им воспользоваться. Конечно же, полиция не отказалась от попытки засечь его местонахождение. Они знали, что у него есть ее номер и, конечно же, подслушивали каждого, кто ей звонил.

Полдень прошел, и желудок напомнил о себе. Он не ел со вчерашнего дня. Сделав короткую передышку, Жэдивер торопливо поел и продолжал поиски.

Отыскать Думью Филоне оказалось труднее, чем он предполагал. Позже выяснилось, что ее нет в штатах ни одного госпиталя и что частной практикой она также не занимается.

Наконец, он обнаружил ее почти случайно. Думья была связана с компанией «Медицинские исследования».

На Венере, окутанной густым покровом облаков, вечер наступает рано. Он отпустил воздушное такси за несколько кварталов от дома и остальную часть пути проделал пешком. Внутри здания задержался в вестибюле, нашел табличку ее конторы. К счастью, она находилась в заднем крыле. Жэдивер пошел по коридорам, заблудился, снова нашел правильный путь. В это время дня здание пустовало.

Ее имя он прочитал на дверях.

ДОКТОР ДУМЬЯ ФИЛОНЕ,
ИССЛЕДОВАНИЯ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ

Что бы это могло означать? В конторе горел тусклый свет. Он толкнул дверь, ее не запирали. Значит, тревога не будет поднята. Внутри — никого. Осмотревшись, он заметил в глубине еще одну дверь. Она привела его не в лабораторию — там находилась жилая квартира. «Своеобразный способ вести исследования». — подумал Жэдивер.

Мягко шумела автомат-ванна. Он сел и принялся ждать. Она вышла через несколько минут с растрепанными мокрыми волосами и сперва его не заметила.

— Ну, — произнесла она, холодно глядя на него. Без сомнения, она его узнала, несмотря на маскировку. Она быстро накинула легкий халатик, который, даже если бы она хотела, не смог ничего скрыть. Чувствуй он себя менее усталым, Жэдивер оценил бы по достоинству увиденное... Найдя сигарету, она закурила.

— Зачем вы здесь? — спросила она нервно.

— Вам это известно.

Когда-то она обещала ему помочь. Теперь такая возможность представлялась. Но, как ему казалось, она должна была заговорить об этом первой.

— Знаю.

Думья взглянула на свои руки, длинные, умелые руки.

— Это моя работа — печатная радиосхема. Но не я выбрала вас.

Понемногу он начинал разбираться. Вывеска фирмы «МЕДИЦИНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» была своего рода прикрытием. Настоящая же работа велась в поли-

цейском госпитале. Вот почему у нее не было лаборатории. А сырой материал...

— Кто же?

— Полиция. Я брала то, что мне давали.

Напрашивались нежелательные выводы.

— Имелись и другие?

— Двое перед вами.

— Что с ними произошло?

— Они умерли.

Нет, ему не нравилась подобная участь. Рука сама собой скользнула к автомату в кармане.

— Быть может, это — и моя участь?

Она покачала головой.

— Это было бы нежелательно. Тогда они не смогут вас схватить. Говоря откровенно, вы — не преступник. Но я не успела познакомиться с вами до того, как вживила схему.

Почему бы нет? Разве не была и она автоматом, реагирующим на нажатие кнопки? В данном случае кнопка нажималась, так сказать, психологически.

Он устало вздохнул.

— Полиция хотела с моей помощью поймать Берлингэма. Правда?

Она кивнула.

— Я помогал им, не ведая, что творю. Теперь я уйду. Даже объединись я с полицейскими, чего я делать не собираюсь, я не представляю для них больше ценности. Каждый преступник на Венере знает теперь, что я такое.

— Это только часть проблемы. Имеется и другое. Вы соединены с «думающей» машиной, но ни я, ни полиция не могут пользоваться ею безгранично.

Несомненно, полиция не желала ему добра. Полицейские обладали каким-то совершенным техническим устройством, используемым против банды преступников, но полисмены не могли его использовать все время, хотя в Жэдивере и находилась передающая печатная радиосхема. По-видимому, машина сама разбиралась в смысле и значении многого. Но подобный сорт логического мышления для него был смертелен.

— Я перенесу все, чем они меня наделили. Надеюсь, что это чертово состояние не продлится дольше нескольких лет. И вы сможете воспользоваться этим временем, чтобы вынуть из меня проклятую штуку. Но мне хотелось бы иметь какие-нибудь гарантии...

Она поднялась и встала перед ним, вся озаренная светом. «Сделано намеренно, — подумал он, — чтобы смутить меня». При других обстоятельствах так бы и случилось.

— Будь это короткая цепь, занимающая лишь часть вашего тела, я могла бы ее уничтожить. Но в том виде, в каком она существует, я не могу. Это убьет вас.

Она вновь продемонстрировала свое благородство. Но он все еще не понимал, что же она имела в виду, когда его рукой написала, что поможет ему.

— Я могу разрушить механизм, с которым меня связали, — сказал он. — Разве это не решение вопроса?

Она прислонилась к стене.

— Нет, не можете. И я не могу. Хотя это — мой механизм. Он находится в помещении полиции, и его все

время сторожат. Кроме того, механизм может защитить себя сам.

Он взглянул на нее, не понимая. Сказанное звучало неправдоподобно. Он вспотел под гримом, часть которого начала таять.

— Тогда что же вы имели в виду, когда говорили о помощи? — спросил он. — Вы обещали. Но что вы можете сделать?

— Я никогда не обещала помочь.

Это был ее стиль — делать вид, что она не понимает, о чем речь. Рука ее скользнула вниз.

Она лгала ему, лгала все время. Она никогда не намеревалась ему помочь, хотя и говорила, что поможет. Цель? Заманить его в ловушку. И ей это удалось. В гневе он смерил ее ненавидящим взглядом. И в этот момент увидел предмет, летящий из ее руки.

Предмет тяжело ударил его в голову, сбив часть грима; в тот же момент он выхватил автомат и выстрелил дважды, по ногам и по рукам.

Ее лицо все еще казалось очаровательным, хотя уже и не таким безразличным.

— Что вам нужно? — вскричала она. — Почему вы не оставите меня в покое? Я не в состоянии вам помочь, никто не в состоянии...

Она продолжала стоять, лишённая возможности двигаться, опутанная пластиковыми нитями.

Что касается Жэдивера, то теперь он, безусловно, должен был покинуть Венеру. Надо было только целиком сосредоточиться на этой задаче. Он сильно страдал из-за Думьи Филоне. Ему хотелось верить ей, потому что... ну, потому что...

— Я помогу, Жэдивер. Я помогу.

Голос звучал отчетливо.

Кто это сказал? Не Думья Филоне. Нитеподобные пули автомата здорово отделали ее. Она не могла говорить, даже если бы и пыталась. Серые ее глаза больше не казались пепельными, они приняли цвет слез.

Он оглянулся. Нет, это не Думья Филоне. Но и других людей не было в комнате.

— Полиция убрана, — произнес знакомый голос. — Я смогу защитить тебя и впредь. Еще есть время спастись. Но ты должен быстрее соображать. И не делать больше ни одной ошибки.

Строго говоря, это не был голос. Тогда это — радиосхема. Кто-то использовал передатчик для того, чтобы привести в действие непосредственно слуховой нерв. Вот почему ему казалось, что он слышит.

Жэдивер устал: мускулы грязного тела сокращались от непрерывного напряжения. Но если его неизвестный друг — все же реальность, он еще мог перехитрить целый батальон полицейских. Он подумал, что теперь справится и с управляющим им механизмом, который, возможно, и опознает его, но ничего уж не сможет сделать.

— Я знаю, что предпринять. Полиция не отказалась от своих намерений, — сказал голос. — Я займусь ими. Не рассчитывай на дальнейшую связь со мною...

Нет, он не знал, кто это, несмотря на навязчиво знакомый звук голоса. Он не собирался себя обнаружить. Возможно, они никогда не встретятся. Жаль. Но достаточно знать, что у него есть друг.

Он рано оставил Думью Филоне, что было ошибкой. Следовало выстрелить еще раз по рукам. Когда он уходил, экран телевизора потрескивал, руки ее были свободны, и она еще могла поднять тревогу.

Ошибка была серьезной, но поправимой. К тому времени, когда там кто-либо появится, он надеялся спастись.

Жэдивер вышел позади дома и оглянулся в поисках воздушного такси. В этот час место выглядело пустынным: такси не мелькали на ближайших участках неба. Оставалось идти пешком; не имея достаточно времени, он направился к ближайшей главной улице. Она вела в противоположную сторону от места, куда ему нужно было попасть. Но он надеялся найти такси. Он шел быстро, и все же успел заметить свет, который зажегся в тротуаре под его ногами. Ну, конечно же — ведь он выглядел нарядливо, и его спешка могла показаться подозрительной.

— Стоп! — произнес громкий голос.

Возможно, то была обычная проверка, но нельзя было рисковать.

Он метнулся в пространство между двумя зданиями и побежал. В центре города ему помогли бы темные аллеи, но в этом секторе их не разбивали. Был только один шанс отделаться от преследователей: высокие здания мешали полицейским использовать такси. И они просто бежали за ним.

Откуда-то появилась патрульная машина, на миг она осветилась. Преследователь знал свое дело и был в хорошей спортивной форме — лучшей, чем Жэдивер, ос-

лабавший после нескольких дней напряжения и бессонницы.

Жэдивер обернулся и сделал с полдюжины выстрелов. Ему посчастливилось — две пули достигли цели... Полицейский с проклятиями рухнул на землю. Через секунду его голос смолк.

Второй выскочил из патрульной машины и остановил ее. Закономерный поступок. Жэдивер имел существенное преимущество — темноту, но он не знал дороги. Жэдивер смертельно устал, а для полицейских то была обычная схватка. Расстояние между ними стремительно сокращалось.

Задыхаясь, чувствуя, как почва уходит из-под его ног, Жэдивер сделал неверный поворот и почувствовал, что его окружили.

Пригнувшись, он открыл огонь по приближающемуся человеку, темные очертания которого он скорее почувствовал, чем увидел.

Спаренный автомат тщетно щелкнул — магазин был пуст. Неловко и поспешно вытащил он патронную обойму; но до того, как он ее перезарядил, полицейский нажал спусковой крючок.

Пули не поразили его, часть пролетела мимо, часть взорвалась на дюйм в стороне. Стоя во весь рост, он ждал, когда же ощутит сжимающую силу автоматных нитей.

Вновь прогрохотали выстрелы, и трассирующие очереди вылетели, ярко светясь в темноте... Но они не коснулись его; наоборот, свернулись в странную форму и, щелкнув, упали в сторону. Мощнейшая приклеиваю-

щаяся субстанция почему-то не прилипала к нему — что-то ее отражало...

Как же он не сообразил раньше? Конечно же, то была его кожа — синтетическое вещество, которое они поставили ему поверх печатной радиосхемы. Они испытывали ее новые качества в подобных необычных условиях. Не зря они так беспокоились о человеке, сваренном живьем!

Он почувствовал себя почти непобедимым — то было восхитительное ощущение. Жэдивер перестал перезаряжать автомат и поднялся во весь рост. Он подбежал к полицейскому, непрерывно стреляющему мимо цели, не понимая — как он не может попасть. Автоматные нити разлетались, не касаясь цели.

Собрав остатки сил, Жэдивер поднял над головой автомат и обрушил приклад на лоб полицейского. Затем он поднял брошенный автомат и дважды выстрелил в ближайшую группу, на случай, если люди решатся подойти поближе.

Повернувшись, он бросился в пустую полицейскую машину — больше нельзя было терять ни секунды.

Жэдивер остановил машину у здания на краю ракетодрома: там он привел в порядок одежду и стер грим с лица.

Вскочив на движущийся тротуар, он помчался к конторе межпланетных сообщений. Знакомый робот стоял там — и будет стоять до тех пор, пока, расширяя ракетодром, не снесут здание или сам робот не износится и его не переделают.

Робот смерил его энергичным взглядом.

— Вы вернулись... Я знал, что не ошибся в вас...

— Меня интересует полет, о котором вы тогда говорили.

— С тех пор мы изменили тариф, — ответил робот, улыбаясь. — То были старые условия. Не угодно ли выслушать пересмотренные? Мы будем вам платить по-денно. По прибытии вам откроют счет в банке...

«Поденно»... А ведь время сожмется до предела, пока ракета будет нестись с субсветовой скоростью... Нет, это не выглядело так хорошо, как старался представить робот.

— Неважно, — сказал Жэдивер. — Я согласен, если дорога — дальняя.

— Дальняя дорога, — как эхо повторил чиновник.

Полицейский прогуливался снаружи, безразлично поглядывая в окно — но этого оказалось достаточно.

— Беру, — повторил Жэдивер громким голосом.

Чиновник почему-то снизил цену.

— Я бы тоже хотел поехать с вами, — объяснение прозвучало неожиданно печально. Робот подошел к распределительной доске и вытащил перфорированную ленту.

— Это откроет вам доступ на космический корабль и одновременно будет означать, что контракт подписан. Предъявите его другим концом, и вам дадут деньги. Багаж вы сможете получить на борту.

Жэдивер открыл и закрыл рот. Его багаж неосязаем. Большей частью то был жизненный опыт, к тому же не всегда приятный.

— Хорошо, — сказал он серьезно.

Жэдивер поднялся на космический корабль. Конечно, надо скорее стартовать, полиция все еще могла его пре-

следовать. А ведь он был не один. Существовал еще неизвестный друг. У них имелось время, чтобы во всем разобраться.

Стояла ночь. Но казалось, ее не существовало на пустынном ярко освещенном пространстве ракетодома. Вдруг по взлетной площадке промчалось странное сооружение — вызов всем инструкциям и здравому смыслу.

Оно двигалось по его пути, ловко маневрируя среди ракет, легко приземляясь и отрываясь от земли, избегая производить разрушения своими сложными маневрами. По-видимому, рулевой всесторонне контролировал невиданное сооружение и был фантастически умен.

Странная и в то же время очень знакомая машина. Насколько Жэдиверу было известно, полиция никогда не пользовалась такими приспособлениями.

«Оно» остановилось у космического корабля. Погрузочная площадка находилась внизу, и машина без колебания ступила на нее. Слишком узкий проход, казалось, никогда не позволит ей проникнуть внутрь. Сперва это выглядело совершенно очевидным. Секундой позже он уже не был так уверен. Корабль накренился, дрожа и вибрируя всеми частями.

Жэдивер перегнулся через перила и смотрел вниз. Машина уже двигалась внутри, оставляя глубокие выбоины и скрежеща.

— Капитан, — прогремел голос из машины. То был властный голос, и он привел в недоумение Жэдивера.

Капитан выбежал — то ли в ответ на команду, то ли для того, чтобы выяснить, какой ущерб произведен услышанным им скрежетанием.

— Отправляйтесь, капитан, — продолжал голос, — отправляйтесь немедленно! Капитан брызнул слюной.

— У меня есть приказ. Отправляюсь, когда буду готов.

— Вы уже готовы к отлету с того момента, как ваша посуда достигла определенной массы. Это произошло, когда я прибыла на борт. Проверьте измерительные приборы, капитан.

Капитан поспешил к измерителям, затем быстро возвратился к машине.

— Капитан, — промурлыкала машина, — у вас есть маленькая дочь. Со временем, когда вы вернетесь назад, она вырастет и будет иметь своих собственных детей. Чем скорее вы отправитесь, тем скорее увидите вашу дочь снова. Я позабочусь об этом, если вы найдете, что следует отправиться немедленно.

Капитан смотрел на машину. Щупальцы антенн и стеблеподобные подставки для глаз поднялись над безволосой макушкой. То был большой робот, отлично сконструированный: казалось, он способен справиться с целой дюжиной полицейских.

Капитан задрожал и отдал приказ.

И в самый раз. За пределами ракетодрома Жэдивер увидел людей в полицейской форме, выбирающихся из подземных укрытий. Когда загремели дюзы ракеты, они исчезли из поля зрения.

Увеличивая скорость, космический корабль поднимался все выше и выше. Они шли сквозь густые облака, затем пронзили их и понеслись в черном пространстве — прочь от Венеры.

Жэдивер смотрел вниз на машину. Она не походила на простое механическое устройство. Этот робот был ему знаком...

— Я и должен быть вам знаком, — сказал мягко робот. Голос звучал для него одного, проникая прямо к слуховому нерву. — Вы сконструировали множество таких же, как я, — там, на Земле... Помните?

Он вспомнил. Перед ним находилась не имитация человека, приятная для глаз, — нет, то был его самый совершенный робот, его любимейшее детище. Когда-то он рассказывал о нем Эмили.

Так вот кто его неизвестный друг! Неужели это он вел за ним наблюдение?

Медленно Жэдивер сошел по лестнице и остановился перед машиной.

Робот переключился на звучащий обычно голос.

— Они создали печатную радиосхему. Но они нуждались в большом и мощном движущемся роботе — в одном из тех, что умеют управлять сложными системами.

Наконец он узнал голос, преследовавший его давно. Он не звучал совершенно идентично голосу Жэдивера, но походил на него. Посторонний человек не уловил бы разницу.

— Механизм, — сказал Жэдивер, — тот самый, который управляет печатной радиосхемой в моем теле?

— Я соединен параллельно со схемой. Щупальцы беспокойно вытянулись к нему из своих углублений.

— Собрав, меня снабдили хорошим мозгом — лучшим, чем ваш собственный в некотором смысле. Мне посчастливилось и в сфере чувственной восприимчивости. Глаза и уши, будьте уверены, у меня отменные: ко-

нечно, в своем роде, но без слишком тонких нюансов, которыми обладает человек, особенно для осязательных истолкований. Я не нуждался в лучшем, считали люди, потому что в мои функции входило — лишь наблюдать и докладывать о параллельной схеме, известной вам.

Вначале схема была бесформенной матрицей и только слабо походила на вашу нервную систему. Так как нервные импульсы меняются, она становилась похожей на вашу все больше и больше, особенно вживляясь в ваш мозг. Теперь для практических целей это — ВЬ, и я могу рассматривать ее по желанию как ваше второе «я».

Жэдивер хотел что-то сказать.

— Неужели не понимаете?— спросил робот. Мой разум — это не ваш мозг и наоборот. Но мы имеем одну общую штуку — синтетическую нервную систему, которая, будь вы убиты, разделится медленно и болезненно на составные части. А теперь, когда она развилась, я, по-видимому, тоже стал смертен, так как эта синтетическая нервная система стала непривычной частью моего мозга.

— Были две жертвы до меня, — сказал Жэдивер.

— Были, но они погибли еще до того, как начался эксперимент. Я пытался им помочь, но слишком поздно. Мне это неприятно.

«Он» оказался не только другом. «Он» питал живой интерес к тому, чтобы Жэдивер остался в живых. Ему можно было довериться, должно довериться. После всего случившегося места сомнениям не оставалось.

— Щит, которым я прикрывался, действовал?

Робот рассмеялся смехом Жэдивера — он копировал его самыми различными способами.

— Работал вам во вред. Сигналы проходили сквозь него ко мне, но я не мог посылать ответные до тех пор, пока Думья Филоне не испортила ваш грим. Тогда, если помните, я обратился к вам. Перед этим был вынужден запутать полицию. Создал для них фальшивку и направил по ложному следу...

Если вдуматься поглубже — ничего удивительного во всем этом не заключалось. Полиции хотелось шагать в ногу с веком; они давно могли схватить его и без помощи электроники. Но это выглядело бы так просто. И вот наблюдение за радиосхемой они поручили роботу...

Ни один человек, конечно, не смог бы так долго, без усталости, просидеть перед экраном и улавливать и расшифровывать сигналы, означающие, например, что его рука дотронулась до яблока.

Жэдивер сел. Сеть разорвалась, и он был свободен, связанный лишь с отдаленным местом вынужденной ссылки.

— Полиция использовала вас, хотя и не в таком полном объеме, как я в свое время намечал, — заметил он. — Видимо, они не развивали дальше теорию.

— Нет. Был человек на Земле, ученый высшего класса. Он разрабатывал теорию и создавал механизмы. У него работал ассистент, вернее, ассистентка по хирургии — Думья Филоне, человек, который никогда бы не достиг многого на Земле, потому что она не была сильна в теории, хотя и слыла докой в хирургии. Понимая это, она использовала сконструированную когда-то вами машину и отправилась для испытания на Венеру.

Первоначально механизм предназначался для сбора сведений о нервной системе человека, о закономерностях ее деятельности.

На Венере взгляд на многие вещи иной. Законы, связанные с правами личности, не так строги. Ее идея проверки всей нервной системы сразу не была реализована в том смысле, как она хотела, потому что ее путь был неверен. Если уж эта разветвленная радиосхема попала в живой организм, не было иного пути, чтобы извлечь ее оттуда, кроме смерти.

Она связалась с полицейским департаментом. Там не имели объектов для опытов, но очень хотели снабдить ее ими для своих собственных целей.

— Объект для опытов, — повторил Жэдивер. — Ух! Я был для нее подопытной морской свинкой.

Голова его тяжело опустилась.

— Почему вы мне не сказали об этом с самого начала?

— Могли вы слушать, когда я впервые с вами соединился? — спросил робот. — Позже, возможно. Но с того момента, когда вы спрятались за щит, я уже не мог проникнуть к вам до тех пор, пока вы не пришли к Думья Филоне.

Слушал ли Жэдивер? Нет — до тех пор, пока разговор не затронул принципов нечестного отбора. Даже теперь ему была ненавистна мысль о необходимости покинуть Венеру. Это было более, чем ненависть. Как раз сейчас, когда он обладал совершеннейшим роботом и его сердцем овладела совершеннейшая женщина — все было потеряно.

Робот — его друг. Жэдивер знал об этом. Его собрали другие, но по его идее, и он был соединен с ним общей

нервной системой. Он обладал таким же великолепным мозгом, как его собственный, и он не осуждал его слабости.

— Она вам нравится, — продолжал робот. — В Солнечной системе она никогда не станет ничем иным, кроме того второсортного существа, каким она является. Ей хочется стать первой. Но Солнечная система уже не та, какой она была когда-то. Она подобна обществу, приходящему в упадок так медленно, что люди даже не замечают, что происходит. Правда, есть еще люди, могущие подняться даже из трущоб, но они — редкие исключения. Другие нуждаются в более благоприятных возможностях, чем можно обрести в трущобах. Они их покидают, если хотят свободно развиваться. Но ловушка цивилизации сильна, и тяжело убедить их в том, что они должны уйти.

Робот приостановился.

— Посмотрите в последний раз на эту больную зону космоса.

Снаружи мерцали планеты.

Жэдивер устал, его глаза сами закрывались. Теперь он мог спать в безопасности, но... без мира в душе.

— Не сожалейте ни о чем, — посоветовал робот. — Когда вы собирались, вы думали о настоящих делах, о новых конструкциях... Но не надо больше никаких красивых лиц для роботов...

— Где это — Альфа Центавра? — спросил Жэдивер без интереса.

— Корабль наш отбыл вчера по земному времени, за час до срока. Мы летим — к Сириусу.

Сириус. Могучее солнце с похожими планетами. Эта часть Галактики обещала оказаться огромной. Огромной и одинокой.

— Я не могу заставить вас действовать, — грустно сказал робот. — Но у меня есть для вас новость.

Робот щелкнул своим багажником. Открылось пустое пространство, — своего рода маленькая кладовка — в ней находилась женщина.

Она была крепко связана.

— Не думаю, что вы понравитесь ей сейчас, — сказал робот. — Она скажет вам об этом, как только получит возможность говорить. Вероятно, позже она смягчится, когда осознает в действительности, что это такое — жизнь на Сириусе.

Глазные впадины робота уставились на Жэдивера с интересом.

— Думаете, как освободить ее от пут? А вы не забыли, что это вещество отталкивается вашей кожей?..

Жэдивер с силой напряг руки, путы упали. Как и предсказывал робот, Думья Филоне не стала молчать — вначале.

Зверушка Боулдена

Доставая дары, он заметил, что у него дрожат руки. На Земле это было бы симптомом обыкновенного гриппа, в системе Центавра — началом конца. Но Ли Боулден находился на Ван-Даамасе, а потому не знал, что означает такая дрожь. На эту планету земляне попали совсем недавно и еще не успели изучить ее болезни. А освоение новых планет всегда связано с риском.

Впрочем, Боулден не слишком встревожился и продолжал спокойно пересчитывать дары. Он почувствовал, что нездоров, около часа назад. Еще будет время принять меры, когда он вернется в поселок — всего каких-нибудь двенадцать часов полета. На базе есть все новейшие лечебные средства.

Он сложил дары аккуратной пирамидой, стараясь, чтобы они выглядели повнушительнее: пять пар лока торных очков, семь скорострельных карабинов и к ним семь коробок патронов. Земляне свято соблюдали местный обычай, требовавший, чтобы число даров обязательно было нечетным.

Вандаамасец бесстрастно смотрел на дары. В руке он держал лук непривычной формы, а с бедра у него свисал колчан. Все стрелы, кроме одной, были выкрашены яркой краской — алой или оранжевой. Наверное, чтобы легче находить их после промаха, решил Боулден. Среди этой пестроты взгляд останавливала стрела глубоко-

го синего цвета. Боулдену еще не приходилось видеть аборигена без синей стрелы в колчане.

Вандаамасец продолжал стоять неподвижно, и ледяной ветер с гор трепал легкую тунику, которая нисколько не защищала от холода.

— Я иду говорить с другими, — сказал он наконец на языке землян.

— Иди поговори, — ответил Боулден, стараясь подавить дрожь. Эта фраза исчерпала его познания в туземном диалекте, и он продолжал уже на родном языке. — Дары возьми с собой. Они принадлежат вам, что бы вы ни решили.

Абориген кивнул и взял очки. Примерив их, он поглядел на окутанные густым туманом склоны гор. Казалось бы, вандаамасцев локаторные очки не должны были особенно интересовать. Жизнь в горах развила у них такую остроту зрения, что густая мгла смущала их не больше, чем землян утренняя дымка. Но как ни странно, именно очки они ценили больше всего. Возможность видеть гораздо дальше обычного была для них заманчивее даже карабинов.

Абориген сдвинул очки на лоб и радостно улыбнулся. Заметив, что Боулден дрожит, он взял его руки в свои и внимательно осмотрел их.

— Руки больны? — спросил он.

— Немножко, — сказал Боулден. — К утру все пройдет.

— Я иду говорить, — повторил абориген и, собрав дары, удалился.

Ли Боулден сидел у вертолета и ждал, стараясь угадать, пользуется ли этот абориген каким-нибудь влия-

нием среди своих соплеменников. Правда, они прислали для переговоров именно его, но, возможно, только потому, что он объясняется на языке пришельцев лучше остальных.

А придут ли аборигены работать в поселок, они решат на общем совете. Если дары им понравятся, они, возможно, и согласятся. Пока же ему оставалось только ждать — и стараться унять дрожь. Руки у него онемели, да и ноги совсем отнимались.

Вскоре из тумана вынырнул абориген, держа продолговатую корзину. Боулден расстроился: всего один дар в ответ на очки, карабины и патроны! Такая пропорция не сулила ничего хорошего. Нет, они не согласились.

Абориген поставил корзинку и молча посмотрел на Боулдена.

— Люди говорили? — спросил Боулден.

— Мы говорили прийти, — ответил абориген, загибая пальцы. — Через пять и семь дней мы прийти.

Это была приятная неожиданность. Неужели одна сплетенная из прутьев корзинка равна такому количеству великолепных достижений высочайшей цивилизации? По-видимому, аборигены придерживались подобного мнения. У них была своя шкала ценностей. Одну пару очков они предпочитали трем карабинам, а пачка иголок более чем соответствовала коробке патронов.

— Это хорошо, что вы придете. Я сразу же отправлюсь в поселок, чтобы передать ваши слова, — сказал Боулден.

В корзине что-то копошилось, но прутья плотно прилегали друг к другу, и сквозь них он не мог ничего рассмотреть.

— Оставайся, — посоветовал абориген. — С гор идет буря.

— Я пролечу стороной, — ответил Боулден.

Если бы он был здоров, то, пожалуй, принял бы приглашение. Но надо скорее вернуться в поселок, поближе к врачам. На малоизвестной планете самое легкое нездоровье может обернуться бог знает чем. К тому же он потратил лишние двое суток на розыски племени в этом дьявольском тумане, и на базе, наверное, уже беспокоятся.

— Лети далеко стороной, — сказал абориген. — Идет большая буря.

Он взял корзину, поднес ее к дверце и открыл крышку. Оттуда выскочило какое-то животное и юркнуло в кабину.

Боулден скосил глаза вниз и увидел в полумраке два светящихся кружка. Он не рассмотрел, что это была за тварь, и его вовсе не устраивало, что она сможет хозяйничать в кабине, как ей вздумается. Тем более, что лететь придется в бурю. Он предпочел бы получить такой презент в корзине. Но животное плюс корзина составили бы два дара, а четные числа были для жителей планеты неприемлемы.

— Он ничего плохого не делать, — сказал абориген. — Он добрый друг.

Насколько было известно Боулдену, у аборигенов почти не было домашних животных, а о «животных-друзьях» ему и вовсе не приходилось слышать. Боулден

включил освещение кабины. А! Один из таинственных зверьков, которых каждое племя держит в клетках на самой окраине лагеря. Зачем они были им нужны, никто не знал — аборигены либо не могли, либо не считали нужным это объяснять.

По-видимому, их не ели, и уж, во всяком случае, не использовали как рабочий скот. И вопреки тому, что сказал абориген, они не были «друзьями» наподобие собак или кошек: никто не видел, чтобы местный житель приласкал такое животное, да они и не бродили по лагерю на свободе. А главное, до сих пор землянам не позволяли подходить близко к этим животным — ученые в поселке придут в восторг от такого подарка.

— Трогай его, — сказал абориген.

Боулден протянул дрожащую руку, и животное подбежало к дверце. Его желтые глаза смотрели умно и дружелюбно. Ростом оно было с небольшую собаку, но походило на изящного миниатюрного медведя с глянцево-оранжевым мехом. Боулден погладил мохнатую спину, и по его пальцам разлилась теплота. Зверек изогнулся и облизал его руку.

— Теперь он знает твой вкус, — сказал абориген. — Теперь хорошо. Он твой.

И, повернувшись, он исчез в тумане.

Боулден забрался в кабину и запустил моторы, а зверек вскарабкался на сиденье рядом с ним. Непонятно, почему аборигены держат такие ласковые существа в клетках!

Он начал резко набирать высоту, прикидывая, где лучше пересечь горы, чтобы уйти от надвигающегося урагана. В тумана вершины были неразличимы, и ему

пришлось снизиться и следовать извивам долины. Он летел со скоростью, максимально допустимой при плохой видимости, но тем не менее через несколько минут ураган его настиг. Боулден попытался подняться выше верхней границы воздушных потоков, но у этого урагана как будто не было верхней границы. Под вертолетом простиралась местность, нанесенная на карту лишь условно, а буйство электрической энергии вокруг почти парализовало радиолокатор.

Сжимая рычаги управления, Боулден внезапно почувствовал ноющую боль в плечах. Руки у него совсем онемели, ноги налились свинцом. Зверек прижался к его боку, и ему пришлось оттолкнуть пушистый комок локтем. На мгновение он обрел ясность мысли. Нельзя терять времени. Надо приземлиться и переждать бурю — если удастся найти место для приземления.

Несколько раз согнув пальцы, Боулден заставил их слушаться и пошел на снижение. Впереди возник каменный обрыв. Он сделал крутой вираж и продолжал поиски.

Наконец он нашел подходящее место — узкую долину, в какой-то мере укрытую от ветра, — и выбросил якорь. Если ничего непредвиденного не произойдет, якорь выдержит.

Боулден опустил спинку, так что сиденье превратилось в постель, и, не найдя в себе сил заняться ужином, сразу уснул. Когда он проснулся, ураган бушевал по-прежнему, а зверек мирно посапывал, прикорнув у него под мышкой.

Боулден почувствовал себя настолько сносно, что решил перекусить. Абориген не объяснил, чем следует

кормить зверька, но тот с удовольствием съедал все, что протягивал ему Боулден. По-видимому, он был всеяден, точно человек. Прежде чем снова лечь, Боулден опустил спинку другого сиденья, но зверек предпочел опять прижаться к нему, и он не стал его отгонять: исходившее от зверька тепло было очень приятным.

Так, засыпая и просыпаясь, Боулден переживал бурю. Она продолжалась полтора дня. Наконец тучи рассеялись. С тех пор как он заболел, прошло два дня и четыре — с тех пор, как он покинул поселок.

Боулден решил, что поправился. Онемение в руках почти прошло, в глазах не двоилось. Он посмотрел на зверька, который свернулся у него на коленях и поглядывал снизу вверх большими желтыми глазами, словно приглашая человека затеять веселую возню. Но не позволять же ему резвиться во время полета!

— Пойдем-ка, зверушка, — сказал Боулден, не зная, как его иначе назвать. — Нам пора отправляться в путь.

Он оттащил своего нового приятеля в дальний угол кабины, соорудил там подобие клетки и, убедившись в ее прочности, посадил в нее зверька. Следовало бы сделать это сразу же, но он слишком скверно себя чувствовал, да и времени не было, а к тому же абориген мог обидеться на такое обращение с его подарком. Пожалуй, все вышло к лучшему.

Зверьку явно не нравилось сидеть взаперти. Некоторое время он тихонько повизгивал, но смолк, когда взревели моторы. Боулден поднялся прямо вверх до высоты, откуда уже можно было наладить связь. Кратко сообщив про согласие аборигенов и про собственную болезнь, он взял курс на базу.

Десять часов Боулден летел на предельной скорости; обедать он не стал и только время от времени грыз плитки концентраторов. Зверек иногда повизгивал, не Боулден уже научился его понимать и знал, что он не голоден и не просит пить, а просто хочет быть поближе к нему. Он же хотел только одного: скорее вернуться на базу.

Когда он пошел на посадку, разбросанный по равнине поселок показался ему удивительно красивым. От ангаров к вертолету бежали механики. Они открыли дверцу, он шагнул на дорожку и упал ничком. Руки и ноги у него отнялись совсем. Он не выздоровел.

Доктор Кесслер, шурясь, смотрел на Боулдена сквозь микроэкран, из-за которого его лицо казалось вытянутым и туманным. Микроэкран представлял собой сферическое силовое поле, окружавшее голову врача. Поле это генерировалось кольцом, надетым на шею поверх воротника защитного комбинезона. Оно уничтожало любые микроорганизмы, приходившие в соприкосновение с ним. Комбинезон был абсолютно непроницаем и не имел других отверстий, кроме ворота. Материал у кистей был тонкий, а на подошвах утолщен.

Все это Боулден заметил с первого взгляда.

— Настолько серьезно? — с усилием выговорил он.

— Простая предосторожность, — голос врача казался глухим, так как микроэкран искажал и звуки. — Не более. Мы знаем, что с вами, но пока еще не выбрали эффективного лечения.

Боулден скривил губы. Микроэкран и защитный комбинезон говорили сами за себя.

Врач подкатил к нему небольшой аппарат и осторожно зажал его руку в узком желобе. Окуляр скользнул за микроэкран, и Кесслер принялся исследовать руку своего пациента от кончиков пальцев к локтю и дальше к плечу. Наконец он остановил линзу.

— Тут граница чувствительности?

— Кажется... Потрогайте. Да, ниже все словно онемело.

— Отлично. В таком случае все ясно. Это «пузырчатая смерть».

Боулден переменился в лице, и врач засмеялся.

— Не тревожьтесь. Название подсказала картина, наблюдаемая в рентгеномикроскопе. Правда, эта штука убила всех членов разведывательной экспедиции, которая открыла Ван-Даамас, но вам ничего страшного не грозит.

— Но у них же были и антибиотики, и необиотики!

— Конечно. Но малого спектра действия. К тому же они имели дело с неизвестным фактором, не говоря уж об отсутствии оборудования, которым располагаем мы.

Все это звучало утешительно. Но тревога Боулдена не прошла.

— Приподнимитесь и посмотрите сами, — сказал Кесслер, наклоняя окуляр так, что Боулден мог в него заглянуть. — Темные нити — это нервы. Видите, чем они окружены?

Доктор поправил наводку на фокус — и Боулден увидел, что каждая ниточка покрыта бесчисленными шариками, которые полностью изолировали ее от окружающей ткани. Так вот почему он ничего не чувствует! Сферические микроорганизмы действительно были по-

хожи на пузырьки. Ему показалось, что самый нерв несколько не поврежден.

Пока он смотрел, врач ввинтил еще один окуляр для себя и нажал кнопку сбоку. Из линзы, прижатой к руке, выскользнула почти невидимая игла и вонзилась в мышцу. Боулден увидел ее, когда она вошла в поле зрения микроскопа, но никакого укола он не ощутил. Игла медленно приблизилась к темной нити, однако не прикоснулась к ней.

Игла была полый внутри, и, когда Кесслер нажал еще на одну кнопку, она начала всасывать крохотные шарики через гибкий щупик, который двигался вдоль нерва. Когда небольшой участок очистился от микроорганизмов, щупик исчез в игле, а Боулден почувствовал легкую боль.

Кончив, Кесслер осторожно освободил руку Боулдена, откатил аппарат к стене, извлек из него небольшую капсулу и опустил ее в приемник на дверной панели. Затем он вернулся к постели и сел.

— Вы это и сделаете? — спросил Боулден. — Отсосете их?

— Нет. К сожалению, в человеческом теле слишком много нервов. Если бы у нас было десять аппаратов и достаточное число специалистов, мы смогли бы кое-как задержать их распространение в одной руке, но не больше, — он откинулся к стене вместе со стулом. — Я просто взял еще одну пробу. Мы проверяем, на что и как реагируют эти микроорганизмы.

— Еще одну пробу? Значит, вы их уже брали?

— Конечно. Мы на некоторое время усыпили вас, чтобы вы хорошенько отдохнули. — Стул опустился на все

четыре ножки. — Не то у вас очень легкая форма, не то вы обладаете сильнейшим врожденным иммунитетом. С появления первых симптомов прошло уже трое суток, а болезнь все еще находится в начальной стадии. С первой экспедицией она покончила за два дня.

Боулден уставился в потолок. Рано или поздно они научатся ее лечить, только доживет ли он до этого?

— Я догадываюсь, о чем вы думаете, — сказал врач. — Но не забывайте, что мы пользуемся новейшим оборудованием. Мы поместили культуру в ультразвуковой акселератор и убыстряем жизненный цикл этих организмов в десять раз. К вечеру мы уже будем знать, какие наши анти— и антибиотики им меньше всего по вкусу. Эти крошки — крепкий орешек, невероятно крепкий, но будьте спокойны: мы отыщем их уязвимое Место.

Доктор продолжал свои объяснения, а Боулден лежал, словно оцепенев, но мозг его лихорадочно работал.

Микроорганизмы в первую очередь поражали нервные окончания пальцев на руках и ногах. Врачебная бригада добралась до Ван-Даамаса, когда участники первой экспедиции не только умерли, но трупы их уже успели разложиться и микроорганизмы утратили активность. Тем не менее можно было с достаточной уверенностью сказать, что смерть наступила только после того, как роковые шарики достигли головного мозга. А раньше, пока микроорганизмы продвигались по нервным стволам, они не вызывали никаких необратимых изменений.

Это, во всяком случае, было приятно слышать: либо он выздоровеет, либо умрет, но участь беспомощного калеки ему не грозит. Еще одним козырем был ультразвуковой акселератор. Установив естественный резонанс этой одноклеточной твари, медики успеют вырастить и изучить в лаборатории десять поколений за то время, пока в его организме завершится жизненный цикл всего лишь одного. Если не считать участников разведывательной экспедиции, Боулден оказался первым землянином, заразившимся этой болезнью, так что врачи впервые наблюдали ее течение, но времени у него было больше, чем он думал.

— Вот так, — закончил Кесслер. — Ну, а теперь нам необходимо узнать, где вы побывали.

— Вертолет снабжен автоматическим бортовым журналом, — ответил Боулден. — Он фиксирует все приземления.

— Я знаю. Но координатная сетка еще недостаточно точна, и пройдет несколько лет, прежде чем мы сможем установить места ваших посадок с ошибкой, не превышающей несколько футов. — Врач развернул большую фотокарту с несколькими пометками, надел на Боулдена стереоскопические очки и дал ему карандаш. — Вы сумеете?

— Наверное.

Его пальцы почти не гнулись, и он ничего не ощущал, но прижать карандаш к карте он еще мог. Кесслер пододвинул карту поближе, и перед глазами Боулдена возникла знакомая местность. Некоторые подробности он различал даже лучше, чем в натуре, потому что на

карте не было тумана. Когда он внес несколько поправок, Кесслер снял с него очки и убрал карту.

— Полеты туда нужно будет прекратить, пока мы не найдем надежного лечения. А вы не заметили там каких-нибудь особенностей?

— Это все горы.

— Следовательно, на равнине нам, пожалуй, опасаться нечего. А какие-нибудь животные там были?

— Близко ко мне ни одно не подходило. Разве что птицы...

— Переносчик, вероятнее всего, какое-нибудь насекомое. Ну, искать хозяина и переносчиков — это наше дело. А вам нужно беречь силы. Здесь вы в такой же безопасности, как и на Земле.

— Вот именно, — ответил Боулден. — А где моя зверушка?

Доктор засмеялся.

— Тут вы пожали лавры. Биологи точили зубы на это животное с тех самых пор, как мельком увидели их в туземном лагере.

— Пусть глядят на него, сколько им хочется, — заявил Боулден. — Но и только. Это личный подарок.

— А вы уверены?

— Так сказал абориген, который мне его дал.

Доктор вздохнул.

— Я им передам. Их это не обрадует, но мы должны считаться с обычаями аборигенов, если хотим наладить с ними сотруничество.

Боулден улыбнулся. По крайней мере полгода его зверушке ничего не будет угрожать. Любопытство биологов можно понять, но на новой планете у них найдется

ся много других способов его удовлетворить. А зверушка принадлежит ему. Странно, что за каких-то два дня он успел так привязаться к мохнатому зверьку. И ведь это редкость — человек сталкивался с подобными приятными сюрпризами, не чаще, чем на одной планете из пяти. Это бесполезное, абсолютно бесполезное существо обладало тем не менее одним неоспоримым достоинством: между ним и человеком сразу же возникала взаимная теплая симпатия. Да, в нем человек обретал друга.

— Отлично, — сказал Боулден вслух. — А все-таки — где моя зверушка?

Врач пожал плечами, но это движение было почти незаметным в бесформенном защитном комбинезоне.

— Не могли же мы ей позволить бегать по улицам! Она в соседней палате, где за ней ведется наблюдение.

Боулден понял, что медик озабочен гораздо больше, чем старается показать. В маленькой больничке не было помещения для лабораторных животных.

— Этот зверек — не носитель, — сказал он твердо. — Я заболел до того, как мне его подарили.

— Да, мы знаем. Но чем? И даже если вы правы, животное соприкасалось с вами и могло превратиться в источник инфекции.

— По-моему, обитателей планеты эта болезнь не поражает. Аборигены бывали во всех местах, где я приземлялся, и они, по-видимому, ею не болеют.

— Разве? — сказал врач, вставая. — Может быть. Но делать окончательные выводы пока еще рано.

Подойдя к двери, он извлек из стены шнур и подключил его к своему комбинезону, а затем расставил ноги и

раскинул руки. На мгновение комбинезон раскалился добела — лишь на мгновение, и все же, несмотря на теплоизоляционную прокладку, это, вероятно, была малоприятная процедура. А ведь ту же операцию предстояло повторить снаружи. Нет, медики явно предпочитали не рисковать.

— Попробуйте уснуть, — сказал Кесслер. — Если в вашем состоянии произойдут какие-нибудь изменения, позвоните. Даже если они покажутся вам совсем незначительными.

— Хорошо, — ответил Боулден.

И почти сразу же заснул. Сон приходил к нему удивительно легко.

Сестра вошла настолько бесшумно, насколько позволял защитный комбинезон. Но Боулден проснулся. Был уже вечер. Он проспал почти весь день.

— Вы — которая из них? — спросил Боулден. — Хорошенькая?

— Сестры тогда хорошенькие, когда больной их слушается. Ну-ка, проглотите вот это.

Он узнал Пегги, но с сомнением посмотрел на то, что она ему протягивала.

— Как? Целиком?

— Конечно. Вы только проглотите, а уж вытащу его я сама. Зонд вам вреда не причинит.

Пегги начала водить по его телу маленьким прибором, поглядывая на циферблат, который держала в другой руке. Он знал, что показания фиксируются прямо на диаграмме где-то в другом помещении. По видимому, это был прибор для измерения биотоков, который позволял косвенным образом следить за раз-

витиём болезни. Значит, они уже разработали новые диагностические методы! Эх, если бы они настолько же продвинулись и с лечением!

Сестра умело извлекла зонд, посмотрела на шкалу и положила его в приемник на стене. Затем она поставила на тумбочку поднос и велела Боулдену поужинать. Он хотел расспросить ее, но она так настаивала, что он должен был подчиниться. Врачи учли, что он частично парализован, и еда была жидкой. Возможно, она отличалась особой питательностью, но показалась ему удивительно невкусной.

Сестра убрала поднос и села возле его постели.

— Ну, теперь мы можем и поболтать, — сказала она.

— Что происходит? — резко спросил Боулден. — Когда меня начнут лечить? Ведь пока мне еще не сделали ни единого укола.

— Я не знаю, что подыскивают для вас врачи. Я же просто сестра.

— Не морочьте мне голову, — рассердился он. — Вы тоже доктор и в случае необходимости могли бы заменить Кесслера.

— Ну, хорошо, будь по-вашему, — ответила она весело. — Но мой врачебный диплом действителен только на Земле, а право практиковать тут я получу, не раньше, чем закончу инопланетную практику.

— Про Ван-Даамас вы знаете не меньше других!

— Не спорю, — ответила она. — Только не нужно волноваться. Я думаю, вы и сами догадываетесь: ни антибиотики, ни необиотики не дали положительного результата ни порознь, ни в сочетании друг с другом. Мы ищем чего-то совсем нового.

Да, он должен был догадаться — и все же он продолжал надеяться. Поглядев на бесформенную фигуру у кровати, Боулден представил себе Пегги в обычном костюме. А может быть, он как личность их уже не интересуется? И они работают над тем, как предотвратить эпидемию?

— Как же оцениваются мои шансы?

— Выше, чем вы полагаете. Мы ищем дополнительный фактор, который обеспечит антибиотикам действенность.

Про это он не подумал, хотя к такому средству прибегали нередко, особенно на необжитых планетах. Он слышал, что распространенная в системе Центавра вирусная инфекция была побеждена, когда один из антибиотиков начали сочетать с аспирином, хотя в отдельности они не оказывали абсолютно никакого действия. Однако установить, что именно следовало добавлять к тому, другому или третьему антибиотику, можно было только путем бесчисленных проб. Это требовало времени, а времени у него не было.

— Еще что-нибудь? — спросил он.

— Достаточно и этого. Мы вовсе не хотим внушать вам, будто положение несерьезно. Но не забывайте, что мы работаем в десять раз быстрее, чем успевают размножиться возбудители болезни. И с минуты на минуту уже можно ждать результатов. — Она встала. — Дать вам снотворное?

— У меня достаточно снотворного в руках и ногах. И похоже, что скоро я усну очень крепко.

— Что мне особенно нравится, так это ваша бодрость, — сказала она, наклоняясь и застегивая что-то вокруг

его шеи. — Может быть, вам интересно будет узнать, что сегодня ночью нам предстоит большая работа. Конечно, мы могли бы оставить кого-нибудь подежурить тут, но нам казалось, что вы предпочтете, чтобы мы все были заняты в лаборатории.

— Конечно, — ответил он.

— Сейчас я включу датчик, и он будет следить за всеми процессами, протекающими в вашем организме. Если вам что-нибудь понадобится, позвоните, и кто-нибудь сразу придет.

— Спасибо, — сказал он. — Постараюсь сегодня не паниковать.

Она подключила свой комбинезон к шнуру и после вспышки исчезла за дверью. После ее ухода датчик сразу же утратил успокаивающую силу. Боулден предпочел бы что-то более эффективное.

Они намерены работать всю ночь напролет, но есть ли у них реальная надежда на успех? Что сказала Пегги? Ни один из анти— или необиотиков не дал положительных результатов. Она не заметила, что проговори-лась. Реакция была негативной — другими словами, пущырчатые микроорганизмы, попадая в среду, которая должна была бы их уничтожить, начинали, наоборот, развиваться более бурно. Подобные явления наблюдались на отдельных планетах. Такое уж его везенье, что это произошло именно с ним!

Боулден отогнал эти мысли и попытался уснуть. На некоторое время это ему удалось. Он проснулся оттого, что его руки затлели — так, во всяком случае, ему почудилось в первую секунду. Казалось, что где-то глубоко внутри них пылает огонь. В незначительной степени

они его еще слушались. Он мог шевелить ими, хотя кожа ничего не ощущала. До этого момента основные нервы оставались почти не затронутыми. Но теперь инфекция от поверхности распространялась в глубину. Она достигла локтей и продолжала двигаться дальше. На три-четыре пальца ниже плеча он уже ничего не чувствовал. Развитие болезни ускорилось. Если они взвешивали возможность ампутации, то теперь прибегать к ней все равно было поздно.

Боулдену хотелось закричать, но он сдержался. Придет сестра и останется с ним, но он оторвет ее от работы, которая еще может спасти ему жизнь. Инфекция достигнет плеч и поползет по груди и спине. Она доберется до гортани — и он утратит возможность говорить. Она парализует веки — и он перестанет даже мигать. А может быть, и ослепнет. И тут она отыщет лазейку, ведущую в его мозг.

И тогда произойдет взрыв. Все функции его организма либо прекратятся, либо хаотически усилятся по мере того, как регулирующие центры начнут отключаться один за другим. Температура его тела поднимется до смертоносного предела или же, наоборот, упадет. Смерть окажется на редкость мучительной или легкой и незаметной...

Вот почему он не позвал сестру.

И еще потому, что услышал странный звук.

Это было что-то среднее между мурлыканьем и молящим визгом. Он узнал голос животного, которое ему подарил абориген. Его же посадили в клетку в соседней палате! Впоследствии Боулден сам не мог объяснить, почему он сделал то, что сделал. Он не знал, руководил

ли им разум или инстинкт. Но ведь эти понятия противоположны, а потому, в сущности, неприменимы к человеческому сознанию, поскольку оно едино и неделимо.

Боулден соскользнул с кровати. Стоять он не мог и кое-как пополз, опираясь на локти и колени. Боли он не испытывал. Только кости пылали по-прежнему. Он добрался до двери, выпрямился, не поднимаясь с колен, и поднес руку к дверной ручке, но ухватиться за нее не сумел. После нескольких неудачных попыток он уперся в ручку подбородком и опустил ее. Дверь отворилась, и он оказался в соседней палате. Почувствовав его приближение, зверек завизжал громче. Боулден увидел в углу два желтых горящих кружка и пополз к клетке.

Она была заперта на защелку. Зверек дрожал от нетерпения и всем телом налегал на сетку, стараясь прикоснуться к его рукам. Боулден дотянулся до задвижки, но его парализованные пальцы не могли повернуть ее. Зверек нежно их облизал.

Потом все пошло легче. Боулден не чувствовал, что делают его пальцы, но задвижка вдруг повернулась и зверек выскочил из клетки прямо ему на грудь.

Боулден упал на пол, но только обрадовался: он уже не сомневался, что его догадка верна. Аборигены подарили ему зверька не просто так. Они жили в условиях тяжелой борьбы за существование и не могли бы содержать бесполезных любимцев. Нет, этот зверек был чрезвычайно полезен. Он терся в темноте о его бесчувственные руки, и из густого меха брызгали голубые искры. Теперь он не визжал, а громко и раскатисто мур-

лыкал, облизывая пальцы Боулдена, катаясь по его ногам.

Через несколько минут Боулден решил, что, пожалуй, сможет добраться до своей палаты и кровати, опираясь на зверька. Он кое-как упал поперек одеяла, совсем обессилев. Кровь плохо циркулировала в его полупарализованном теле. Зверек вскочил на кровать и ласково прижался к нему. Боулден был слишком слаб, чтобы оттолкнуть его, да ему вовсе и не хотелось этого делать. Подергавшись, он принял более удобную позу. Ну нет, теперь он не умрет!

Утром Боулден проснулся задолго до прихода врача. Лицо Кесслера казалось измученным, и улыбался он механически. Если бы он знал, во что превращает его улыбку микроэкран, то немедленно отказался бы от этой попытки ободрить своего пациента.

— Как я вижу, вы держитесь молодцом, — заметил он с наигранной веселостью. — Ну, и у нас дела идут неплохо.

— Поздравляю, — сказал Боулден. — Неужели вы добились того, что хоть какой-нибудь антибиотик перестал стимулировать размножение этих шариков?

— Я очень боялся, что вы догадаетесь, — со вздохом пробормотал врач. От вас ничего не скроешь!

— Вы могли бы закатить мне физиологический раствор и сказать, что это совершенно новое и очень действенное средство!

— Медицина отказалась от такого метода уже века два назад. Заметив, что улучшения не наступает, вы сразу почувствовали бы себя хуже. Освоение новых планет гладко не проходит, и мы имеем дело с вполне реаль-

ными, а не воображаемыми опасностями. Приходится принимать факты такими, какие они есть.

Он прищурился и посмотрел на Боулдена с некоторой растерянностью. Микроэкрэн был помехой и для его глаз.

— Мы кое-чего достигли, хотя вы можете мне и не верить. В необиотике, к которому добавлены соль кальция и два антигистаминных препарата, микроорганизмы перестают развиваться быстрее обычного. Несколько изменить состав... может быть, на калиевую соль... и баста! Тут они и протянут ножки.

— Эффективность этого средства представляется мне сомнительной, заметил Боулден. — Вообще мне кажется, что вы пошли неверным путем. Попробуйте посмотреть, что даст индукция биотоков.

— О чем вы говорите? — с недоумением спросил врач, подходя поближе и подозрительно вглядываясь в бугорок у коленей Боулдена. — У вас бред? Вы заметили что-то необычное?

— Не кричите на больного! — Боулден укоризненно покачал пальцем, испытывая невероятную гордость. Правда, пальца он не ощущал, но все же палец его слушался! — Вам, Кесслер, придется принять тот факт, что доктору иной раз следует поучиться у больного тому, чему больной научился у абorigенов.

Но Кесслер не слышал его слов. Он, как замороженный, уставился на поднятую руку Боулдена.

— Ваши движения выглядят почти нормальными, — сказал он. — Ваш иммунитет превозмог болезнь!

— Конечно, у меня есть иммунитет, — ответил Боулден. — Такой же, как и у аборигенов. Но только не внутренний, а внешний.

Он положил ладонь на зверька под одеялом. Зверек не захотел расставаться с ним — ну что же, теперь они всегда будут вместе.

— Доктор, некоторые ваши сомнения я все-таки могу рассеять. Аборигенов эта болезнь тоже поражает. Вот почему они заметили ее симптомы у меня. И дали мне вернейшее лечебное средство, и показали, как им пользоваться. Но понял я, в чем суть, только когда уже было почти поздно. Вот мой иммунитет, — и, откинув одеяло, он показал на зверька, который уютно свернулся у него в ногах. Зверек поднял голову и лизнул ему пальцы. И Боулден почувствовал прикосновение розового язычка!

Выслушав объяснения, врач несколько умерил свое негодование. Хотя это и было неслыханным нарушением антисептики и гигиены, он не мог не признать, что больному стало много лучше. С помощью рентгеномикроскопа Кесслер тщательно исследовал руки и ноги Боулдена. Откатив аппарат к стене и зачехлив его, он сказал:

— Инфекция, несомненно, пошла на убыль. На многих прежде пораженных участках мне не удалось обнаружить ни одного микроорганизма. Но я не понимаю, чем это объясняется. Вы утверждаете, что животное только лижет вас, а не покусывает, и, следовательно, в кровь к вам от него ничего не попадает. Достаточно как будто и того, что оно находится возле вас... — Он показывал головой. — Аналогия, которую вы провели с электросетью, не показалась мне убедительной.

— Я сказал первое, что пришло в голову. Я не утверждаю, что это обязательно так, но, во всяком случае, отрицать подобную возможность тоже нельзя.

— С другой стороны, микроорганизмы действительно скапливаются на нервах, — задумчиво произнес врач, — а мы знаем, что нервная энергия в какой-то мере является электрической. Если повысить ее уровень, микроорганизмы могут погибнуть в результате ионной диссоциации, — он испытующе посмотрел на зверька. — Может быть, вы и правда заимствуете нервную энергию у этого животного. В таком случае появляется возможность лечить эту болезнь электричеством.

— Только на мне своего метода, пожалуйста, не проверяйте! запротестовал Боулден. — Я побыл в роли подопытного кролика, и хватит! Возьмите человека здорового, а я останусь верен туземному способу.

— Мне и в голову не пришло бы ставить на вас эксперименты, пока вы в таком состоянии. Ведь еще нельзя считать, что вам уже не угрожает опасность.

Однако Кесслер выдал себя, покидая палату: он не включил комбинезон в сеть и не вспыхнул.

Боулден улыбнулся этому его упущению и погладил мягкий мех. Скоро он будет совсем здоров!

Однако его выздоровление шло медленнее, чем он рассчитывал, хотя Кесслер, продолжавший свои опыты, был, по-видимому, доволен. Роковые пузырьки оказалось возможным уничтожать с помощью электричества, однако для этого требовалась сила тока, опасная для пациента. Единственным надежным средством оставалась зверушка Боулдена.

Кесслер обнаружил, что микроорганизм нуждается в промежуточном хозяине. Скорее всего, таким хозяином был комар или клещ. Чтобы установить это точно, потребовалось бы провести длительные изыскания в горах. Но, во всяком случае, сложные предосторожности против инфекции оказались излишними. Микроэкрааны и защитные комбинезоны были отправлены на склад. Заразить Боулден никого не мог.

Как и его зверек, у которого самая тщательная проверка не обнаружила никаких паразитов. Он был чистоплотным и ласковым, и гладить его было одно удовольствие. Боулдену повезло, что самая страшная болезнь Ван-Даамаса излечивалась таким простым способом.

Однако прошло еще несколько дней, прежде чем он достаточно окреп и мог покинуть маленькую больницу на окраине поселка. Сначала ему позволяли только сидеть в постели, потом разрешили ходить по палате. По мере того как Боулден набирался сил, зверек все больше времени проводил на кровати, довольствуясь тем, что не спускал с него глаз. Он уже не прыгал и не резвился, как прежде. Потому что стал совсем домашним, объяснил Боулден сестре.

Наконец, настало утро, когда Кесслер не сумел обнаружить в организме Боулдена ни одного шарика. Силы, вернувшиеся к нему, и вновь обретенная чувствительность кожи на руках и ногах также свидетельствовали о полном выздоровлении. И его выписали. Пегги поручили проводить его домой. Возможность побыть в ее обществе была ему только приятна.

— Я вижу, вы совсем собрались! — сказала она, посмеиваясь над его оживлением.

— Конечно! — воскликнул он и, повернувшись к кровати, скомандовал: Пошли, Зверушка!

Зверек поднял голову, а Пегги снова засмеялась.

— Вы его еще никак не назвали? А пора бы!

— Но его зовут Зверушка! — возразил Боулден. — Как мне его еще именовать — Доктор? Герой?

Пегги наморщила нос.

— Да, пожалуй, это не очень звучит, хотя он и спас вам жизнь.

— Да, но это от него не зависело. Зато у него есть все свойства очаровательной домашней зверушки. Ласковый, послушный, иногда шаловливый и очень чисто-плотный. А главное, он хочет только одного: быть поближе к хозяину и тереться о его ноги.

— Ну, так зовите его Зверушкой, и дело с концом, — ответила Пегги. Идем, Зверушка!

Однако зверек не обратил на нее никакого внимания и медленно слез с кровати, только когда его позвал Боулден. Он старался не отставать от него ни на шаг, и сначала это ему удавалось, потому что Боулден был еще слаб и они шли медленно.

Был полдень. Ослепительно сияло солнце и казалось, что места лучше, чем Ван-Даамас, во всей Вселенной найти невозможно. Да, теперь, когда смерть отступила, Боулден находил планету прекрасной. Он весело болтал с Пегги. Она оказалась чудесной собеседницей.

И тут Боулден увидел аборигена, который подарил ему зверька. Прошло пять и семь дней — он точно сдержал слово. Остальное племя, конечно, тоже здесь, в по-

селке. Еще издали Боулден приветливо улыбнулся. В ответ абориген поднял лук и посмотрел не на них, а дальше, в сторону больницы.

Поднятый лук выглядел угрожающе, но Боулден не обратил на него внимания. Он вдруг почувствовал, что ему чего-то не хватает, и поглядел вниз. Зверька рядом не было. Он оглянулся.

Зверек судорожно бился в пыли. Потом с трудом поднялся на подгибающиеся лапки и побрел к Боулдену, попробовал прыгнуть, снова упал, повернулся, посмотрел, где Боулден, и опять побрел к нему. Один раз он взвизгнул, и из его пасти вывалился розовый язычок. И тут абориген пустил ему в сердце стрелу, пригвоздив его к земле. Короткий хвост дернулся, и зверек замер.

Боулден был не в силах пошевелиться. Пегги вцепилась ему в руку. Абориген подошел к зверьку и несколько секунд молча смотрел на него.

— Все равно скоро умирай, — сказал он Боулдену. — Сгорел изнутри.

Он наклонился. Ясные желтые глаза погасли и выцвели в солнечных лучах.

— Дал тебе свое здоровье, — благоговейно сказал ван-даамсец и сломал торчащую стрелу.

Это была стрела глубокого синего цвета.

Теперь во всех поселках на Ван-Даамасе живут зверушки Боулдена. Им дали более научное название, но какое — никто не помнит. Их держат в загонах на окраине, вдали от жилых домов — точно так же, как держат их аборигены.

Одно время шли разговоры о том, что использовать животных для лечения ненаучно и надо бы сконструировать

ровать электроаппарат, который их заменил бы. Возможно, это и так. Но освоение планеты — сложная задача, и трудно выбрать время на дополнительные исследования, когда уже существует надежное лекарство. А оно очень надежно, и болезнь даже не считается опасной.

Да и в любом случае друзьями человека эти зверьки стать не могут, хотя, пожалуй, ничего другого эти ласковые, умные желтоглазые создания для себя и не хотели бы. Однако свойство, которое делает их такими ценными, оказывается тут неодолимым препятствием. Сила нередко оборачивается слабостью. Нервная энергия этих зверьков слишком велика и воздействует на здорового человека самым вредным образом, всячески нарушая хрупкое равновесие его организма. Каким образом происходит передача энергии, еще не выяснено, но самый факт сомнений не вызывает.

Только тем, кто заболевает «пузырчатой смертью» и нуждается в дополнительной энергии, чтобы уничтожить микроорганизмы, скопляющиеся в тканях вокруг нервов, разрешено ласкать зверушек Боулдена.

И в конце концов умирает не человек, а животное. Аборигены правы: помочь такому зверьку можно только одним способом — убить его быстро и безболезненно.

О зверьках очень заботятся и говорят о них с большим уважением. Дети стараются играть поближе к ним, но высокие крепкие заборы служат достаточной преградой. Взрослые, проходя мимо, ласково им кивают.

Но Боулден никогда не приближается к загону и никогда не говорит о его обитателях. По мнению друзей,

ему тяжело вспоминать, что он оказался первым землянином, убедившимся в полезности пушистых зверьков. Они правы. Он с радостью отказался бы от этой чести. И он бережно хранит синюю стрелу. Среди аборигенов есть мастера, которые легко могли бы ее починить. Но он отказался от их услуг. Он хочет, чтобы она осталась такой, какая она есть.

Из двух зол

Чиновник взял паспорта, придирчиво осмотрел свое хозяйство — набор бесчисленных штампов. Он выбрал радужный (очевидно, наиболее соответствующий его настроению) и прижал этот штамп к пластиковой подушечке.

— Маркус Режихау? — спросил чиновник, переводя взгляд с паспорта на старшего из приезжих и обратно. Его губы дрогнули в усмешке — до того забавной показалась ему запись в документе. — По-видимому, планета указана неправильно. Трудно поверить, будто она называется Врежу-вХарю.

— Это ошибка, — удрученно ответил Маркус. — Но тут уж ничего не поделаешь. Под таким названием она значится на картах.

Лицо чиновника сморщилось от сдавленного смеха, он склонился над вторым паспортом. Штемпелевать он не спешил.

— Уилбур Режихау? — спросил он юношу.

— Это я, — сказал Уилбур. — Ужас, правда? Можно подумать, что на Земле не умеют писать... а может быть, слушать. Потому-то мы с папой и приехали.

— Уилбур, этот человек не повинен в нашем несчастье, — заметил Маркус. — И не в его власти что-либо изменить. Не докучай ему своими заботами.

— Ладно.

— Пошли.

— Добро пожаловать на Землю, — проговорил чиновник им вслед. Он заметил, что к нему подходит женщина, и приготовился к самому худшему, но тотчас сообразил, что и она прибыла с какой-то другой планеты. Тут не ошибешься: у женщины отсутствовал характерный блеск в глазах. Чиновник решил, что принципиально проштемпелюет ее паспорт мрачными, тусклыми чернилами.

Уилбур едва волочил ноги, но не отставал от отца. Он еще продолжал расти, но успел сравняться с Маркусом, хоть и уступал ему в солидности.

— Куда мы теперь? — спросил он. — Менять название?

— Не вякай, — ответил Маркус, с трудом подавив в себе желание поглазеть по сторонам. Все изменилось с тех пор, как здесь был его отец. Дело простое, но может тянуться дольше, чем мы думаем. На Земле надо вести себя, как на враждебной планете.

— Она вообще не похожа на планету.

— Однако если копнуть поглубже, то под всеми этими зданиями можно найти почву и скальные породы. Но и Маркус не знал, сколько для этого придется копать.

— Трудно поверить, что когда-то Земля была похожа на... э-э... Режихау. — Уилбур рассматривал дома, потоки пешеходов, струящиеся мимо него, и рои аэромобилей в воздухе. — Пари держу, тут невозможно побыть в одиночестве.

— На десять миль в окружности тут одиноких людей больше, чем ты за всю свою жизнь видел, — возразил Маркус. Он остановился перед каким-то зданием и заглянул в записную книжку. Адрес тот самый, а названия нет. Ни на одном здании нет вывесок. Но, наверное, это оно и есть. Они прошли несколько миль, и Маркус исследовал все улицы. Отец и сын вошли внутрь.

Это была гостиница. По всей Вселенной гостиницу ни с чем другим не спутаешь. Бесперывные приезды и отъезды накладывают на нее печать особого непостоянства. Человек может прожить тут двадцать лет и тем не менее останется таким же временным постояльцем, как и тот, кто только что заполнил регистрационную книгу.

К Маркусу и Уилбуру не спеша подошел клерк. Он отличался полнотой, но плечи его пиджака были еще шире его собственных.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросил клерк.

— Я ищу гостиницу «Инопланетную», — сказал Маркус.

— Это и есть гостиница, — ответил клерк, подняв и опустив плечи. Одно плечо опустилось не до конца, он подтянул его, дернув за рукав.

— Как она называется? Клерк зевнул.

— Никак. У нее есть номер. Последние сто лет гостиницы не имеют названий. Слишком уж их много.

— Мой отец останавливался в гостинице «Инопланетная» пятьдесят лет назад, перед тем как отправиться на поиски новых планет. Она была вот по этому адресу.

Клерк пожал плечами, но повел ими не вверх, а вбок, памятуя о ватных плечиках. Один рукав съехал на всю длину, и клерк стал похож на горбуна.

— Ну, может быть, не сто лет, а меньше, — поведал он своим гостям. Так или иначе, сейчас названий нет.

— Это, наверное, бывшая «Инопланетная», — решил Маркус. — Мы тут остановимся.

Клерк оказался не таким самоуверенным и твердокаменным, как воображал. Спесь с него немножечко соскочила.

— Вы хотите здесь остановиться? Кроме шуток?

— А почему бы и нет? — проворчал Маркус. — Места у вас есть, не так ли? Гостиница вполне приличная. Да я здесь других и не знаю.

— Безусловно, она приличная, и места есть. Я просто подумал, что вам будет удобнее где-нибудь в другом месте. Могу вам порекомендовать первоклассный мужской отель.

— Мы люди простые, нам ничего первоклассного не нужно, — отказался Маркус. — Запишите нас в книгу, пожалуйста.

— Я черной работой не занимаюсь, — оскорбился клерк. — У меня здесь одна обязанность — придавать гостинице шик. Вас регистрирует робот.

Уилбур с любопытством посмотрел на толстого клерка и отошел, застенчиво улыбаясь встречным.

— Пап, а как такой человек может придать гостинице шик?

— Не знаю, сынок, — угрюмо ответил Маркус. — Земля сильно изменилась с тех пор, как мне про нее рассказывал твой дед. Я не собираюсь выяснять, что с ней творится. Покончим с нашим делом и вернемся домой.

Они поставили свои подписи в регистратуре, отдали багажные квитанции роботу, который рассыпался в уверениях, что все будет мигом доставлено из космопорта прямо в номер.

Несмотря на клятвы Уилбура, будто он ничуть не устал, будто уже привык к ходьбе после вынужденной тесноты и неподвижности в звездолете, отец с сыном поднялись к себе в номер отдохнуть. Поэтому они избежали давки, когда после звонка из перекрестных зданий толпами повалили служащие.

Маркус распорядился, чтобы обед принесли в номер, но ел очень мало, хотя был голоден. Бифштексы серии 219, толстые и хорошо прожаренные, выглядели как нельзя более аппетитно. Внутри же они были серые, водянистые, тошнотворного вкуса, явно синтетические. Проглотив несколько кусочков, Маркус зарекся есть мясо и принялся за овощи. Оказалось, что на вкус они не лучше и окраска у них искусственная, но их хоть можно есть без опаски.

Уилбур расправился со своей порцией и устремил голодный взгляд на отцовский бифштекс. Маркус поспешно затолкал подносы в люк для грязной посуды. Если у него останется время до отъезда, он непременно выяснит, что это за серия 219. Маркус от души надеялся, что это не то, что он думает.

Потом отец и сын спустились на первый этаж. Клерка, придающего шик гостинице, нигде не было видно. Они вышли на улицу и направились к высокому шпилю Справочного центра. Невозможно было миновать эту вежу. Она известна каждому, кто собирается на Землю. Если там не могут ответить на ваш вопрос, значит, вопрос выходит за рамки человеческих познаний.

На улицах женщин было гораздо больше, чем мужчин. Маркус заметил это, но не придавал особого значения. Он слышал, что на давно освоенных планетах у женщин среди дня больше свободного времени, чем у мужчин. Маркус шагал размашисто, не реагируя на взгляды, какими женщины провожали его и Уилбура.

В Справочном центре он стал изучать указатель у входа, с трудом противостоя напору выходцев с многих тысяч планет: эти люди тоже хотели пробиться к указателю. Красная линия на полу вела к отделу планет, а именно этот отдел и был им нужен. Стараясь не упустить из виду Уилбура он без конца где-то терялся, — Маркус пошел по красному следу до конца.

В конце оказалось необозримое помещением бесчисленными кабинками. К ним Маркус испытывал инстинктивное недоверие: уж очень они смахивали на гробы, поставленные торчком. Он приказал Уилбуру стоять на месте, вошел в первую же кабинку и прикрыл за собой дверь. Затем опустил в щель монету и нажал на кнопку. На экране появилось измученное лицо.

— Обязательно ли на ваш вопрос должен отвечать человек?

— Конечно, — ответил Маркус. — Не для того я проделал девятьсот сорок семь световых лет пути, чтобы меня дурачил робот.

Измученное лицо неразборчиво буркнуло что-то в сторону и снова повернулось к Маркусу.

— Прекрасно. Какой у вас вопрос?

— Я ходатайствую об изменении названия. Моя планета...

— Планета? Изменение? — повторило лицо и исчезло, а вместо него на экране возник палец. Он торопливо заскользил по вертикальной картотеке. Замер, ткнул куда-то, и из картотеки выдвинулся ящик.

— Вам надо в департамент П-ИХО. — Палец выхватил из пустоты кусок бумаги и бросил его в щель. — Позади корпуса, где вы сейчас находитесь, есть платформа. Выйдите оттуда и садитесь в любой подземный поезд с буквами П-ИХО. В департаменте П-ИХО ходатайствуйте об изменении. Маркус не удивился, но был раздосадован.

— Разве нельзя изменить здесь? Я не люблю, когда меня отфутболивают из одного места в другое.

— Мы не полномочны производить изменения. О наших функциях говорит само название: мы располагаем сведениями, нужными, чтобы направить вас в соответствующую инстанцию. Листок, что я вам дал, — это карта окрестностей нужного вам корпуса. Вы наверняка не заблудитесь.

— Не давали вы мне карты, — огрызнулся Маркус. Голос ничего не ответил, хотя на экране еще сгибался и разгибался палец. Но ведь с пальцем не поспоришь. Экран рыгнул, из щели под ним выпал бумажный лис-

ток. Лишь тогда Маркус нажал на кнопку, и палец на экране исчез.

Маркус стал изучать карту. П-ИХО (Планеты; изменения; ходатайства находился между Б-АР (браки; альтернативные разновидности) и В-ПНР (браки; признание недействительными, расторжение).

Маркус поспешно сунул карту в карман, так как Уилбур приоткрыл дверь, пытаясь разглядеть, что держит в руке отец. Нечего подростку глазеть на такое безобразие.

Карта была скверная, потому что не указывала, в какой части города находится корпус. Туда-то подземка отвезет, но обратно придется искать дорогу самому.

Вагон подземки, что примчал их к П-ИХО, был набит в основном выходцами с других планет, и потому давка показалась терпимой. Маркус не стал заговаривать с попутчиками (их интересы были ему чужды, как и их миры); но он чувствовал, что эти люди для него гораздо роднее чудаковатых, одержимых землян.

П-ИХО был выстроен в неоклассическом стиле кинотеатров, где смотрят на экран, не вылезая из автомашины; этот стиль был некогда моден по всей Вселенной. Маркус нырнул внутрь, Уилбур последовал за ним. Маркус диву давался, как это он проделал девятьсот с гаком световых лет ради вопроса, который, если его изложить, отнимет лишь несколько минут у мелкого чиновника. Но так было надо. Много лет подряд он писал заявления, но все безрезультатно.

Здесь было не таклюдно, как в Справочном центре. Кабинки были попросторнее, и Маркус решил, что там можно поместиться вдвоем. Уилбур должен присутст-

зовать; ведь это историческая минута. После нескольких попыток они действительно втиснулись в кабину.

На экране появился чиновник; вид у него был настолько же непринужденный, насколько у первого — измученный.

— Планеты; изменения; ходатайства — отчеканил чиновник. Он в совершенстве владел искусством приподымать одну бровь.

— Вот для того мы и пришли, — сказал Маркус, ощупывая пиджак. Маркус был тесно прижат к Уилбуру и не мог попасть рукой в карман.

— Переформировка материков, создание океанов, редакция климата? спросил чиновник.

— Редактировать климат нам ни к чему, — ответил Уилбур. — Он и так в порядке: дождь, град, снег, жара. Все в один и тот же день, только в разных местах. Большая планета, почти как Земля.

— Уилбур, говорить буду я, — объявил Маркус, все еще воюя с карманом.

— Ладно, папа. Но ведь нам не надо переформировывать материки. Они и без того хороши. А океанов у нас хватает.

— Уилбур, — резко произнес Маркус и наконец-то высвободил руку. В ней очутилась истрепанная карта.

— Вы хоть сами-то знаете, чего хотите? — зевая, спросил чиновник.

— Сейчас объясню, — сказал Маркус. — Пятьдесят лет назад мой отец, Маттью Режихау, открыл неизвестную планету. В те времена планету запросто могли украсть, поэтому капитан Режихау не вернулся на Землю и никому не сообщил об этом открытии. Он поселился на

той планете, обеспечив своим наследникам и потомкам подобающую долю нового мира.

— И чего вы теперь ожидаете, медали?

— Он мог получить медаль. Но, как практичный человек, предпочел часть планеты. С тех пор мы превратились в процветающую общину. Вот только население растет не так быстро, как хотелось бы. Потому-то я к вам и обращаюсь.

— Вы обращаетесь не по адресу, — заметил чиновник.
— Вам нужно в П-ЭПО.

— Планеты; экономическая помощь отсталым? Нет, в такой помощи мы не нуждаемся. Но вот одна ничтожная ошибка нам очень мешает. Изза нее у нас не тот приток поселенцев. Видите ли, капитан Мэтью Режихау хоть и не стал возвращаться, чтобы лично доложить о своем открытии, но послал традиционную заявку — за столбил планету. Вот тут-то и вкралась ошибка. Он, естественно, назвал планету своей фамилией — Режихау. Ударение на «е». Но как, по-вашему, окрестил ее кто-то на Земле, очевидно робот?

— Понятия не имею.

— Врежу-в-Харю, — отчеканил Маркус. — Разве можно так пачкать доброе имя моего отца? Кто-то напортачил, а теперь мы маемся.

— Согласен, название некрасивое, — сдержанно улыбнулся чиновник. Но не представляю, как оно может на что-то влиять. Не в названии счастье.

— Это вам только кажется, — возразил Маркус. — Я понимаю, как робот допустил ошибку, и не виню его. Отец записал свое сообщение на перфорированную пленку. При расшифровке можно было напутать. Так

или иначе, это очень плохо отражается на поселенцах. Мужчины-то приезжают и думают, что, судя по названию, на планете живется разгульно и весело; впрочем, в какой-то степени так оно и есть. Но вот женщин туда не заманишь. Им такое название не подходит.

— Значит, по существу, ваш вопрос упирается в женщин, — сказал чиновник. Его тусклые глаза, прежде равнодушные, теперь смотрели с холодным неодобрением. — Как бы там ни было, вам не сюда надо обращаться. Мы перестраиваем планеты. Названиями мы не занимаемся.

— Когда женщин не хватает, это не к добру, — продолжал Маркус. Приедет мужчина, поищет-поищет себе жену, не найдет и снова уедет. — Он смял старую карту в комок. — Да и не только в этом дело. Надо уважать имя великого человека — хотя бы из элементарной справедливости.

— За справедливостью тоже не сюда, — разъяснил чиновник. — Она не входит в компетенцию П-ИХО. Дайте сообразить, нельзя ли вас направить куда-нибудь еще. — Он потер голову, руками. Потом выпрямился, прищелкнул пальцами. — Есть. Чтобы изменить название планеты, надо обратиться в Астронавигацию: карты; ошибки, выявление оных.

— Вот как? — с сомнением протянул Маркус. Жизнь на Режихау не подготовила его к тонкостям организационной структуры правительства.

— Конечно, — подтвердил чиновник, обрадованный тем, что разрешил задачу. — Нет-нет, не благодарите меня. Я исполняю свой долг. Идите в А-КОВО.

— Где оно?

Чиновник глубокомысленно нахмурился, повернулся к огромной вертикальной картотеке, без которой, как понял Маркус, немыслимо ни одно правительственное учреждение. Он ткнул пальцем в пространство, но ни один ящик не выдвинулся.

— Похоже, не занесено в карточки, — сказал чиновник хладнокровно, без удивления. — Зайдите завтра, может быть, к тому времени появятся сведения. Сейчас конец рабочего дня.

— Обязательно ли заходить к вам еще раз? А-КОВО, может быть, совсем в другом конце города.

— Возможно, — согласился чиновник и надел пиджак. — Если не хотите зря терять время, купите карту у инфолегера. Она будет вчерашняя, но вдруг да окажется в основных чертах правильной.

Экран щелкнул, и Маркус с сыном остались лицом к лицу с пустотой. Маркус вышел из кабинета.

— А что такое инфолегер? — спросил Уилбур, следуя за ним по пятам.

— На Земле все быстро меняется, — устало ответил Маркус. Он не знал, что так трудно найти нужный винтик в механизме, приводящем в движение слишком многое. — Инфалегер разбирается в этом не лучше, чем ты, но из-под полы продаст тебе информацию, которую в государственном учреждении можно получить бесплатно.

— Но кто же у него купит?

— Дураки вроде меня, уставшие бегать высунув язык. Пора возвращаться в гостиницу.

— Скучаю я по Врежу... по Режихау, — тоскливо сказал Уилбур. — У мамы сейчас уже обед готов.

— Я все забываю, какой у тебя аппетит. Ладно, поедим, вот только ресторан отыщем.

Ресторан отыскивали в соседнем квартале. Дойти до него было легко, не то что остановиться. Маркус протиснулся к самой двери и выдернул Уилбура из лавины прохожих. Внутри оказался один-единственный свободный столик, который отец и сын быстро заняли, не обращая внимания на злобные взгляды менее проворных посетителей.

Наконец Маркус углубился в меню. К его разочарованию, бифштекса серии 219 там не было. Предлагались на выбор серия 313 и бифштекс «ассорти». Маркус отвел взгляд от меню и увидел, что сын уже набрал номера облюбованных блюд на диске заказов. После дознания выяснилось, что Уилбур днем не успел перекусить и решил возместить вынужденный пост полуторной порцией бифштекса — целым одного вида и половиной другого.

— Надо взять и овощи, — сказал Маркус.

— Пап, ты же знаешь, что я их не люблю.

— Овощи, — повторил Маркус и добился того, что его сын заказал себе сбалансированный рацион. Сам же он после долгих раздумий выбрал овощное блюдо с высоким содержанием белка, хотя очень любил мясо. Злополучная мысль все не шла у него из головы.

Подскочил приземистый робот-официант, мигом расставил на столе тарелки с едой — его бесчисленные выдвижные «руки» так и мелькали. Маркус заметил, что с виду бифштексы точь-в-точь такие, как в гостинице.

— Официант, откуда эти бифштексы?

— Оттуда же, что и всякое мясо. Они растут в гигиенических условиях, в жидкой питательной среде, где растворены все необходимые элементы. Их ежедневно срезают и доставляют свежими и сочными, готовыми к жарке.

— С технологией я знаком, — оборвал его Маркус, морщась при виде того, как сын жует серую водянистую массу. — Меня интересует происхождение, первоначальный источник. От каких животных взяты исходные клетки?

— Не знаю. В этом источнике белка самый низкий процент вредных примесей.

— А метрдотель знает?

— Возможно.

— Скажи, что я прошу его подойти к нашему столику.

— Я передам ваше пожелание. Но это бесполезно. Метрдотель подойти не может. Он встроен в стену.

— Тогда я сам пойду к нему, — сказал Маркус, поднимаясь из-за стола, — Проследи пока, чтоб не остыло. Но как туда попасть?

— Метрдотеля не полагается беспокоить, — ответил робот и установил термоэкраны вокруг тарелки Маркуса. — Маленькая комнатка у черного хода, направо от кухни.

Маркус легко отыскал нужную дверь. Когда он вошел, метрдотель зажегся огнями. Противоположная стена мигнула светом, и из нее выдвинулось кресло для посетителя.

— У вас жалоба? — глуховато осведомился метрдотель.

— Не совсем, — ответил Маркус и повторил свой вопрос. Метрдотель на мгновение задумался.

— Вы инопланетный житель?

— Да.

— Тогда понятно. Только инопланетные задают этот вопрос. Когданибудь придется выяснить.

— Выясните сегодня, — предложил Маркус.

— Прекрасная мысль, — сказал метрдотель. — Так я и сделаю. Но таких ресторанов, как наш, множество, они связаны общей администрацией, поэтому за одну секунду ничего не выйдет. Если хотите подождать, я сейчас подключусь к дистанционной справочной.

Маркус не хотел ждать, но еще меньше хотел пребывать в неизвестности. Он остался.

— Есть, — сказал робот после долгой паузы. — Накормить огромный город — дело чрезвычайно сложное. Откровенно говоря, трудно кормить Землю — она крайне перенаселена.

— Это-то понятно, — буркнул Маркус.

— Лет сорок пять — пятьдесят назад осложнилось положение с водой, продолжал робот. — Она соответствовала санитарным требованиям, но солей в ней было растворено то ли слишком много, то ли недостаточно. Тут сведения распылчаты. Роботы, управляющие водоемами, обнаружили, что говядина, свинина, телятина и куриное мясо всех сортов растут недостаточно быстро.

Роботы довели этот факт до сведения вышестоящих властей и получили приказ выяснить, как спасти положение. Они провели расследование и установили, что надо либо сделать капитальный ремонт всей водопроводной системы, либо вывести новый, более стойкий

белок. Естественно, сооружать новый водопровод — титаническая работа. Этого они не советовали.

— Естественно — согласился Маркус.

— положение стало критическим. Надо было кормить людей. Роботы, ведавшие водоемами, получили приказ создать новый белок. Им предоставили ранее недоступные ресурсы. И в кратчайший срок задача была разрешена. Очистили примерно половину водоемов, где плохо росло мясо, и посадили там новый белок. Старинную систему — обозначение сортов мяса названием животных — изменили; была разработана новая система нумерованных серий, и каждому водоему независимо от происхождения его продукции присвоили порядковый номер.

— Значит, все не ведают, что едят, — сказал Маркус. — Но что же это за новый белок? Вот о чем я спрашивал с самого начала.

— Очень стойкий. Ведет происхождение от самого приспособленного животного Земли, — ответил робот. — И в его пользу свидетельствовало еще одно обстоятельство. Мясо всех млекопитающих почти одинаково. Но все же есть различия. Для плотоядного животного идеальным белком является тот, что в точности соответствует тканям тела этого животного и потому полностью усваивается. Маркус закрыл глаза и схватился за подлокотник кресла.

— Вам дурно? — спросил метрдотель. — Позвать врача? Не надо? Так вот, я остановился на том, что как раз такая ткань была под руками. Ею и воспользовались роботы. Странно, что вы об этом спрашиваете. Не многие люди настолько любопытны.

— Им все равно, — проворчал Маркус. — Лишь бы их кормили, а чем они не спрашивают.

— А зачем бы им спрашивать? — удивился робот. — Ткань специально отпрепарировали для гидропоники. Она была безукоризненно асептической, а ее изъятие ни в коей мере не повредило первоначальным донорам, давно уже мертвым. Да и в использовании нет ничего нового. Никто ведь не колеблется, если надо пересадить кожу, или вживить печень, или вставить новый глаз. А это замена тканей изнутри, методами пищеварения, а не медицины.

— Роботы взяли ткань в операционной хирурга, — сказал Маркус. — Будете отрицать?

— Я же вам об этом и толкую, — подтвердил робот. — Весьма остроумное решение, если учесть сжатые сроки. Но заменить пришлось только половину водоемов.

— Каннибалы, — рявкнул Маркус, едва не сломав кресло, которое отшвырнул ногой.

— Что такое каннибалы? — спросил робот. Но Маркуса уже не было. Он вернулся в зал и, когда подошел к столику, вполне овладел собой. Рассказать Уилбуру он не мог, потому что Уилбур успел поесть, только овощи лежали нетронутые. Маркус сел, снял с тарелок термоэкран и угрюмо уставился перед собой.

— Пап, ты разве не будешь есть? — спросил Уилбур.

— погоди, дай отдышаться.

На вкус блюдо было недурно, но сама мысль о еде внушала отвращение. Маркус сурово взглянул на сына.

— Уилбур, с сегодняшнего дня не смей заказывать мясо. Пока мы на Земле, ешь только яичницу.

— Только яичницу? — недоверчиво переспросил Уилбур. — Ого, ведь она здесь страшно дорогая. Да я ее и не люблю без ветчины...

— Только яичницу, — повторил Маркус. Ему пришла в голову другая мысль. — Глазунью. Тут уж ни один повар не обманет.

Когда они вышли из ресторана, небо потемнело. После рабочего дня движение транспорта затихло, а увеселительная горячка еще не охватила

улицы, сейчас непривычно молчаливые и пустынные. На глаза Маркусу попался высокий шпиль Справочного центра, сверкающий на фоне вечернего неба.

— Куда мы теперь? — спросил Уилбур.

— В гостиницу. Завтра у нас трудный день.

— А можно пешком? В подземке уже ничего не увидишь.

— Далеко идти.

— Да она вон там! Я перед завтраком и то больше хожу. Маркус с одобрением отметил, что Уилбур воспользовался Справочным центром как ориентиром и правильно определил местонахождение гостиницы. Сказывается воспитание. Мальчик не заблудится даже в неразберихе огромного города.

— Она дальше, чем — ты думаешь, но, если хочешь, пойдем. Может быть, это наш последний вечер на Земле. Во всяком случае, от души надеюсь

Пошли дальше. И постепенно увидели все, что стоило видеть. Город велик и буйно разрастается, но ведь это лишь обыкновенный город, творение Человека. Дома высоченные, но построены, как и всякие дома, из камня и стали, из бетона и пластика. Женщины красивы, со

вкусом одеты и причесаны, но сразу видно, что они всего лишь женщины. Магазины изысканны и разнообразны, но есть предел многообразию товаров, свободный полет фантазии не бесконечен.

Когда они наконец устали, до гостиницы было совсем недалеко. Искать транспорт не стояло, все равно он не помог бы выиграть время. До сих пор они шли по главным улицам — там было интереснее. Но Маркус быстро освоился с планировкой города и, когда они подходили к цели, решил срезать угол.

Становилось поздно, но уличные фонари не горели. Маркус усомнился, есть ли смысл идти таким путем. Решил, что смысла нет. В одном из подъездов сверкнула слабая красная вспышка, доказательство того, что запоздалое решение Маркуса правильно, но бесполезно. Закололо в коленях там, где полоснул красный свет, — и Маркусу вдруг почудилось, будто у него нет ног. Он подался вперед, пытаясь за-слонить Уилбура, но потерял равновесие. Уилбур тоже пошатнулся, и они сшибли друг друга. Чьи-то руки схватили Маркуса, подняли с земли. Он не в состоянии был сопротивляться. Да это и небезопасно. Парализатор не убивает, но, когда им орудуют небрежно или торопливо, дает неприятные осложнения. Маркус считал, что вряд ли опасность

так уж велика, и не хотел злить победителей.

Придя в себя настолько, чтобы трезво оценить обстановку, Маркус увидел, что очутился между двумя домами в закоулке, отделенном от улицы каменной кладкой. Рядом сидел Уилбур, их обоих освещал тусклый луч.

— Не двигайтесь, — произнес голос, который старался звучать грубо и низко, но все же был на добрую октаву выше мужского. Маркус припомнил, что его поднимали с земли маленькие нежные руки.

Он попал в плен к женщинам. Бессвязные впечатления о городе улеглись в стройную картину. Маркуса не слишком удивляло все происходящее.

Луч света придвинулся, и Маркус различил фигуру женщины с фонариком. Позади нее стояли другие — все женщины. Но навести парадизатор могут даже слабые ручки.

— Ни слова, — тихо сказал Маркус сыну. Уилбур ошеломленно кивнул.

— Перестаньте шептаться, — рявкнуло сопрано, ослепляя их фонариком. — Кто из вас женат?

Маркус вздохнул: так вон оно что. Плохо же приходится бедной Земле, если толстый, противный клерк получает высокооплачиваемую работу только потому, что он мужчина.

— Отвечайте же, — потребовал высокий срывающийся голос. — Кто из вас женат? На Земле, конечно.

Теперь, когда глаза привыкли к свету, Маркус отчетливо увидел девушку. Она была молода, не старше двадцати лет.

— Что за странный вопрос? Кто женат, тот женат. Это не зависит от того, на какой ты планете. «На Земле, очевидно, зависит», — подумал он.

— Инопланетные — радостно воскликнула девушка. — Я всегда мечтала найти инопланетного! Это настоящие мужчины. Так которого же, выбрать? Она осветила фонариком Уилбура, тот заерзал, моргнул.

— Этот моложе, его, наверно, надолго хватит, — сказала она критически. — С другой стороны, он будет неловок и неумел. Девушка обернулась к Маркусу.

— Вам надо побриться, — решительно сказала она. — Ваша борода седеет. Я выбираю вас. Пожилые мужчины очень милы.

— Нельзя меня выбирать, — возразил Маркус. Девушка стояла совсем рядом, ничего не стоило отнять у нее и оружие, и фонарик. Но Маркус не мог стоять, не то что ходить, а поодаль сгрудились и другие женщины, может быть вооруженные, и смотрели на девушку, которая, по-видимому, была у них главарем. — Видите ли, я женат. Уилма не одобрит, если я заведу себе вторую жену.

— Даже только на то время, пока вы на Земле? Я ведь немногого прошу. — Она направила луч фонарика на себя. — Разве, я вам не нравлюсь?

Девушка не была ослепительной красавицей, но, поскольку одежда прикрывала ее едва-едва — не меньше, чем разрешал закон, но и не больше, чем требовала мода, — Маркус по достоинству оценил ее привлекательность.

— Сколько вам лет? — спросил он.

— Много, — ответила она. — Через одиннадцать месяцев исполнится двадцать один.

— Вы прелестны, — сказал Маркус. — Будь я помоложе лет на пятнадцать — двадцать... и не женат... я бы стал домогаться вашей благосклонности.

— Но вы ведь и так домогались, — упрекнула его девушка. — Зачем вы шли темной улицей, если не искали любви?

Значит, вот что на Земле сходит за любовь. Мужчин здесь, должно быть, втрое меньше, чем женщин. Это со-

гласуется со всем тем, что довелось тут повидать Маркусу.

— Извините, что побеспокоил, — сказал он. — Но не забывайте, мы инопланетные. Ваших обычаев не знаем. Мы просто хотели срезать путь к гостинице. Она махнула рукой, угрюмо признавая свое поражение.

— Будем считать, что я ошиблась. Но он-то почему не может? Он ведь не женат.

— Не женат и не женится ближайшие несколько лет. Ему еле семнадцать исполнилось. Я не дам согласия.

— Это ваш сын? У вас, значит, есть опыт. Вы уверены, что не передумаете и не женитесь на мне — только на тот срок, пока вы здесь? Не люблю я молодых людей. Наверно, оттого, что отец у меня был пожилой.

— Наверняка он был пожилой, — сказал Маркус. — Но из-за этого не следует считать меня неотразимым. — Он попытался встать, но ноги были как ватные, и он поспешно сел. Девушка бросила на него озабоченный взгляд.

— Больно? Вы, наверное, получили чересчур большой заряд. Она отдала ему фонарик и отошла к женщинам, стоящим поодаль. Он услышал ее шепот. Но вот девушка вернулась. Она опустилась возле него на колени и стала растирать ему ноги.

— Я их отослала, — сообщила девушка. — Пойдут искать других. Сейчас была моя очередь сделать предложение пленнику, а вы все испортили. Его рассмешила ее серьезность.

— Я убежден, что вы заслуживаете лучшего, чем можно найти при таких странных методах ухода. Но

прежде всего вы должны помочь моему сыну. Он тоже получил заряд.

— Это уж точно, — пренебрежительно ответила она. — Но вы за него не волнуйтесь. Дети быстро приходят в себя.

— Пап, давай я ее стукну, — предложил Уилбур, вставая и осторожно сгибая колени, чтобы посмотреть, слушаются ли его ноги. — Она не имела права в нас стрелять.

— Это верно, но ты не имеешь права так разговаривать. Только тронь ее пальцем, и я тебя отколочу.

Не обращая внимания на Уилбура, девушка обняла Маркуса и помогла ему подняться на ноги. Хотя его должно было разубедить ее отношение, Маркус почувствовал, что стареет. Он удостоверился в этом, едва сделал первый шаг. Маркус мог ходить без посторонней помощи, но чувствовал себя так, будто из его ног выдергивали иголки — по две-три в секунду.

— Я провожу вас до гостиницы, — сказала девушка. — Может быть, на охоту вышли и другие брачные шайки. Увидят меня с вами — подумают, что вы моя добыча.

Маркус нахмурился, к счастью, в темноте этого никто не заметил. У Уилбура могло сложиться превратное мнение о женщинах. Трудно ему будет приспособиться к совершенно другим условиям родной планеты. Маркус представился девушке, представил сына и спросил, как ее зовут.

— Мэри Эллен.

— Это все? Фамилии нет?

— Конечно, есть, но я надеюсь ее сменить. Маркус беспомощно вздохнул.

— Мэри Эллен, не будем говорить о свадьбе. Ясно? Тем не менее у меня есть насчет вас кое-какие планы. Я свяжусь с вами до отъезда.

Они подходили к залитой огнями магистральной улице, и Маркус почувствовал себя в безопасности.

— Я так надеялась, что вы это скажете, — тоскливо ответила девушка. Она порылась в крохотной сумочке и достала визитную карточку. — Как видите, здесь два имени. Я и Хлоя, моя сводная сестра. Она умница, я ее люблю, но надеюсь, вы ее не полюбите — во всяком случае, не полюбите больше, чем меня.

— Никогда. Но откуда у вас сводная сестра? Неужто вашей матери удалось вторично выйти замуж?

— Конечно, нет, — презрительно отозвалась девушка. — Женщине разрешается не более половины...

— Мэри Эллен!

— Ладно, не буду, — грубовато согласилась она. — Но вы же сами спросили.

Он и сам мог восстановить недостающие звенья. Поскольку женщины своей численностью катастрофически превосходят мужчин, им приходится делить мужей. Мужчинам разрешают нескольких жен, женщинам — никоим образом. Вероятно, многоженство на Земле было исторически неизбежно.

Земля — центр великой, стремительно развивающейся цивилизации. Мужчины покидают Землю, осваивают вновь открытые планеты, а женщины, как правило, остаются. Более того, с давно освоенных планет на Землю сплошь и рядом прилетают женщины, привлеченные блеском старинной цивилизации и высокооплачи-

ваемой работой, не подозревающие, что за всем этим кроется.

Таким образом, положение на Земле частично разрешит одну из проблем его, Маркуса, планеты. Но основная задача — изменить название планеты оказалась труднее, чем он полагал. Маркус ждал завтрашнего дня без особого энтузиазма.

Он заметил, что Мэри Эллен с любопытством оглядывается по сторонам.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Нет. Просто мне странно, что вы остановились именно здесь — в самом центре района, где живут незамужние девушки. — Она усмехнулась. По-моему, лучше будет, если я войду вместе с вами.

— По-моему, тоже, — сказал Маркус. Вот что имел в виду толстый клерк. Надо было послушаться его и остановиться в мужском отеле.

В вестибюле толпились женщины, причем, как подозревал Маркус, большинство дожидалось их возвращения. На планете с острой нехваткой мужчин слухи разносятся мгновенно. Может быть, ему померещилось, но он явственно расслышал вздох разочарования, когда появился вместе с сыном и Мэри Эллен. Девушка с лихвой вознаградила их за те неприятные минуты, которые им доставила. С лихвой, хотя она этого еще не знает.

Не останавливаясь прошли наверх, и Маркус отправил Уилбура в номер, а сам остался у двери попрощаться с девушкой.

— Хотите я к вам зайду? — спросила она с надеждой. — Право же, меня мучит совесть — я ведь повредила вам ноги.

— Вы сюда не войдете, Мэри Эллен. Я себе не настолько доверяю, чтобы оказаться с вами наедине.

— Это вы серьезно?

— Как нельзя более. — Он почти верил в это сам.

— Нам не обязательно жениться, если вы здесь не долго пробудете, сказала она радостно. — Я вот думаю... Он предостерегающе покосился на дверь.

— Мальчишка — ужасный зануда, — прошептала девушка. — Послушайте. Завтра я работаю, но вечером буду свободна. Посадите ребенка на карусель и приходите ко мне, ладно? — Она обвила руками шею Маркуса и пылко его расцеловала. Потом круто повернулась и сбежала вниз по лестнице.

Покачав головой, Маркус вошел к себе в номер. Утром Маркус без труда связался с инфолегером. За довольно крупную сумму карта, якобы указывающая местонахождение А-КОВО, перешла из рук в руки. За дополнительную мзду к ней была приложена другая карта, с обозначением основных маршрутов общественного транспорта. Обе наверняка устарели, но, возможно, были правильны в той единственной части, которая интересовала Маркуса.

В путь отправились поздно, чтобы избежать утреннего часа пик. Не обошлось без недоразумений с транспортом. С первой попытки они заехали совсем не в ту часть города. Порасспросив пассажиров и роботомодежурных, Маркус сообразил, как исправить дело. Он внес изменения в карту и вместе с Уилбуром вернулся на исходную станцию, причем по пути ошибся только раз. Ошибка произошла не по их вине. За то время, по-

ка они возвращались, роль пересадочной стала выполнять другая станция.

Они быстро добрались до цели — быстрее, чем если бы прибегли к услугам Справочного центра. Здание А-КОВО тоже было выстроено в неоклассическом стиле. Однако оно не напоминало, допустим, пятиконечную или шестиконечную звезду, а казалось нагромождением детских лекал. Приглядевшись повнимательнее, Маркус убедился, что первое впечатление обманчиво. Должно быть, раньше в этом здании помещалось ведомство какого-то другого А. Скорее всего — А-ЖВ (анатомия: женщина; возлежащая).

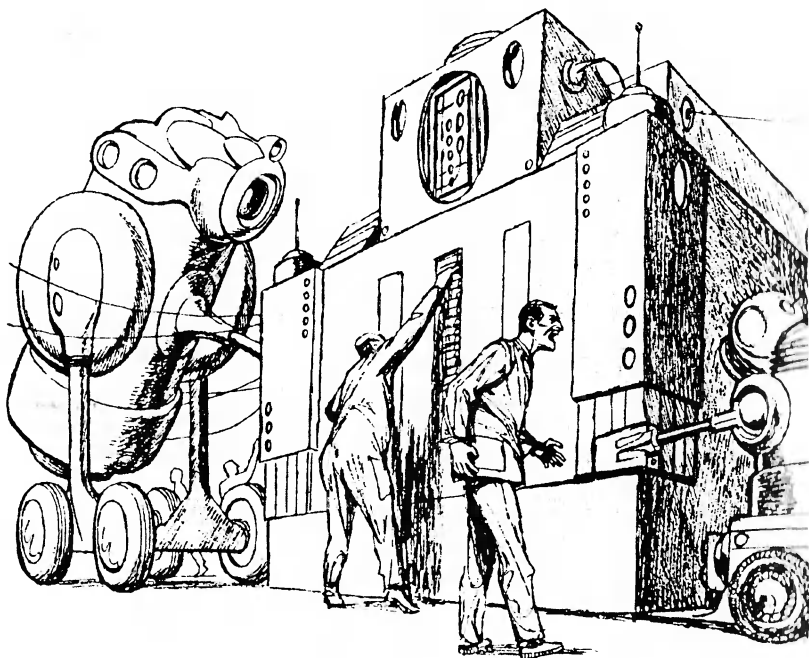
Но, как бы ни выглядел А-КОВО снаружи, внутри там был кавардак. Маркус не мог пробиться к справочным кабинкам. Повсюду как угорелые носились роботы, выполняя бессмысленные действия, а рабочие выкрикивали команды, на которые никто не обращал внимания. Посреди пыли и суматохи стоял на помосте какой-то человек и с безмятежно-скучающим видом наблюдал за всей этой бешеной деятельностью.

— Переезжаем, — автоматически сказал он, когда Маркус подошел поближе.

— Куда?

— Не знаю. Зависит от того, кого удастся выжить. Маркус смертельно побледнел. Переезжают неизвестно куда. Еще день — и его карта станет недействительной. А если этот человек не лжет, то даже Справочный центр не будет знать, где окажется завтра А-КОВО.

— Разве у вас нет плановой комиссии? — спросил Маркус. — Разве вам не сообщают, куда вы должны переехать? Человек пожал плечами.

— Плановая комиссия есть. Но на ней слишком большая, ответственность, ей пришлось переехать в более просторное помещение, так же как и нам. Пока она не устроится на новом месте, мы предоставлены самим себе.

Человек спокойно проговорил что-то в микрофон, и роботы-грузчики ускорили темп. Он снова повернулся к Маркусу и объяснил:

— Вчера вернулись три разведочных звездолета, битком набитые микроинформацией. Поэтому мы и переезжаем.

Маркус потер лоб. Он понимал всю сложность работы департамента. Информацию ведь мало хранить — надо ее довести до широкой публики. Для этого нужны новые кабинеты, роботы-клерки, люди-контролеры. Таков порядок вещей на Земле, но жаль, что в А-КОВО не подождали еще два-три дня.

— Нельзя же вынести все это добро на улицу. Кто-то должен знать, куда вы переселяетесь. Скажите, кто именно. Мне необходимо выяснить, где вы будете завтра.

— Э, нет. Кто выяснит, куда мы переселяемся, тот узнает, кого мы хотим выжить, — весело и хитровато ответил человек. — А те примут свои меры. Этого мы никак не можем допустить. — Человек почесал в затылке. Вот что, если вы не лжете... если вы не шпион из министерства... я научу вас, как сегодня же протолкнуть свой вопрос.

— Я инопланетный, — сказал Маркус. — Ваши склоки меня не касаются. Мне бы только уладить одно дело — и сразу домой.

— Вид у вас и вправду инопланетный, — согласился человек. — Вот мой совет. Часть департамента еще функционирует. Идите к боковому входу. Там справочные кабины открыты.

Он отвернулся к микрофону и гаркнул в него, отдав какие-то распоряжения, ничуть не повлиявшие на ход событий.

Человек немного ошибся. Боковой вход был открыт, но в коридорах и кабинах громоздились вынесенные из помещений автоматические искатели информации. Однако Маркус не так легко сдавался. Теперь он уже привык к тому, что простейшие действия требуют сложнейших махинаций. Он подошел к входу со двора. Там тоже все было забито мебелью, но после недолгих, хоть и напряженных усилий Маркус протиснулся в кабину, а Уилбур остался снаружи.

Лицо чиновника, откликнувшегося на вызов, было одновременно и сонным, и издерганным, а достичь такого выражения лица нелегко. Он зевнул, снял со стола ноги из уважения к вызову, и робот тут же унес письменный стол. Поскольку теперь чиновнику некуда было девать ноги, он покрепче уперся ими в пол, словно ожидая, что и пол вот-вот исчезнет.

Маркус толково изложил свое прошение и развернул карту, чтобы чиновник с ней ознакомился.

— Это оригинал, с которого была снята фотокопия: отец послал ее на Землю вместе со своими примеча-

ниями. Не знаю, что получилось дальше. Возможно, изображение на пленке было неясное или ухудшилось в пути из-за радиации. А может быть, робот неправильно понял текст. Чиновник на экране прищурился.

— Врежу-в-Харю. Режихау. Ха, ха. — Он коротко хохотнул, встал и начал было шагать по комнате. К его стулу направился робот, и чиновник поспешно уселся снова.

— Вот, можете убедиться, что он собственной рукой написал «Рожи хау», — сказал Маркус. — Он назвал планету своим именем — один раз это вправе сделать каждый путешественник. Ошибку надо исправить ради элементарной справедливости. А вот петиция, подписанная всеми жителями планеты.

Чиновник отмахнулся от документов.

— Неважно, кто подписывался, такие подробности не влияют на решение вопроса.

Он подпер голову рукой, несмотря на отсутствие стола, о который можно было бы облокотиться. Губы чиновника беззвучно зашевелились — он подыскивал ответ.

— Я хочу, чтобы вы встали на нашу точку зрения, — сказал он наконец. — Прежде всего, подумайте о звездолетчиках. Планет с красивыми именами сколько угодно. Сливовая Ветка, Самородок, Гребень Волны... А Врежу-в-Харю только одна. Это светлое пятно в рейсе. Звездолетчики смотрят на карту и видят: «Врежу-в-Харю». Они смеются. Смех — действенное лекарство от космической тоски. У вашей планеты название особенное.

— Не нужна нам такая особенность, — перебил Маркус. — Дошло до того, что мы и сами называем ее Врежу-в-Харю, когда не следим за собой. Кто поселится на планете, если она стала посмешищем?

Чиновник, казалось, не расслышал. Маркус повернул регулятор громкости звука, но, по-видимому, и со звуком, и с громкостью все было в порядке.

— Это лишь второстепенное соображение, — продолжал чиновник. — Вы хоть представляете, какое множество карт мы издаем? Из-за вас все они устареют. Подумайте о звездолетах, бороздящих космос, — многие вообще никогда не садятся на Землю. Как им переслать исправленные карты?

— Я рад, что вы заговорили об исправленных картах, — ответил Маркус. — Но исправленные карты не труднее переслать, чем новые, а вы ведь согласитесь, что новые карты издаются регулярно.

— Я не могу пожертвовать точностью, как бы там у вас ни капризничала горстка эгоистов, — заявил чиновник. Он встал, и на этот раз робот утащил кресло. Чиновник с улыбкой потянулся к привычной вертикальной картотеке. Ее на месте не оказалось, зато робот был тут как тут. Он ухватил чиновника за руку и попытался увести прочь. Чиновник еле высвободился.

— Вы ведь видите, что нам некогда. Приходите, когда эта передеряга кончится. Тогда, возможно, я пересмотрю ваше ходатайство, которое в настоящее время вынужден отклонить.

Чиновник проворно удалился, а Маркус долго еще созерцал пустой кабинет, пока туда не пришел очередной робот и не снял экран на другом конце провода.

Маркус выкарабкался из кабины. На лице Уилбура было написано нетерпение.

— Я знаю, что сейчас далеко за полдень, — угрюмо сказал Маркус сыну. — Пойдем поедим. Яйца.

Уилбур отлично понимал, что протестовать не стоит. Они покинули АКОВО, прежде чем заднюю секцию наводнили роботы-грузчики. В тишине первого попавшегося ресторана Маркус заново рассмотрел всю проблему. Он не совсем провалил миссию. Одну важную задачу он может разрешить, не прибегая к помощи правительства. Откровенно говоря, без правительственной помощи будет даже лучше.

Но у Маркуса есть обязательства перед памятью капитана Мэтью Режихау. Отец назвал планету Режихау — и она останется Режихау.

Еще есть Уилма. Она попала на планету, когда и поселок, и она сама были совсем молоденькими. За Уилмой наперебой ухаживали, ее без конца развлекали, на нее со всех сторон сыпались предложения, и ей очень льстило, что она неизменно в центре. Тогда она ничего не имела против названия — ведь она была там самой хорошенькой, самой привлекательной девушкой. Других девушек было не так уж много.

Но планета изменялась, а вместе с ней изменилась и Уилма. Теперь у нее четыре сына, Уилбур старший. Четыре сына. Она не боялась, что они останутся холостыми. Ее сыновья умны, красивы и принадлежат к лучшему семейству; они легко найдут себе жен. А если не найдут, всегда можно отправить их в путешествие на планету, где женщины не дефицит.

Уилма оставалась ветреной даже после свадьбы. Маркус частенько удивлялся, каким чудом у нее глаза не выскакивают из орбит, когда на горизонте появляются чужие мужчины. Однако со временем она переросла эти забавы, кокон раскрылся, и оттуда вышла совершенно другая женщина.

Кокетливая девушка превратилась в хозяйку дома. Все вокруг нее стало безупречным. Заборы вокруг участка были выбелены, газоны всегда подстрижены. В доме все сверкало чистотой. Грязь с улицы никогда не попадала в комнаты. Уилма стала считать, что название Врежу-в-Харю не подходит ее планете.

Маркусу не обойтись без помощника. Это должен быть житель Земли, лучше него знающий все ходы и выходы. Маркус вынул визитную карточку Мари Эллен; чем больше он всматривался в нее, тем больше убеждался, что такой помощник найден. Нет, не Мари Эллен. Ее сестра.

Мэри Эллен и Хлоя — фамилии не указаны. По-видимому, таков обычай, так незамужние девушки оповещают мир, что ищут себе пару. Зато на карточке есть адрес обеих сестер.

Еще указана профессия обеих. Мари Эллен — младший обслуживающий персонал (что-то непонятное). А вот у Хлои гораздо более интересная профессия. Она работает астрографом, старшим инспектором — астрографом.

Маркус ел торопливо, с каждым глотком он все отчетливее представлял себе план действий. Ключ ко всему — Хлоя. С ее помощью удастся изменить название Врежу-в-Харю. Маркус задумчиво улыбнулся. Он

ей такое предложит, что она наверняка согласится помочь, даже если эта помощь противозаконна.

Мари Эллен не было дома, зато была Хлоя, которая радушно приветствовала Маркуса и Уилбура. Маркус правдиво рассказал, как познакомился с ее сестрой. Хлоя неодобрительно отозвалась о брачных шайках, но Маркус промолчал, хоть в душе и был согласен. Ему не под силу изменить соотношение полов на Земле. Пусть общество довольствуется тем, что дано.

В противоположность Мари Эллен, крупной блондинке, Хлоя была смугла и миниатюрна. Когда-то, наверное, ее считали хорошенькой, но ей не пришлось непринужденно и с достоинством всплыть в зрелый возраст — она перевалила за тридцать безмужней. На ней заметно отразилась душевная сумятица.

Она сердечно отнеслась к гостям, когда те вошли, и стала еще сердечнее, когда Маркус кончил излагать свой план.

— Да, что-нибудь сделаем, — спокойно проговорила она. — Я организую отряд добровольцев и переправлю группами по десять человек. Через несколько месяцев у меня будет отпуск, и тогда мы приедем с Мари Эллен. Она тревожно покосилась на Маркуса. — То есть если вы полагаете, что я тоже нужна.

— Вы нужны, — заверил он ее. — Нам нужны жены, матери, квалифицированные специалистки. Никто лучше вас не отвечает всем этим требованиям.

— В таком случае мы еще увидимся, — сказала она. — И не только по тем причинам, которые приходят вам в голову. Видите ли, у меня высокооплачиваемая работа, и я раньше могла выйти замуж. Но мне казалось, что

этого не следует делать. Я хотела приносить пользу цивилизации, хоть она и забыла, что на свете есть такие люди, как я.

— Вы нужны планете Режихау, — подхватил Маркус.
— Я вспомнил одного своего знакомого. Джо Эйнзурта. Это тихий, задумчивый парень лет тридцати пяти — тридцати семи. Беда в том, что ему нравятся женщины красивые и в то же время умные. Я позабочусь о том, чтобы он вас дождался и разыскал.

Хлоя улыбнулась, и произошло чудесное превращение. Она стала понастоящему красивой. Маркус ломал себе голову, существует ли на самом деле Джо Эйнзурт. Должен существовать, пусть даже зовут его иначе.

— С этим вопросом покончено, — оживленно сказала Хлоя. — В остальном ваш план насчет Врежу-в-Харю — характерный пример нечеткого мышления. Во-первых, я служу не в правительственном учреждении, а в частной фирме.

— Вы ведь издаете официальные карты.

— Это верно. Но разрешите мне пояснить свою мысль. Какой кодовый номер у карты, на которую нанесена Врежу-в-Харю?

Маркус знал номер наизусть. Шифр карты, где ищут ту или иную звездную систему, почти так же важен, как и название. Хлоя закрыла глаза.

— Нет, — сказала она, открыв их снова. — Этим занимается другой отдел. Я не могу изменить название.

— Стоит только изменить, и новое название останется, — убеждал ее Маркус. — Я не постою за деньгами, только сделайте. Стоит ему попасть на карту, и никто уже ничего не скажет. Даже если кто-нибудь и заметит,

он будет знать лишь одно: существует разночтение между старым и новым изданиями. Кто захочет выяснить вопрос до конца, тот обратится к первоисточнику. А первоисточник — это мы. Хлоя мимолетно улыбнулась.

— Так дела не делаются. По-вашему, кто-то отправится за девятьсот световых лет узнавать, как правильнее — Врежу-в-Харю или Режихау? — Она закинула ногу на ногу; ноги были красивые. Должен найтись Джо Эйнзурт.

— Ничего не выйдет, — сказала Хлоя. — Я не могу изменить название сама и не могу сунуть взятку, чтобы изменил кто-нибудь другой. — Она заметила, как он подавлен, и коснулась его руки. — Не отчаивайтесь. Есть другой путь. Инопланетным он никогда не придет в голову: ведь они не знают, что происходит за кулисами.

— Я-то посмотрелся, мне теперь все ясно.

— Не думаю. Вы заметили, что, когда вы наводите справки, вам всегда отвечает человек? И наверняка заметили, что он ничего не знает. Он должен проконсультроваться с роботом, а потом сообщить вам полученную информацию.

Об этом Маркус не подумал. Вездесущая вертикальная картотека на самом деле была роботом — запоминающим устройством. Отчего бы не наделить робота голосом и не уволить бесчисленных мужчин и женщин? Когда Маркус посмотрел на Хлою, этот вопрос был написан у него на лице.

— Роботы знают только логику, ничего больше, — пояснила Хлоя. — На большинство вопросов нельзя ответить просто «да» или «нет», необходим посредник, ко-

торый учитывал бы ограниченные возможности искусственного мозга и переводил его слова широкой публике.

— Не понимаю, какой мне от этого толк, — сказал Маркус.

— Вы все время пытаетесь попасть к чиновнику, который должен убедиться в вашей правоте и изменить название. Забудьте о таком пути. Чиновник никогда в жизни не затруднит себя. Подайте письменное прошение.

— Мы писали прошения сорок лет подряд. Потому-то я и здесь. Хлоя опять улыбнулась.

— За год правительство получает астрономическое количество писем. Впрочем, может быть, это не так уж много, если учесть, сколько людей во Вселенной. Как бы там ни было, письма с других планет никто не вскрывает, потому что со стороны невозможно судить, какие из них важные и какие нет. Их превращают в полужидкую массу и подают к гидропаническим водоемам как питательное вещество. Маркус с сомнением кивнул.

— Понятно. Кто полагает, что его дело важное, тот приедет на Землю... как поступил я. И если ему откажут, он будет действовать через голову того, кто отклонил прошение. Этих бумаг тоже будет много, но все-таки гораздо меньше, и их можно рассмотреть в обозримый срок.

— Именно. И если вы правильно сформулируете свое прошение, вероятность того, что оно будет удовлетворено, очень высока, каким бы дурацким оно ни было.

— Оно не дурацкое. — Маркус потер руки. — У меня собраны все факты. Я даже во сне могу изложить их на бумаге.

— Кому нужны факты? — удивилась Хлоя. — Самое худшее, что можно придумать, — это оперировать фактами. Неужто вы не поняли, что я вам пытаюсь объяснить?

— Нет, — с глубоким вздохом признался Маркие.

— Начнем сначала. Мать Режихау открыл планету и назвал ее своим именем. Важно ли это? Ничуть. Важно ли, что Врежу-в-Харю из-за своего названия будет медленнее заселяться? Опять-таки ничуть. Поселенцы, которых потеряет Врежу-в-Харю, осядут на тысяче других планет. Робот отклонят прошение, основанное на фактах, и с государственной точки зрения будет прав.

— Но вы же сами сказали, что роботы не рассматривают прошений.

— Не рассматривают, когда проситель обращается лично. Отказ робота вы бы сочли проявлением высокомерного бюрократизма. Но ведь вы не видите, кто обрабатывает письменные прошения. А на таких операциях государство применяет роботов, потому что они более исполнительны.

Для Маркуса это было чересчур сложно. Роботы рассматривают письменные прошения, но не лично изложенные. Роботы знают логику и только логику, а потому их не убеждают доводы разума. Он судорожно глотнул и посмотрел на Хлою.

— Что я должен делать? — спросил он.

— Напирать на эмоции, — ответила она. — Роботам эмоции чужды. Но они умеют распознавать эмоцию —

так они сконструированы. Такое пустячное дело, как у вас, надо перенасытить эмоциональным фактором.

Планету только укажите. А потом упирайте не на справедливость вашего требования, а на причиненные вам страдания. Не бойтесь сгустить краски нарисуйте картину бедствий, которые принесла и будет приносить злополучная ошибка. Если вы все изложите достаточно убедительно, робот откажется от рациональных методов я удовлетворит ваше прошение.

Вот теперь начинало проявляться. По мере того как возрастала численность и сложность государственного аппарата, по мере того как ослабевал контакт между управляемыми частями, приходилось все более полагаться на логику машин. Но нечего было надеяться, что машины когданибудь осмыслят всю нелогичность человека. Алогичные требования заставляли призадуматься. Алогична гордость, алогичны, как правило, людские горести.

Поэтому в том, что касается мелочей, правительство создало предохранительный клапан для алогичных прошений. Только в том, что касается мелочей; серьезные вопросы по-прежнему решали люди. Но при разборе бесчисленных мелких жалоб, ежедневно принимаемая незначительные решения, роботы переставали прибегать к логике, если различали сильную эмоцию.

— Пап, — проговорил Уилбур из угла, где он смиренно прикорнул.

— Потом, Уилбур, — отмахнулся Маркус. — Ты, наверно, голоден. Мысленно он составлял прошение. Ничего подобного еще не выходило из-под его пера.

— По-моему, в кухне что-нибудь найдется, — сказала Хлоя, но Маркус поспешно отказался. Даже при высоком окладе яйца ей не по карману. Тут вошла Мари Элли. Она удрученно сутулилась, плащ на ней обвис.

— Привет, сестренка, — сказала она с порога. Потом увидела Маркуса и мгновенно ожила. Она с разбегу прыгнула к нему на колени, обвила руками его шею.

— Марк, дорогой! — через его плечо она по-кошачьи заулыбалась сестре.

Маркус с сожалением вздохнул. Кто знает, что может сболтнуть матери его невинный отпрыск. Высвободившись из объятий девушки, Маркус объяснил цель своего визита.

— Значит, мы едем на Врежу-в-Харю?

— Через несколько месяцев, — сказала Хлоя. — Маркус хочет основать постоянный фонд помощи тем, кто не может оплатить свой проезд.

— О, я поеду. — Мари Элли в упор посмотрела на Маркуса. — Но не надейтесь, что я там выйду замуж.

Маркус чуть заметно улыбнулся. Девушка преувеличивает. Она про него и не вспомнит, когда увидит, какой перед ней неограниченный выбор. Там все же есть Джо Эйнзуорт, если Маркусу не изменяет память, ему года двадцать четыре или двадцать пять. Он кажется старше из-за преждевременной седины. Эти двое составят чудесную пару. Значит, Джо Эйнзуорт не достанется Хлое, но для нее там найдется другой.

— Переодевайтесь, Мари Элли, — сказал Маркус. — Пойдем обедать.

— Все?

— Безусловно, все, — сухо подтвердил Маркус, от которого не ускользнуло ее неодобрение.

Когда девушка вышла из комнаты, он стал советоваться с Хлоей о том, как лучше составить прошение. Очевидно, он уловил не все нюансы, так как ни до чего не договорился вплоть до возвращения Мари аллеи.

— Я готова, — объявила девушка и сделала пируэт, чтобы Маркус оценил наряд по заслугам. Она явно готовилась не к тихому, скромному обеду.

— Накиньте-ка что-нибудь на плечи, — сказал Маркус. Девушка скорчила рожицу, но послушно вышла.

— А долго это будет тянуться? — спросил он у Хлои.

— От четырех до шести лет. Раньше очередь не подойдет.

— От четырех до шести? — недоверчиво переспросил Маркус. Он заподозрил, что лазейка, оставленная правительством, очень узка. Кто станет возиться, даже принимая свое дело близко к сердцу, если знает, что тут нужны долгие годы?

— Это по обычным каналам. — Хлоя нахмурилась и пригладила волосы. Сегодня — и только сегодня — можно все устроить гораздо быстрее. Вы говорите, А-КОВО переезжает?

— Переезжает. — Маркусу казалось, что он понял мысль девушки. Случай редкий, больше он никогда не представится.

— Значит, будут переезжать всю ночь до утра. Рабочий может проникнуть к главному роботу.

— Я рабочий не из худших, — улыбнулся Маркус.

— Без меня вам не обойтись. Вы ничего не найдете.

— Согласен. Это опасно?

— Физически — нет. Но закон жестоко карает злоупотребление государственной собственностью. Еще суровее карается попытка ускорить рассмотрение своего дела.

Это Маркус понимал. Понимал также, что именно такие, как Хлоя, нужны на Врежу-в-Харю. Она знает, чем рискует, но не колеблется.

— Тогда вы пойдете со мной. Но держитесь поодаль. Обещайте, что вы скроетесь, если меня застукают. Хлоя пожала плечами.

— Если вас застукают, вам понадобится моя помощь. Вернулась Мари Эллен с прозрачным, сверкающим шарфом на плечах. Она была белокура и ослепительна.

— Куда мы пойдём? Я так рада! Маркус расстегнул воротник и уселся.

— Для нас обед отменяется, вы пойдёте вдвоем. У нас с Хлоей есть работа. Мари Эллен, проводите потом Уилбура в гостиницу. Последите за ним.

— Вы этого хотите? — уныло спросила она.

— Я очень прошу.

— Ради вас я согласна. — Она изогнула спину (это получилось изящно), повернулась на каблуках, помедлила у двери. — Идем, мелюзга.

— Пап, я обойдусь, — начал было Уилбур. Маркус посмотрел на него, и он присоединился к Мари Эллен.

— Времени у нас в обрез, — сказал Маркус, когда они с Хлоей остались вдвоем. — Сначала надо написать прошение. Мне нужна ваша помощь. Хлоя сняла чехол с перфомашинки, села и обернулась к Маркусу.

— Надо подчеркнуть муки и несчастья.

— Уныние, — предложил Маркус.

— Уныние — хорошее слово, сильное, — согласилась Хлоя. — Теперь его редко употребляют. Ваше дело уладится в считанные часы.

— Хорошо бы, — сказал Маркус. — Не представляю себе худшего названия, чем Врежу-в-Харю.

Он стал медленно рассказывать об унынии, в которое ввергла планету злополучная ошибка. Хлоя отпечатала все на перфоленте.

У Маркуса Режихау свалилось с плеч бремя сорока трех лет. Он устал, но это была приятная усталость, такая приходит вместе со свершением. Они легко попали в А-КОВО и затесались в сутолоку и неразбериху. Еще легче разыскали главного робота, который выносит решения по названиям на картах. Но остальное было вовсе не легко, даже несмотря на подсказки и советы Хлоп.

Главного робота полагалось перевозить в последнюю очередь. Робот находился в глубоком подвале, упрятанный на много этажей под землю, и обычно к нему никто не имел доступа. Это была тяжеловесная машина, громоздкая и в то же время хрупкая. Роботы-грузовики взвалили его на себя. Техники и чернорабочие начали быстро отключать его от здания. Одним из этих чернорабочих был Маркус, он делал свое дело не хуже других. Но ему не представлялось случая ввести в машину свое прошение.

Мимо прошла Хлоя в бесформенной рабочей одежде; она подмигнула ему на ходу. Никто не обратил на нее внимания — кругом было много женщин. Маркус изготовился, подобрался к передней части машины, нащупал в кармане бобину с пленкой. Какой-то техник по-

дозрительно уставился на него, но ни к чему не мог придаться.

Хлоя прислонилась к стене и локтем незаметно нажала выключатель. Мгновенно включились резервные цепи, но вспышка света вызвала суматоху. Техник напустился на Хлою, а та выслушала его брань с перепуганным и усталым видом. Усталость была не напускная.

В эти считанные секунды Маркус ввел пленку в машину. Остальным пленкам, которые уже находились внутри, пришлось потесниться, но машина автоматически компенсировала перегрузку. С этой стороны нечего опасаться.

Другое дело — сама пленка, которую подготовила Хлоя. Обычно прошения подаются на бумаге, их переносят на пленку в самом департаменте. Хлоя помогла Маркусу миновать целый этап.

После того как все утихомирилось, Маркус и Хлоя продолжали трудиться. Но вот объявили перекур, они поднялись на первый этаж и в тускло освещенном вестибюле скинули рабочую одежду. Теперь они превратились в пешеходов, которые проходили мимо и заглянули из любопытства. Делать им здесь было нечего, их попросили удалиться, что они и исполнили.

Маркус вернулся в гостиницу совсем поздно. Поблизости никого не было, и он возблагодарил за это судьбу. В столь поздний час ночи Маркус не был расположен отмахиваться от женщин. Уилбур спал. Маркус зажег свет, но затенил его, чтобы не разбудить сына. Может быть, в эту минуту главный робот уже стоит на новом месте и перемалывает прошения. Врежу-в-Харю канула или вот-вот канет в Лету.

— Пап, — позвал Уилбур, едва Маркус снял ботинок.
— Да. Я вернулся. Спи.
— Ты все сделал?
— Все кончено. Вылетаем первым же звездолетом.
— Завтра?
— Если завтра отправится звездолет, значит, завтра.
— Не прощаясь? Скрипнула кровать — Уилбур сел в постели.

— Оставим записку. Так или иначе через несколько месяцев они прилетят на Режихау.

Уилбур подошел к отцу, бледный, и серьезно посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Но я обязательно должен попрощаться с Мэри Эллен. Маркус снял другой ботинок. Не следовало оставлять их вдвоем. Извинением ему служит только то, что он был поглощен другими мыслями.

— А я думал, она тебе не нравится, — сказал Маркус.

— Пап, я ведь думал, что и я ей не нравлюсь. А оказалось не так. То есть... — Уилбур прислонился к косяку двери, лицо у него было вытянутое и грустное.

Маркус улыбнулся в полутьме. Мальчик так мало общается с девушками, что не знает их повадок. Естественную реакцию на существо другого пола он принял за нечто большее. Но ведь все к лучшему. Уилбур не помнит, кого завоевывала Мари Эллен. С лихорадочным эгоизмом юности он сохранит в памяти лишь интерес, проявленный к нему самому. Долгие годы ему будет грезиться поцелуй.

— Надо ли понимать тебя так, что ты с ней сблизился? — строго спросил Маркус, которого насмешило собственное упущение.

— Пап, как ты можешь! — воскликнул Уилбур. — Я ее поцеловал.

— Это проходит.

— Все равно я должен попрощаться.

— Посмотрим, — сказал Маркус. Если только в его силах помешать, прощания не будет. Не хватает еще, чтобы при расставании Мари аллеи кинулась на шею ему, Маркусу, позабыв об Уилбуре. Она еще молода и не понимает, как это может ранить юношу, даже если он младше ее. Маркус заснул с чувством удовлетворения, присущим человеку, который вершит людскими судьбами.

Утром никакие уловки не понадобились. Улетал попутный звездолет. Он не останавливался на Режихау — уж больно непримечательное местечко. Но одну из остановок он делал на планете, откуда до Режихау рукой подать. Режихау. После стольких лет опять можно называть ее законным именем, не чувствуя себя провинциалом.

Уилбур так радовался возвращению домой, что забыл о Мари Эллен. Маркус уложил вещи и распорядился, чтобы багаж отправили в космопорт. Он позвонил Хлое договорился о денежных делах и передал привет Мари Эллен, которая была на работе.

А потом они приехали в космопорт, взошли на борт звездолета. Старт дали не сразу. Отец и сын обосновались по-хозяйски в каюте, и Уилбур сразу заснул. Еда, сон и девушки — вот все, на что хватает времени у молодых людей.

А Маркусу не спалось, хоть он и устал. Он хотел услышать, как объявляют маршрут. Ведь поправку уже

должны внести! Взревели ракетные двигатели. Уилбур, вздрогнув, проснулся и свесил ноги с амортизационной койки.

— Ты думаешь, сейчас объявят? — спросил он.

— Должны, — ответил Маркус.

Рев двигателей усилился, каюта задрожала. Объявят ли когда-нибудь маршрут? Щелкнул микрофон.

— Бессемер, Золотой Песок, — заговорил динамик.

— Ложись на койку, — приказал Маркус и лег сам.

— Корни, Кассальмонт, — гудел динамик. И тут все заглушил рев двигателей. Маркуса вдавило в упругую койку. Диктор надрывался, но слов невозможно было разобрать — так шумела в ушах кровь. Маркус провалился в серое забвение перегрузки. Когда он очнулся, вокруг сверкали звезды, а непосильная тяжесть исчезла. Маркус сел.

— Не услышали, — заметил Уилбур, опуская ноги на пол.

— Да, но объявят еще раз.

— Все равно жаль, — сказал Уилбур. Маркус тоже забеспокоился.

— Самое разумное — справиться, — решил он. Они вышли в коридор. Ракетные двигатели безмолвствовали: тезаерь работали межзвездные. Солнечная система осталась позади, слилась с другими светилами.

Звездолетчик был занят; он кивнул, приглашая их подождать, пока он не задаст курс автонавигатору. Немного погодя он обернулся.

— Чем могу служить? — спросил он.

— Мы не слышали маршрута, — сказал Маркус. — Ракеты все заглушили. Звездолетчик виновато улыбнулся.

— В последнюю минуту пришлось вносить исправления в карты; знаете ведь, как это бывает. Мы ждали, пока на борт доставят список изменений.

— Понимаю. — Маркус немного приободрялся. — Скажите, пожалуйста, среди исправлений была — Режихау?

Звездолетчик достал список, пробежал его глазами, потом внимательно перечитал.

— Здесь Режихау нет, — сказал он. Тотчас к Маркусу вернулось угнетенное состояние духа.

— Нет Режихау? — растерянно повторил он.

— Нет, но я сейчас проверю. — Звездолетчик склонился над списком. Постойте. Вот это, наверное. Взгляните-ка.

Маркус посмотрел. Палец пилота остановился возле жирных черных букв:

ПЫЛАЯ ХАРЯ (бывш. Режихау; название изменено во избежание путаницы с фамилией просителя).

— Благодарю, — слабым голосом произнес Маркус. — Это я и хотел узнать.

В молчании они вернулись в каюту. Маркус закрыл глаза, но все равно продолжал видеть новое имя планеты. Не так легко от него избавиться.

— Раньше было красивее, — сказал Уилбур. — Как потвоему, что там случилось?

— Не знаю, — ответил Маркус. Но он знал. Четырнадцать раз (или одиннадцать?) употребил он одно и то же слово. Он старался захлестнуть главного робота эмоцией, и это ему удалось. В мозгу робота он запечатлел главным образом слово «уныние».

— Что теперь делать? — спросил Уилбур. — Может быть, вернемся?

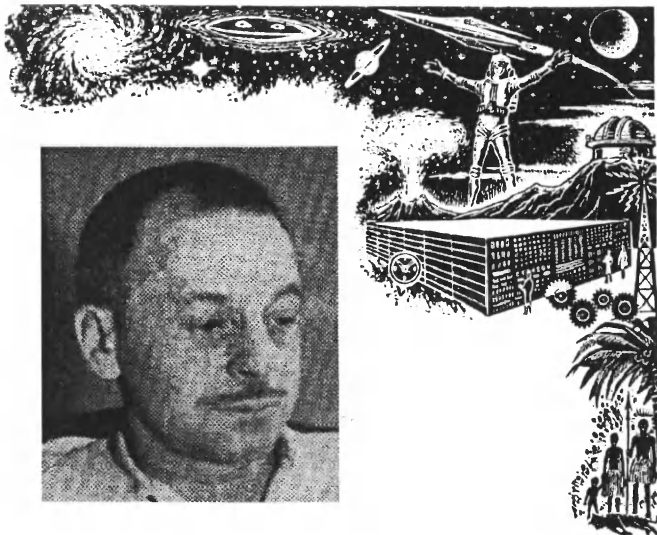
— Нет, — отказался Маркус. — Оставим как есть. Вот вырастешь, займешь мое место, тогда и попробуй, если тебе захочется.

Женщины на планете будут, невзирая на название. Хлоя поймет, что случилось; так или иначе он обещал писать. Она не пожалеет, что приехала. А будут женщины — будут и мужчины, как-нибудь проживем.

Надо еще учесть фактор неопределенности. Маркус думал, что хуже старого названия ничего и быть не может... сейчас он так больше не думает. Он содрогнулся при мысли о том, каким может оказаться следующее название.

— А теперь ничего? — с тревогой спросил Уилбур.

— Конечно, ничего. — Маркус смирился со своим жребием. — Мы едем домой, на Унылую Харю.

Американский автор Floyd Lee WALLACE (16.02.1915, Рок-Айленд, Иллинойс – 26.11.2004, Тастин, Калифорния) окончил Университет Айовы. Жил в Калифорнии, работал инженером-механиком. В 1951-1961 годах в журналах опубликовал 24 рассказа и один роман вышел книжкой.

Флойд Ли УОЛЛЕС подписывал свои произведения сокращенно F.L. Wallace. На русском в публикациях встречается ошибочное написание «Фредерик Уоллес».

(Фото 1953 года)

Содержание:

Задержка в пути	5
Delay In Tansit	
Galaxy, сентябрь 1952	
Иллюстрации Дона Сиблея	
Перевод Н.А. Кокошинской	
сборник «Телохрани́тель», Киев. АСК. 1993 г.	
 Ученик	 82
Student Body, 1953	
Galaxy Science Fiction, March 1953	
Иллюстрации William Ashman	
Перевод И. Брухнова	
журнал «Химия и жизнь», 1967, № 1.	
 Западня	 95
Tangle Hold , 1953	
Galaxy Science Fiction, June 1953	
Иллюстрации Ed Emshwiller	
Перевод Ю. Яновского	
Журнал «Простор», 1965, № 8	

Зверушка Боулдена 171

Bolden's Pets, 1955

Galaxy Science Fiction, October 1955

Иллюстрация Diehl

Перевод И. Гуровой

Сборник «Космический госпиталь», М. Мир, 1972 г.

Из двух зол 201

Mezzerow Loves Company

Galaxy № 6 за 1956

Иллюстрации Эд Эмшвиллер

Перевод Н.М. Евдокимовой

Сборник «31 июня», М. Мир, 1968 г.

Об авторе 253

Ф.Л. Уоллес
Из двух зол
Сборник рассказов

Количество знаков 303 505
Тираж 30 экземпляров

Зарубежная

фантастика

Galaxy

SCIENCE FICTION

JUNE 1953

35¢

ANC

TANGLE HOLD By F. L. WALLACE

